

ПОЭЗИЯ
РУССКОЙ
ДУШИ

*О творчестве
поэта
Владимира Силкина*

Белгород
Издательство «ЗЕБРА»
2020

УДК 82
ББК 97.37
П 67

П 67 ПОЭЗИЯ РУССКОЙ ДУШИ. О творчестве поэта Владимира Силкина. – Белгород: Издательство «ЗЕБРА», 2020. – 190 с.

Сборник «Поэзия русской души» состоит из отзывов и рецензий, написанных в разные годы на произведения заслуженного работника культуры Российской Федерации, лауреата Государственной премии Российской Федерации имени Маршала Советского Союза Г.К. Жукова Владимира Александровича Силкина.

Объединённые в сборник публикации – это своеобразное исследование, раскрывающее активную, преобразующую роль поэзии в современном обществе на примере стихов Владимира Силкина.

12+

ISBN 978-5-6044824-1-4

© Коллектив авторов, 2020
© Издательство «ЗЕБРА», 2020

«НАВЕРНО, Я С ПРИРОДОЮ НА „ТЫ“»

О поэзии Владимира Силкина

Можно ли найти человека, равнодушного к природе? Она – источник жизни, она радует глаз, успокаивает душу, вдохновляет. Не случайно в поэзии природа занимает особое место. Русская пейзажная лирика вошла в сердце каждого с живописным «Зимним утром» Пушкина, с «Люблю Отчизну я, но странною любовью» Лермонтова, с «Весенними водами» Тютчева, с циклами стихов «Времена года» Фета, с «белой берёзой под моим окном» Есенина, со светлыми, до боли знакомыми картинами природы «тихой моей родины» Рубцова.

Лучшие традиции русской пейзажной лирики отразились в поэтических строчках замечательных поэтов Владимира Фирсова, Виктора Бокова, Сергея Острового, Василия Казанцева, Владимира Кострова и других мастеров слова. Они очень близки мне своей задушевностью, искренностью, насыщенностью яркими поэтическими образами, зримостью картин живой одухотворённой природы.

Новым открытием для меня стал поэтический сборник Владимира Силкина «Зимние яблоки». Русская природа в его строчках предстаёт живым естеством, сливаясь воедино с душевными переживаниями, пронизанными тихой грустью, памятью о своих истоках, размышлениями о высоком предназначении человека.

Ярко и метафористично раскрывает поэт картины природы, сливаясь с ней своей душой и судьбой.

*Наверно, я с природою на «ты»,
Я вижу всё, я понимаю много:
Над чем смеются дикие цветы,
Куда зовёт раскисшая дорога.*

Вот, оказывается, где «ключик» к разгадке стихотворной пейзажной живописи Владимира Силкина. А ещё, как

заметил сам поэт, «что делать, если от сохи и если ты дитя природы? Сиди себе, пиши стихи»... Природа для поэта – это Храм, наполненный яркими сочными красками, удивительными звуками, дорогими переживаниями и святостью:

*Песнь соловьиная ночью в бору,
Тишь первозданная в нём поутру.
Я полюбил этот солнечный храм,
Настежь открытый свободным ветрам.
И потому я счастливым живу,
Что понимаю и лес, и траву.*

И ещё природа у Владимира Силкина неразрывно связана с Родиной, с сизым дымом над избой, где «мать колыбельные пела», с необозримыми просторами полей, где «метелью снега причёсаны», с прохладой лесов, с «алыми мгновеньями заката», с «задумчивым летом», сказочной, буйной в своём многоцветье осенью. Дороже для поэта нет ничего. Поэтому он взывает к Всевышнему с молитвой о России, о добре, о своём народе:

*Пусть будет в доме бело от снегов,
Пусть будут добрыми люди,
Пусть у России не будет врагов,
Пусть у меня их не будет.*

Поэт сумел «не расплескать, из сердца не утратить» любовь к отчему краю, ко всему, что дорого и близко. Как убедительно одушевляет он берёзу, обращаясь к ней, как к родному человеку:

*Склонись ко мне, берёза, и прости,
Прости за то, что столько зим промчало,
За то, что ты не раз меня встречала,
А я не смог сыскать к тебе пути.*

А как волнует его черёмуха, «как невеста, белая-белая», которая дрожит, вздыхает тревожно, «кутает плечи духмяные» и делит с поэтом «грустную долю»!

Вот и «ель, как зонтом, прикрывается лапою, к окнам моим подходя. Ветер её выгибает, что тросточку, бьёт она лапой в стекло».

Особое место в пейзажной лирике В. Силкина занимает осень. Осень у меня лично ассоциируется с фантастическим закатом солнца, а если брать жизнь в философском ракурсе – то с возрастным закатом, когда отшумели буйные молодые годы, когда жизнь преподносит «плоды», которые ты сам взрастил, когдаходишь к черте, за которой – старость. На душе светлая грусть и тихая печаль... Вот такой настрой у осеннего цикла стихов Владимира Силкина. Стихотворение «Осенние краски» – зеркало лирической души поэта, пронизанной печальной философией бытия:

*Прилетели седые ветра,
Запалили леса и подлески,
И рябины одели с утра
Из рубиновых ягод подвески.*

*И вот-вот прилетят снегири,
Облюбуют остывшие ветки.
Чтоб, волнуясь, не спать до зари
В золотой непроветренной клетке.*

*Многokrатно неслышно на дню
Сменяют листья на ветках окраску.
И доверяются птицы огню,
И влетят в белоснежную сказку.*

*И так будут летать по лесам,
Согреваться рябиновым соком.
Да и сам я, и сам я, и сам
Буду пробовать горечь до срока.*

Когда читаешь стихи Владимира Силкина, понимаешь, насколько ярка, событийна и насыщена его жизнь (здесь даже можно не углубляться в официальные биографические факты). Вот так же колоритна, жива и многолика «унылая пора, очей очарованье» у поэта. Она вдохновлена пушкинскими осенними мотивами:

*Разве можно чудо бросить,
Потерять любовь и честь,
Если болдинская осень
Лишь у нас в России есть!*

И как не восхититься неповторимыми метафорами, сравнениями, олицетворениями, противопоставлениями – теми художественными средствами, которые погружают читателя в осеннюю сказку Силкина: «листья, словно лягушата, скачут в лужах целый день», «век доживает бабий свой берёза в белом сарафане», «на землю лист опустит тело», «сентябрь рассыпает монету, заставляя звенеть синеву», «с опаской по глянцевым лужам разноцветные скачут зонты», «бисерный дождик – стеною и сердец обезумевших стук», «горят в невесомом лукошке шоколадные щёки опят». А вот почти маяковским звучанием удивляет такая осенняя зарисовка:

*В этот лесок, что прозяб,
Кучами свалены звёзды,
Вбиты берёзы в октябрь,
Будто бы гвозди.*

Осенние картины Владимира Силкина наполнены душевными переживаниями, глубокими размышлениями о смысле жизни, о гражданской ответственности за судьбу Родины и народа. Это, безусловно, показатель поэтической зрелости автора:

*Какая осень! Лучше не бывает!
И хочется безумствовать и петь.
Но жаль, что жизнь так быстро убывает
И боязно чего-то не успеть.*

*Ложится лист малиновый на воду,
И он устал кружиться и страдать.
И очень страшно не понять природу,
И боязно судьбу предугадать.*

Свои размышления о поэзии Владимира Силкина я хотел бы закончить на оптимистичной ноте. Очень подкупила меня лёгкая озорная самоирония в строчках поэта, сочетающаяся с твёрдостью русского духа и силой настоящего мужского характера:

*Ах ты, старость, глупая, слепая!
Постареть на свете не хитро!
Вот уже и место уступают
Женщины роскошные в метро.*

.....
*Поднимает в небо эскалатор,
У него мальчишеская прыть,
Но и я, стальной, как экскаватор,
Я ещё умею землю рыть.*

Уверен в том, что стальная крепость, свойственная Владимиру Александровичу как человеку и поэту, поможет ему взять новые рубежи в жизни и творчестве.

Виктор МОСТОВОЙ,
член Международного сообщества
писательских союзов
(г. Стаханов ЛНР – Москва),
газета «Московский литератор», № 16, август, 2019 г., с. 4.

ПОЭЗИЯ ЕСТЕСТВА

Владимир Силкин – поэт, сильно привязанный к Родине, к родному краю.

В его поэтическом голосе звучит постоянная близость творца к самым любимым дорогим местам – местам его детства, отрочества, местам первой близости с миром, местам, где каждый осознает и поймёт себя, прежде чем социально адаптируется и вольётся в общее течение своего времени.

Его поэтические импульсы, связанные с ностальгией по прошлому, обусловлены именно волнением, которое вызывает в нём и сегодня всяческие воспоминания, каждое, даже мысленное, возвращение. Кроме того, это возвращение к природе, и, следовательно, эти импульсы являются не только здоровыми отношениями с ней, но также обусловлены беспокойностью об утраченном или безвозвратно утерянном.

И основное в лирике Владимира Силкина связано, прежде всего, с родной землёй. Это является и основным взглядом на природу в её самых волнующих чертах. Край родной в его лирике принимает различные первообразы, но прежде всего автор обращается к образам отца и матери, родственников и друзей. С детства поэта связывали и его ранние поэтические импульсы, порывы. Это и есть причина, по которой они – свежи и чисты. И эта чистота в лирике Силкина ощущается во всём его творчестве.

В детстве поэта формировало его мироощущение, творческая его мораль, его восприятие жизни. Именно через чувство Родины видит он мир и любит его.

Дорог и забываем родной дом поэта. Но очень много редких и коротких мгновений, в которых лирическое «Я» вполне удалось вернуть реально – в него самого. Возвраща-

щение становится, скорее, воображением. Очень большую роль при этом играет память.

Прекрасная природа, которую мы находим в стихах Владимира Силкина, это, скорее, только повод для философского переосмысления жизни. Потому что эта лирика имеет полное право на существование. Поэт говорит о бренности и быстротечности человеческой жизни, ибо слишком коротко время, которое нас отделяет от Создателя, Творца Земли, чтобы наслаждаться вечной красотой природы, которая бессмертна.

Радость в этом тексте смешивается с грустью и болью от недостигнутого, потому что в нашей жизни всегда остаётся нечто, о чём мы мечтали, но так и не успели осуществить. И поэтому лирика В. Силкина драматична, что, несомненно, и придаёт ей глубину. Поэта неизменно тревожит тот факт, что родные места постепенно пустеют, а основная надежда – молодые люди – уезжают в крупные города и мегаполисы.

Гуманизм занимает центральное место в этой лирике. Поэт преклоняется перед человеком, перед его житейскими муками и болью. Его поэтическая молитва взывает к добру во благо человека, чтобы не было ни войн, ни врагов, и люди стали отзывчивей и человечнее.

Проявляется в этой лирике и чисто любовное чувство...

Неспокойна и тревожна поэзия Владимира Силкина, в ней чувствуется внутреннее напряжение, порождённое несовершенствами жизни.

Но поэт не стремится к усложнённой метафоричности. Его образы естественны и доступны всем нам. И поэт видит их во всей своей красоте и благодаря тонкости восприятия помогает нам их приоткрыть и обрести. А, стало быть, и сопереживать.

Через свою лирику автор стремится выразить себя самого, отгораживаясь от всякой литературщины и сочинительства, опираясь лишь на пережитое и личный опыт. А это

означает, что состоявшаяся наша встреча – это встреча с подлинным поэтом, в творческой основе которого – ТАЛАНТ!

Никола ИВАНОВ,
литературный критик,
член Союза болгарских писателей,
лауреат Национальной литературной премии
«Иван Динков», обладатель многих наград в области
литературной критики Союза болгарских писателей.

«МУЗА МОЯ! МНЕ В ПЛОХОЕ НЕ ВЕРИТСЯ...»

«Царские кудри» – новый сборник стихотворений Владимира Силкина. Как точно сказано в аннотации: «Буквально после прочтения каждого стихотворения остаётся душевный след – „послечувствие“, „послемыслие“, „послевкусие“».

Книга начинается с символического обращения к музе поэта:

*Муза моя! Мне в плохое не верится,
Но наступает на пятки война.
Кто вам сказал, что Земля ещё вертится,
Если не слышит молитвы она?!*

Многие стихи Владимира Силкина положены на музыку, например, «Здравствуй, любимая!» Вслед за поэтом хочется пойти по Москве и «обнять» её:

*Я задыхаюсь и я зову
Женщину, пусть и мнимую.
Дайте пройти и обнять Москву!
– Здравствуй, любимая!*

Владимир Силкин посвятил много строк своей малой родине – городу Рязьку, где родился и вырос. Читая стихотворения, ясно представляешь родные для поэта места. Картинка, которая предстаёт перед глазами читателя благодаря созданным автором образам, «звучит»:

*Между Хуптой и Рановой
Березняк и полынь.
Белый цвет и шафрановый
И неспящая синь.*

*Пчёлы, слепни и оводы
Только там, где вода,
И летят они по воду
То туда, то сюда.*

Хупта и Ранова – реки в Рязске, свои названия они получили благодаря соседству с Мордовией.

Владимир Силкин немало пишет и о флоре родного края. Вот, например, строки из стихотворения «Царские кудри», давшие название сборнику:

*Каждому хочется кудри погладить,
Каждому хочется кудри помять.
Сколько восторга в ребяческом взгляде,
Что удалось эти кудри поймать!*

После стихотворения есть сноска: «Царские кудри – второе название лилии саранки, занесённой в Красную книгу Рязанской области».

В своих поэтических текстах Владимир Силкин не раз обращается к тем, кто ему дорог, откликается на трагические эпизоды в судьбе конкретных людей.

Так, в «Слухе», посвящённом памяти солиста Академического ансамбля песни и пляски Российской армии имени А.В. Александрова Андрея Савельева, поэт вспоминает, как Савельев учил его петь:

*Ах, что за голос у Андрея!
И на фатьяновской земле
Я петь боюсь, я не умею,
Хоть водки много на столе.*

*С рожденья не имею слуха.
– Ты не конфузь меня, Андрей!
– Я научу! – твердит Андрюха,
И голос мягче и добрей.*

*– Бросай курить – и тоже сможешь!
Табак мешает соловью!
А сам поёт, мороз по коже,
И душу радует мою...*

Иногда лирический герой Силкина называет себя дурачком, а в стихотворении «За кудыкины горы» говорит так:

*– Где они, эти самые горы?
– Я впервые собрался туда...*

*Надоели чужие укоры,
Каждый учит по-своему жить.
Ухожу за кудыкины горы...
А куда дураку уходить?!*

Поэт талантливо обыгрывает тему дуэли. Свежо и неожиданно, хотя, казалось бы, сколько раз о поединке писалось в литературе!

*Давай безумствуй, но во благо!
Во имя чести и семьи.
Перо вот это и бумага
Сотрут сомнения твои.*

*...Соперник бьёт, а пуля – мимо
Летит, не задевая грудь.
Как всё-таки необходимо
Всей грудью вовремя вздохнуть.*

В книге Владимира Силкина нередко встречаются образы и сюжеты, связанные с водоёмами и рыбалкой. Автор с неподдельной радостью передаёт свои впечатления и воспоминания, например, об ухе в котелке:

*Наваристый суп в казане,
Дурмящий запах горошка.
И ловит картошку на дне
Большая походная ложка.*

*И лук, и морковь, и чеснок,
И зелень, и перец с петрушкой...
И ты чуть не валишься с ног,
Стоишь в ожидании с кружкой.*

*Уха – это хвост с головой,
Добавки – обычное дело.
Но суп-то у нас мировой,
И нет совершенству предела.*

Владимир Силкин – это поэт, который чувствует вкус жизни в каждом миге, умеет ценить настоящее, не забывает о прошлом и щедро делится своим знанием с читателем.

Ангелина БРЖЕВСКАЯ,
«Литературная газета», № 30 (6746), 22–28 июля 2020 г., с. 22.

БЛИЗОСТЬ РОДНОЙ ЗЕМЛИ

Поэзия Владимира Силкина произвела на меня впечатление ещё лет пять тому назад как поэзия проявления тесной связи современника с родным краем, как поэзия, в которой близость с землёй и с природой является прямой, со всеми своими естественными, тёплыми оттенками тонкой, чувствительной души, общающейся одновременно с обозримым и бесконечным.

Его рекомендовал мне хорошо известный в нашей Болгарии русский поэт и переводчик, журналист и издатель Всеволод Михайлович Кузнецов.

Стихи Владимира Александровича Силкина не являются обычными, одноплановыми, они носят сложный и глубокий характер, потому что достаточно полифоничны.

И когда мы их читаем, то у нас складывается ощущение, будто человек сливается с природой, а чувства наши являются неотъемлемой частью мироздания и, что характерно и неповторимо, делают нас носителями этого восприятия – собственного первородства и своего собственного следа в жизни. И вопреки тому, что тревожное и буреносное зачастую сопровождает наши земные путешествия, нечто яркое, блистательное ассоциируется с силой наших корней, с их живым присутствием в наши дни и с их глубиной.

Несомненно, больше, чем в ребёнке, у Владимира Силкина заложена и сформирована эта чувствительность к исконному, без которой ни Поэзия, ни Творчество просто немыслимы и невозможны для любого настоящего поэта.

Само волнение возвращения в родные края, предчувствие чего-то нового, реально заряжающего дух поэта, при встрече с природой и красотой родимых мест и просторов вызывают у него Вселенские Откровения и Размышления о земных и небесных моментах – и в качестве оценки прохождения времени, и как стремление к идеальной любви, идеальной и возвышенной духовности.

Всё это достигнуто Владимиром Силкиным без всякого напряжения, неоправданной фанфаричности, что и характеризует силу его таланта, одаривающего и его, и нас прекрасными образцами словесного мастерства сердца.

Как поэт, он обладает чувством красоты земного мира, нормальной для каждого из нас идеализацией, но примеренной на себя и в рамках самооценки, и самовзыскательности.

Именно это и определяет Владимира Силкина как одного из наиболее крупных современных поэтов России и нашего времени и придаёт его творчеству общечеловеческий, универсальный характер. Творчество, которое волнует нас сегодня и о котором ещё не раз будут говорить.

Станислав ПЕНЕВ,
член Союза болгарских писателей,
член Славянской литературной и художественной академии,
Председатель Ассоциации литературного общества (СЛОВ),
создатель, организатор и ведущий
литературного салона в г. Варна,
главный редактор газеты «Литература и Общество»,
с приложением «Есенинский бульвар»,
заведующий библиотекой «Литературное общество».

ПОЭЗИЯ РУССКОЙ ДУШИ...

(Дорога Владимира Силкина)

Души пророчества правдивы...

Д. В. Веневитинов

Был тёплый осенний вечер. Я был в гостях у своего хорошего друга, замечательного православного поэта и прозаика Владимира Богатырёва. Я любил бывать в его крошечной однокомнатной квартирке в Долгопрудном, или как он любовно называл «Долгопе», сплошь заваленной книгами и архивными папками, с множеством икон и какой-то особенной атмосферой. Его супруга Лидия Ивановна потчевала нас чаем, настоящим на травах, и подшучивала над супругом, который не спеша рассказывал мне историю, видимо хорошо ей знакомую. Я же слушал своего собеседника буквально с открытым ртом – так интересны и поучительны были его рассказы.

В то время он редактировал литературный ежегодник «СЛОВО ОТЧЕЕ». Делал он это с большой любовью, поэтому был требовательным, даже придирчивым редактором, но сотрудничать с ним было очень интересно. На этот раз я рискнул показать несколько стихотворений о войне. На его немой вопрос я объяснил, что подбирался к этой теме много лет. Я – дитя войны, отец мой воевал, а его фронтовые друзья рассказали мне много такого, чего я никогда не видел ни в одном военном фильме и не читал ни в одной книге. Да и дальше моя жизнь сложилась таким образом, что я всегда находился в окружении людей в погонах с того самого времени, когда был направлен военкоматом на специальные курсы и далее в 8-е Главное Управление КГБ СССР.

Как ещё один аргумент, я сказал, что прочитал всю поэтическую военную антологию, вплоть до газетных публикаций военных корреспондентов. Мой добрый друг внимательно прочитал стихи и некоторые отобрал для

публикации. Потом поднялся, порылся в своём громадном архиве и протянул мне исписанный тетрадный листок. Я прочитал пронзительное стихотворение необыкновенной душевной силы о войне, но о войне в Афганистане. К своему стыду автора я не знал. Так я впервые познакомился с современным поэтом Владимиром Силкиным и с той поры внимательно слежу за его творчеством. Было это пятнадцать лет тому назад.

У меня в руках новая книга Владимира Силкина – «Кланяюсь в пояс дороге», вышедшая в белгородском издательстве «ЗЕБРА», подаренная мне автором. Прочитал книгу, и вот о чём подумал в первую очередь. Как же справедливо изречение Лиона Фейхтвангера, который сказал: «Талантливый человек талантлив во всём». Лучше не скажешь. Владимир Силкин талантлив в военном деле, известен своими успехами в культурной области, а главное, на мой взгляд, – поэт со своим неповторимым лицом. Воистину талант – это дар Бога. Дар тайный и сокровенный.

В краткой аннотации сказано, что в книгу вошли стихи о родной земле, о природе России, о любви к женщине и всему окружающему. Но вот на обложке книги вместо подзаголовка «Стихи» я бы поставил другое определение: «Лирика». В наше всё упрощающее время многие понятия, используемые подчас безосновательно по поводу и без онога, утрачивают своё истинное значение. Мне бы хотелось, чтобы читатели относились к этому определению в его изначальном смысле, которому в полной мере и соответствуют собранные в книгу произведения. По большому счёту лирическая поэзия представляет самое прямое откровение человеческой души. С. Куняев говорил: «Душа поэта на то и дана ему, чтобы высветлять и очищать жизнь, обнаруживая в ней духовный смысл и принимая на себя несовершенство мира». В настоящей лирике, более чем где-либо, душа художника сливается с данным предметом или явлением в одно нераздельное состояние. Задушевность – первый признак лирической поэзии.

Настоящий поэт обладает поразительной глубиной и неповторимой оригинальностью восприятия, воспроизведения и создания образа видимой, чувствуемой им действительности. Его стихи воплощают то философское единство человека и природы, когда природа даёт самочувствие вечной жизни, определяя нравственную меру вещей и явлений. Объединяет мироощущение поэта именно внутренняя гармония, воплощённая в стихах, нераздельность чувства и мысли, когда в них органически переплетаются радость жизни, грусть, печаль, сознание скоротечности бытия. Всеми этими качествами в полной мере обладают стихотворения Владимира Силкина.

Необходимо особенно отметить, что задушевность стихотворений Владимира Силкина отличается истинно русскими чертами, как у человека и поэта с глубокими народными корнями. У поэта громадный жизненный опыт. Не зря И. Северянин был убеждён: «Родиться русским слишком мало – им надо быть, им надо стать». Русские своё представление о русской нации всегда связывали с русской душой и духовностью. О русской душе, русской жизни, русской манере страдать, бунтовать, любить, о необузданной, неукротимой, богатырской, молодецкой, шальной, забубённой русской удали – том фантастическом духовном мире, в котором почти неправдоподобно сплетены несовместимые качества этого могучего лихого племени, написаны горы книг. Но основой русской духовности в свете национальной традиции служит жизнь человека с позиций идеалов ИСТИНЫ, ЛЮБВИ, ДОБРА И КРАСОТЫ.

Банально повторять общеизвестную истину, что поэзия – душа народа, но, пожалуй, ни к одной поэзии мира это так не относится, как к русской. Да, собственно, и само национальное самосознание России, по словам Ф. М. Достоевского, произошло через поэзию – через удивительный по своей исторической силе пример Пушкина. Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Тютчев, Блок, Есенин – разве при всей неполноте этого краткого перечня можем ли мы предста-

вить русскую душу без их стихов, ставших слагаемыми русской души? Следовать великой поэтической традиции – большая честь и громадная ответственность. Поэтическое дарование Владимира Силкина, продолжая традиции великой русской классической поэзии, позволяет современному читателю окунуться в мир неподдельных чувств и образов.

Если об Англии говорят «Старая добрая Англия», подразумевая сохранение и соблюдение традиций, о Франции – «Прекрасная Франция!», имея в виду ту красоту и блеск страны, которыми она всегда славилась во всех проявлениях, то о России говорят: «Святая Русь», предполагая то, что Россия – страна, исторически ориентированная на духовную жизнь, страна, придерживающаяся традиционного уклада, страна, стоящая в основе на православных ценностях. К числу лучших качеств русского народа в первую очередь относится беззаветная любовь к Родине. Многочисленные недруги убеждались в этом на протяжении не одного столетия. На эту тему написано множество стихотворений и, казалось бы, невозможно не повториться. Но Владимир Силкин обладает собственным мироощущением и его творчество претерпевает явную эволюцию: от «малой родины» до обобщённого образа «большой» Отчизны. При этом эстетическую основу образа Родины в его стихах создаёт гармоничное единство человека с природой. Без всякого пафоса, казалось бы, в самом обыденном поэт сумел передать свои чувства к родной земле, когда он любит ель, но втайне по-доброму завидует ей, как живому существу, потому что она, усмехаясь над ним, говорит: *«Всё на земле я вытерпеть могу, /Поскольку я выросла в неё корнями»*. Как проникновенно звучат строчки о родной земле: *«Любите её и целуйте. /Она, как родимая мать, /Вас будет всегда принимать»*. Поэтому так естественны строчки стихотворения «Что-то там есть в груди»:

*Большого счастья нет
Землю любить родную.*

С такой же нежностью и любовью поэт говорит о малой родине, «без которой на сердце тоска». Речка детства живёт в его воспоминаниях: *«Всех приветит, кто придёт, Лапоток, / Даст воды своей студёный глоток»*. Владимир Силкин, как патриот своей Отчизны, понимает, что без прошлого нет будущего. Поэтому так ярок образ древней земли русской: *«Над куполами зрела Русь / И проросла чистым снегом»*, и так жива память, как в строках стихотворения «Наследство»:

*Зато на сто вёрст синева,
Зато облака под ногами,
И песни, в которых слова
Для нас собирали веками.*

Образ природы является традиционным в русской литературе. Многие авторы, творившие в XIX веке, связывали с природой свои представления о гармонии, о правильном устройстве жизни. Тема природы тесно переплетается с самобытностью человека и поэта, в которой отражаются характерные народные особенности, традиции и культура родных мест. Владимир Силкин настолько ощущает своё единство с природой, что буквально очеловечивает её. У него *«И стада заблудившихся туч разревутся, что малые дети»*. А цветок – живое существо: *«...Смахнул с ресниц слезу, / Открыл глаза, увидел поле»*. У берёзы *«ранимая душа»*. И, как милой женщиной, поэт любит осень в стихотворении «Сентиментальный вальс»:

*Поздняя осень в оранжевой кофточке
Молча стоит под окном.*

С какой задушевностью рисует поэт картину, в которой сливаются в единое целое его любимая осенняя пора, милый сердцу Рязанский край и красота среднерусской природы в стихотворении «Осеннее Константиново»:

*Подышать берёза вышла
За околицу с утра.
И всё кажется, кому-то
Нежность выплеснет сейчас.
И глядит с улыбкой утро
Из её огромных глаз.*

Образ матери издавна присущ русской поэзии и русской культуре в целом. Эта тема занимает важное место как в классической, так и в современной поэзии. Мать – самый дорогой и близкий человек. Как сказал Л. Толстой: «Мама – это самое красивое слово, произнесённое человеком». Материнское сердце, как солнце, светит всегда и везде, согревая нас своим теплом. Она – лучший друг, мудрый советчик. Потому-то Владимир Силкин, как любящий благодарный сын, живёт с постоянной памятью о самом дорогом человеке, постоянно сверяя свою жизнь с голосом матери: «*Всё как надо, как надо, сынок! / Всё как надо, сынок, всё как надо!..*» И горько жалеет, что не встретился в жизни с сердечной травой: «*Если б нашёл, вероятно, и мама / Рядом со мною ещё пожила*». И восклицает всем в назидание: «*Не уезжайте надолго от мам / Не поминайте их всуе*». Одновременно поэт благоговеет перед женской красотой, находя великолепные эпитеты и сравнения в стихотворении «Волосы женщины»:

*Волосы женщины пахнут дождём,
Снегом весенним, безоблачным днём,
Спелой малиной, осенним листом,
Светлой росой в тумане густом.*

И, конечно же, поэт страстно признаётся в любви к своему верному попутчику в стихотворении «Ты спишь», посвящённом Наташе:

*Я помолчу, вздыхая горячо,
Я стольким этой женщине обязан!
Когда б не это белое плечо,
Счастливым в жизни не был бы ни разу.*

К числу лучших качеств русского народа можно отнести: отзывчивость, чуткость, сострадание, незлопамятность, готовность прийти на помощь, открытость, прямодушие. Н. Бердяев был уверен: «В типической русской душе есть много простоты, прямоты и бесхитренности, ей чужда всякая аффектация, всякий взвинченный пафос, всякий аристократический гонор, всякий жест». Поэтому так естественны строки стихотворений Владимира Силкина, характеризующие русского человека. Его старик *«И потому живёт всю жизнь счастливым, / Что помогать другим не устаёт»*. А можно быть счастливым «если свет, как и небо, дарить». Про себя поэт откровенно признаётся: *«Я всё молчал в ответ на клевету, / И уходил от неприятных споров. /...Прощаю всем безумства и хулу»*. И в яркой зарисовке любителю перепродаваемыми качествами русской души в стихотворении «Не верю неподвижным поплавам»:

*О Русь моя, ну что ты за страна!
Играешься до старости в игрушки...
И верю я, что именно у нас
Иван-дурак женился на лягушке.*

Владимир Силкин понимает, что поэт должен уметь слушать не только собственную душу, но и душу народа. Русским, по выражению А. И. Герцена: «Свойственна некоторая сумрачность. Посмотри на русского, найдёшь его задумчивым». Арсений Тарковский был уверен, что беззаботный, весёлый человек настоящих стихов писать не может. Наверное, поэтому поэту так близка тема осени. Достаточно вспомнить названия некоторых его стихотворений: «В деревне перед дождём», «Последние ли-

стью», «Осеннее настроение», «Дождь», «Захандрила осень», «За час до снегопада», «Конец сентября» и др. Но лучше всего послушать самого поэта, когда он в стихотворении «Дачный роман» признаётся в любви к осени: «*Ведь не она влюбилась, / А я в неё*». И чтобы не оставалось никаких сомнений в его пристрастиях, открывает душу в стихотворении «Я – человек дождя»:

*Места не находя,
Я ухожу из сада.
Я – человек дождя,
Спелого листопада.*

Следуя развитию народнопоэтической традиции, Владимир Силкин наследует идеалы народной нравственности и образности разговорной речи. В своих стихотворениях он часто использует разговорную лексику, чем обогащает текст и недвусмысленно даёт понять читателю о своих изначальных истоках. По всей книге разбросаны ароматные слова и обороты: «уйдёт в бучило», «перемёт на перекате», «младенцы в зыбках спят», «какая стынь», «да побольше б воды зарастающим ряскою рекам», «затопчу любую гнусь», «жарь до яблок пёхом», «шагнёшь к душистой боровинке». Как говорит сам поэт: «*Я забытые словечки / В книгу красную пишу*». Следуя той же традиции, поэт тщательно оберегает музыкальную основу своей поэзии. Поэтому многие стихотворения Владимира Силкина стали задушевыми песнями.

Что ещё привлекает в стихотворениях Владимира Силкина – так это живая образность. Образность стихотворения – это первейший и важнейший фактор отнесения произведения к поэзии. Конечно, образность – это лишь часть средств художественного изображения, но важнейшая часть. Главным в образе является, пожалуй, неожиданная деталь (мысль, штрих, соответствие), подмеченная автором и не видимая, не бросающаяся в глаза до этого мо-

мента никому другому. Приведу всего несколько запомнившихся строк: «и тихо таяла зима», «пылающих солнечных глаз», «черёмух майские духи», «листья словно лягушата», «бессонное чувство беды», «небо со звёздным просом», «сентябрь под окном в агонии», «осень, скатерть-самобранка», «шалый сквозняк» и многие другие.

Веря в своё предназначение, Владимир Силкин абсолютно уверен в том, что «поэт живёт и правит властью, заключённую в строке». И потому неизбежно следует твёрдому правилу, которое адресует и всем тем, кто стал на поэтическую стезю:

*Не подставляй лица гордыне,
Не верь во всякую хвалу,
Трудись, как проклятый, отныне,
Пришитый строчками к столу.*

На поэтическом творчестве Владимира Силкина, много повидавшего и пережившего, лежит явная печать философских воззрений. Его философская мысль является образной тканью стиха. И это естественно для русского поэта. В русской культуре философской поэзии (или «поэзии мысли») принадлежит особое место, её художественные открытия напрямую воздействовали на литературный процесс. И в этой, небольшой по объёму, книге имеются простые, но основополагающие жизненные принципы, которые заключаются в выразительных строках: *«Но жаль, что жизнь так быстро убывает /И боязно чего-то не успеть /...И очень страшно не понять природу, /И боязно судьбу предугадать»*. Не могу не привести полностью стихотворение «И дай Бог!», как проникновение поэта в суть настоящего и взгляд в будущее:

*Наверно, я с природою на «ты»,
Я вижу всё, я понимаю много:*

*Над чем смеются дикие цветы,
Куда зовёт раскисшая дорога.
И дай-то Бог, чтоб дальше было так,
Чтоб знал, зачем взлетает эта птица,
Всё остальное на земле пустяк
И ничего назад не возвратится.*

Несомненно, в лице Владимира Силкина мы имеем достойного продолжателя духовного начала в русской классической поэзии. Его творчество, сохраняющее традиции русского мира, заметное явление в литературной жизни современной России.

Юрий РЫЧЕНКОВ,
Общеписательская литературная газета, № 7(92),
2017 г., с. 17.

АРСЕНАЛ ПОЛКОВНИКА СИЛКИНА

За творчеством этого поэта я давно и внимательно слежу и не раз высказывался устно. В романе Роберта Музиля «Человек без свойств» есть любопытный персонаж – генерал Штумм фон Бордвер, человек, прикомандированный к параллельной акции от военного ведомства. Его называют самым штатским среди военных и самым военным среди штатских. Мне кажется, положение его в чём-то напоминает ситуацию с Владимиром Силкиным.

Полковник по званию, он, естественно, не мог пройти мимо военной темы, но, заметим, она решается у него не по лекалам привычной фронтовой поэзии. В самом решении её всегда есть общечеловеческие, философские аспекты, а главное – автор всегда находит пронзительные художественные образы: то это шальная пуля, пронзив солдатское сердце, отправляется к матери убитого, то уволенный в запас офицер во время бессонных бдений чувствует на спине удар пряжки, то по-военному скоро решается судьба целого экипажа:

*Этой зябкою порою
Страшно хочется тепла.
В этот раз над Ханкалою
В нас вонзается «Игла».*

*Вертолёт, десантом полный,
Всем нутром своим хрипит.
Дальше я уже не помню,
Дальше я уже убит.*

Но хотя лирический герой Владимира Силкина «ещё не вернулся с войны», содержательная палитра его стихов гораздо шире привычных фронтовых сюжетов. Возвращаясь в родные края, его воины обнаруживают, что и дома проблем выше крыши:

*Глядь, а трактора-то нет,
Как и нет деревни,
В поле дачи до небес,
А вокруг – деревья.*

*В мёртвом поле – вороньё,
Птицы певчей нету.
Водку местное ворьё
Хлещёт до рассвета.*

Помимо сказанного нельзя не вспомнить о том, что Владимир Силкин – проникновенный лирический поэт: темы любви, тема родной – особенно Рязской! – природы представлены в его творчестве весьма обширно. Мощно звучит в его творчестве и суровый мотив мужской дружбы, которая, увы, тоже даёт порой опасный крен:

*Ждал друзей, но оказалось,
Что врагов-то не осталось.*

Многие стихи Силкина звучат как притчи, многие – как горькие шутки, многие стали песнями, нашедшими своих исполнителей и слушателей. Приятно видеть, что год от года его поэтический диапазон не суживается, как шагреновая кожа, а расширяется. А это значит, творческий арсенал полковника Силкина далеко не исчерпан и пороку в порохницах – навалом.

Сергей КАЗНАЧЕЕВ,
доктор филологических наук,
доцент Литературного института имени А.М. Горького,
журнал поэзии «Плавучий мост», № 4, 2014 г.

ПОЭТИЧЕСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ В НЕПАЛ

У меня в руках находится рукопись сборника стихотворений Владимира Александровича Силкина «Стрела любви», в котором собраны стихи, посвящённые непальской тематике.

С Владимиром Силкиным, кандидатом педагогических наук, секретарём Правления Союза писателей России, статс-секретарём Московской городской организации Союза писателей России, автором около тридцати книг стихотворений, в том числе детских, эссе, песен, мы знакомы с начала XXI века. Первая наша встреча состоялась накануне Первой русско-непальской поэтической конференции, где планировалось представить поэтические произведения российских поэтов перед непальскими участниками Конференции на их родном языке. Тогда я перевёл три стихотворения В.А. Силкина из его поэтических сборников «Кавказский крест» (М., 2002) и «Спелые ветры» (М., 2002). Конференция, приуроченная к 41-й годовщине Национального дня демократии Непала, состоялась в актовом зале Посольства Непала в Москве 19 февраля 2002 года. Он прочитал там несколько своих стихотворений, а я вслед за ним представлял их перевод непальской аудитории. В итоге этой Конференции были подготовлены два сборника стихов: один на русском языке, второй – на непали. Второй сборник со стихами непальских и российских поэтов был опубликован в Катманду под заглавием «Кавитанджали» («Пригоршня стихов») (Катманду: «Митра-кундж», 2004), но первая рукопись на русском языке под тем же названием, к сожалению, так и осталась неопубликованной. Тогда техническая возможность не позволяла опубликовать двуязычный вариант в Непале.

В.А. Силкин, как профессиональный военный человек (председатель Комиссии по военно-художественной литературе Союза писателей России, главный редактор военного литературного альманаха «Рать»), естественно, обра-

шал свой взор на шестиглавое божество войны Кумара, на орудия ведения войны в древности – *парашиу* (боевой топор), *джануша-бана* (лук со стрелой). Символично и название сборника: «Стрела любви» (на непали «камабана»). По древнеиндийской мифологии *камавана* (букв. «стрела любви») представляется как стрела из цветов, пронзающая сердце возлюбленных, когда божество любви Камадева пускает её в ход, пробуждая в сердцах возлюбленных нежное чувство друг к другу. Мотивом данного сборника «Стрела любви» является именно чувство любви россиян к непальцам.

Если группировать по тематической схеме, то стихотворения, представленные в сборнике, можно делить на несколько корзин поэтических цветов. Первая корзина как бы содержит стихи, посвящённые Непалу, в которых поэт выражает доброе чувство и стране, и её жителям. Вторая корзина помещает множество богов и богинь, которым непальцы не только поклоняются, но и слагали множество мифов и легенд. Эти божественные персонажи дают стимул к раскрытию тайн воображения поэта. Наверное, Кумар, шестиглавый бог войны, немало воодушевил поэта к творению стихов, в которых раскрывается боевой дух непальского народа за независимость. Третья корзина состоит из стихов, посвящённых флоре и фауне, многие виды которых стали священными в Непале. А четвёртая корзина посвящена некоторым знакам Зодиака, олицетворяющим отдельных представителей животного мира. Пятую корзину, по-моему, имеющую не последнее значение, необходимо выделить для природы, наглядные предметы и явления которой также отражают духовное стремление непальцев. Короче говоря, вся гамма материального и духовного мира непальского пространства воодушевляет российского поэта к сочинению стихов, хотя восприятие поэта не обязательно должно соответствовать пониманию непальцев. Именно это, по-моему, является основным достоинством, а краткость выражения, игра слов, аллитерация, мелодичность строфы и другие по-

этические средства, использованные поэтом, обогащают мироощущения непальской культуры российским поэтом. Звучание непальских или санскритских слов, как мне кажется, очаровывает поэта, так как он не только берёт их как основу для своего размышления, но и чаще пользуется ими для заглавия стихотворений (конечно, не забывает объяснить их в сноске). Таким образом, русскоязычный читатель вместе с автором стихов имеет возможность совершать воображаемое путешествие по культурным тропам Непала.

В.А. Силкин ни разу не был в Непале физически. Но он в последнее десятилетие посвятил себя поискам пути проникновения в духовный мир непальцев. Свои знания о Непале он почерпнул из книг по истории, литературе и культуре этого далёкого гималайского государства, изданных на русском языке, да и посредством бесед с немногими непальцами, с кем ему удавалось встретиться в Москве. Помимо вышеуказанной поэтической Конференции, он активно участвовал в других научно-литературных конференциях, организованных в Посольстве или в Институте востоковедения РАН. Состоялись несколько его встреч с непальскими литераторами и в Центральном Доме литераторов. Совсем недавно он имел возможность встречаться с видными непальскими литераторами Говинда Раджем Бхаттарай (профессор Университета имени Трибхувана, литературовед) и Дхрува Чандрой Гаутамом (видный прозаик-романист), являющимися первыми лауреатами почётной литературной премии «Иван Минаев – Джай Притхви», учреждённой организацией непальской диаспоры в Москве в 2009 году.

Я, как было сказано выше, с Владимиром Силкиным, лауреатом Государственной премии России, кавалером ордена Почёта и орденов Русской православной церкви святого благоверного князя Даниила Московского и преподобного Серафима Саровского, знаком уже не год и не два. Мы так подружились, что стали сотрудничать и на совместном литературном проекте Клуба непалистики (Рус-непал-видхья-кандра), целью которого является способствовать выпуску

книг в России и в Непале на соответствующих языках, чтобы ознакомить народы двух стран с культурой друг друга. Конкретным воплощением этого сотрудничества для меня стали рецензии, написанные В. Силкиным к моим книгам. Он, к примеру, является рецензентом сборника моих статей по Непалу «На поезде в Гималаи» (М.: МГО Союза писателей России, 2009).

Данный сборник стихов «Стрела любви», выходящий в год 170-летия со дня рождения русского востоковеда Ивана Павловича Минаева, посетившего первым из русских Непал в 1875 году, является своеобразным мостом, соединяющим народы Непала и России, которые на протяжении веков испытывают чувство взаимопонимания и дружбы друг к другу. От имени непальцев, живущих в России, выражаю глубокое уважение и благодарность российскому поэту Владимиру Силкину, лауреату Национальной литературной премии «Золотое перо Руси», заслуженному работнику культуры Российской Федерации за такой ценный поэтический подарок!

Кришна Пракаш ШРЕСТХА,
член МГО Союза писателей России,
пожизненный член НП «Возрождение культурных связей
с Непалом»,
лауреат литературной премии Непала «Джагадамба-Шри».

21 октября 2010 г.
Москва, Россия.

«НЕ РОЙТЕ ЯМУ НИКОМУ...»

Владимир Силкин. «Кланяюсь в пояс дороге». Стихи. – Белгород: Издательство «ЗЕБРА», 2017.

Владимир Силкин. «Сирень Победы». Стихи. – Белгород: Издательство «ЗЕБРА», 2017.

Владимир Силкин. «Русская юла». Стихи. – М.: Издательство «Раритет», 2017.

Владимир Силкин. «Золотой карась в аквариуме». Детские стихи и рассказы. – Белгород: Издательство «ЗЕБРА», 2017.

Владимир Силкин. «Ночной дождь». Стихи. Книга переводов. – Белгород: Издательство «ЗЕБРА», 2017.

Яркая многогранность жизни и творчества Владимира Силкина не нуждается в подтверждении. Поэзия, проза, публицистика, журналистика, переводы, литературная, общественная и ветеранская работа. Но сейчас, подводя определённые итоги прошедшего литературного года, хотелось бы коснуться поэтической составляющей его творчества. Этого прекрасного поэта можно с полным правом считать не только почётным гражданином его родного города Ряжска и Рязанской области, но и почётным гражданином страны Поэзии. Прошедший год был особенно урожайным для поэта на выпущенные книги: «Кланяюсь в пояс дороге», «Сирень Победы», «Русская юла», «Золотой карась в аквариуме» (детские стихи и рассказы) и книга поэтических переводов «Ночной дождь».

Каждая книга – это новый мир, пронзительная глубина, которая кроется в стихотворной подкорке. И этот новый мир словно открывает нам и нового поэта Владимира Силкина, но в то же время дарит такое знакомое и тёплое ощущение родства с самобытным «силкинским» поэтическим словом, где есть глубоко личная, выстраданная вера в жизнь и человека, совестливое сердечное прикосновение к родной природе, открытость перед нею и людьми: *«Когда с приро-*

дою в ладу, / То и с тобой в ладу природа, / А это значит, на виду / Живёшь у своего народа...» («Лад»).

Живут в его стихах те самые, так долго и всесторонне исследуемые, но так и не познанные до конца никем русская душа и русский дух, живёт нерасторжимая связь с Родиной, каждой выпавшей на неё капелькой дождя, залитым солнцем садом, лесом, «подставившим спину небосводу», ковшиком воды из студёного лесного родника, незабываемым хлебным духом пропитанной солнцем и трудовым потом родимой земли:

*На русскую землю не плюйте,
Любите её и целуйте.
Не золотом и серебром,
Она вам оплатит добром.
Она, как родимая мать,
Вас будет всегда принимать.
(«На русскую землю...»)*

В поэзии Владимира Силкина есть удивительная созидательность, именно это качество даёт ему возможность почувствовать себя внутри русской культуры и русской истории. Помнить о незаживающих ранах прошлого: *«Я в Хатыни ни разу не был, / Но летит надо мной зола, / Детским плачем вонзаясь в небо, / Ударяясь в колокола...»* («Дума о Хатыни»), болеть душой за будущее: *«И переходим все границы, / Чтоб сохранить свою страну»* («Сирия»).

Секрет притягательности творчества Владимира Силкина – в его умении подмечать душевную суть в самых обыденных явлениях. Поэтому всё написанное видится и чувствуется воочию, даже самое тонкое состояние поэта: *«...На могиле, где тусклый веночек, / Я услышу, как вздрогнет ограда: / Всё как надо, как надо, сынок! / Всё как надо, сынок, всё как надо!..»* («Так и надо тебе, дуралей»).

Его поэтические наблюдения за жизнью – очень зоркие и чуткие, в них почти всегда есть подтекст, но это не со-

крытый смысл для расшифровки, а пронзительная духовность, милосердие и сермяжная народная правда:

*Вот ты представь, что ты в бою,
Один за Родину свою.
А за тобой отец и мать,
Которые не могут встать.
А нечисть прёт, и прёт, и прёт,
А ты командуешь: «Вперёд!»
Кричишь: «В атаку!» – никому,
Лишь только сердцу своему.
Неважно, выдержит оно,
Что выдержать не суждено...*

(«Голос»)

Поэзия Владимира Силкина живёт Поступками, она кропотливо и талантливо делает главное дело – озвучивает своё время, слыша эхо прошедших лет. Именно об этом книги «Сирень Победы» и «Русская юла». Здесь трудные дороги Великой Отечественной войны, здесь отец, раненный в грудь навывлет, и дед, который «прикрывает собою нас от грядущих атак»... Здесь и бездонное небо Сирии в белёсом мареве жары над нашей военной авиабазой: «*Лечу в Хмеймим, где блокпосты, / Где вновь сегодня наши дети. / Уже в который раз на «ты» / С войной общаюсь на рассвете*» («Отложенная командировка»).

О Сирии написано ещё немного, поэтому выход «Русской юлы», не только книги, но и одноимённого музыкального альбома с песнями на стихи из этой книги – это и поэтическое, и нравственное событие. И особенно важно, что автор побывал там лично. Говорят, что первой жертвой на войне становится правда. Лирическая поэзия, этот удивительный род литературы и самый чуткий барометр душевного состояния общества, всегда открывает нам правду о событиях, оставляющих рубцы на душе неравнодушного, обострённо чувствующего время поэта. Военная лирика

Владимира Силкина лежит в конкретном психологическом измерении, наделена неповторимыми биографическими чертами: *«Да, такая, брат, эпоха... / Снова выпала война... / Саша, Сашка! Сашка Проха, / Вечный, как моя страна!»* («Проха» – стихотворение, посвящённое Герою России Александру Прохоренко).

Книга «Клянюсь в пояс дороге» раскрывает тему любви как движущую силу жизни, как её сущность и основу. Любовь у поэта равновелика самой жизни, она есть её содержание. Отражая душу, судьбу, эмоции, сосредоточиваясь не на действиях, а на их переживании, она представляет нам опосредованно личность самого автора, зачастую делая лирические признания документально точными, что, на наш взгляд, вообще свойственно поэзии этого автора:

*Дай Бог ей света в сказочных глазах,
Продли ей ночь короткую вот эту...
Любимая, желанная, нельзя
Мне глаз сомкнуть до твоего рассвета.*
(«Ты спишь»)

Неотъемлемой чертой поэтического творчества поэта стали географические реалии его родины. Реки, озёра, малые и большие города – все они лежат на его дороге к отчуждённому дому, во всех смыслах этого ёмкого понятия: речка Лапоток, Ямской луг, Константиново, станция Дно, деревушки Божьи Воды и Грачи, Алешня и многие другие дорогие сердцу места... Живой мир родной природы домовито обжил поэтические строки («Кот», «Лягушка», «Серые цапли», «Петух», «Русская дворянка», «Сизый голубь», «Снегири», «Вороны» и др.). Эти, на первый взгляд, трогательные географическо-зоологические подробности – есть не что иное, как элементы философской лирики с её углублённым психологизмом и метафоричностью, стремлением к самопостижению через аллегорию:

*Но и птице очень важно знать,
Что любовь с уходом остаётся.
Можно счастью в душу наплевать,
Только никому не удаётся.*
(«Белый Лебедь»)

В книгу «Ночной дождь» вошли переводы стихотворений с языка непали, болгарского, черногорского, персидского, китайского, украинского, ингушского, осетинского, калмыцкого, тувинского, хакасского языков. Вот такой широкий диапазон познания поэтической культуры мира у этого автора! Важной особенностью творчества переводимых авторов является предельная насыщенность реализмом и ощущением плоти многомерного мира. В стихотворных строках ориентир скорее не на магию слова (впрочем, её здесь достаточно!), сколько на проникновенное дыхание жизни, разгаданное авторской интуицией и зоркостью. Природа здесь не просто красива, она настолько живая и объёмная, что слышны даже обертоны её звуков, созвучные гармонии души:

*Спешил я, листвою опавшей шурша,
К деревьям озябшим, звенящим струною,
В осеннем лесу выпрямляйся, душа.
Снимай, словно листья, с себя наносное.*
(«Осенний лес» – перевод с укр. из М. Пасечника)

Отдельно хочется сказать о книге детских стихов и рассказов «Золотой карась в аквариуме». Известный литературовед и писатель Борис Леонов однажды сказал, что человек, простившийся с детством, похож на изгнанника из рая. Точнее и не скажешь! Но поэзия никогда с волшебством и искренностью детства не расстаётся. Литература для детей – это многообразная и обширная часть современной культуры. У Владимира Силкина много детских стихотворений традиционной формы, которые благодаря своей язы-

ковой чистоте и стройности слога легче всего запоминаются ребёнку, формируя его художественное чутье и речь. В таких стихотворениях много характеров, точно подмеченных штрихов взаимоотношений, много света и доброты, любви к своему дому, этой питательной для детей атмосферы беззаботности и защищённости: *«Молоко котёнок пьёт, / Пьёт из чайной ложки./ Он лечить себя даёт / Только маме-кошке...»* («Котёнок»).

Есть в книге стихи и рассказы словно старшие товарищи, с некоторой дистанцией от маленького читателя («Книжки и мальчишки», «Первоклассная любовь», «Мальчик, не тронь котёнка...», «Караоке...», «Журавлик», рассказ «Самосвал», сказка «Три брата»), но дети так хотят поскорее стать взрослыми, что это их подкупает, притягивает. С такими стихами у ребёнка начинается следующий этап познания языка. Представлен и ряд стихотворений в форме психологических миниатюр, что очень важно для познающего мир маленького человека. Ребёнок напряжённо думает, ему всегда нужна информация и понятные ответы на вопросы, вот такие стихи и говорят с ним на очень личном уровне:

*И послушны, и упрямы
Дети все всегда от мамы.
И за то, что рождены,
Дети мам любить должны.
Потому что только мама
Всю любовь отдаст до грамма.
(«И про мам, и про детей»)*

Прозрачная лёгкость стихотворного размера и конструкция фразы, близкая постановке детской речи, ненавязчивая этичность и ироничность этой детской книги ставит её на высокий литературный уровень.

Поэзия... Это не только стихи, но и душевное отношение к людям, тепло человеческого общения, свет сердца: *«Поэт*

*рождается на свет / Не потому, что света нет, / А потому,
что без поэта / На свете не хватает света».*

В упомянутых здесь книгах Владимира Силкина достаточно света и тепла, чтобы согреть и озарить и взрослую, и детскую душу. Читатели самого разного возраста и интереса найдут в них своё сокровенное, быть может – именно сейчас жизненно необходимое им Слово!

Нина ПОПОВА,
кандидат филологических наук,
газета «Московский литератор», № 6, март, 2018 г., с. 4.

НА КРЫЛЬЯХ ПЕСЕННОЙ СУДЬБЫ

О поэзии Владимира Силкина

Сколько написано стихотворений о Родине, сколько сказано слов! А поэт Владимир Силкин опять же по-своему написал о ней, просто и выдержанно.

Его стихотворение «Родина» я прочитал в газете «Красная звезда» более двадцати лет назад и хорошо запомнил его:

*Далеко ли от дерева семя
Упадёт? Отвечают, что нет.
Лечит раны упрямое время,
Оставляя отчётливый след.*

*И однажды куда-то уехав,
Мы к истокам вернуться должны.
Тихо крикнешь и знаешь, что эхо
Отзовётся с родной стороны.*

*Даже птицы тоскуют в разлуке.
И у них холодеют сердца.
Не с того ли печальные звуки
Часто слышатся в песне скворца?*

*Перелётным, возможно, попроще,
Позабыв про тепло и про тишь,
Улететь от ручья и от рощи...
Но от Родины не улетишь.*

(«Родина»)

«Но от Родины не улетишь»... Эти слова сразу вошли в душу и в память. Тогда, в так называемые «лихие 90-е», не стало великой советской державы – СССР раскололся, как упавшее зеркало. И многие меняли местожитительство, а вместе с ним теряли Родину. А кто-то потерял её, не сходя с

места, оставшись вне русского мира где-нибудь в Прибалтике или на Кавказе, в Средней Азии или Молдавии...

Потом я познакомился с подборкой стихотворений Владимира Силкина в газете Московского военного округа «Красный воин» под заголовком «Просыпайся, Россия, от спячки!» Я сразу обратил внимание, что при определённой пафосности этого призыва-заклинания стихи звучали сдержанно и веско, написаны явно волевым мужественным человеком.

А потом на одной из творческих встреч я лично познакомился с Владимиром Силкиным, и его как человека и поэта я знаю уже почти четверть века. С тех пор поэт Владимир Силкин стал заместителем председателя – статс-секретарём Московской городской организации Союза писателей России, возглавил Военно-художественную студию писателей Минобороны России. Нашу дружбу сопровождала череда редких коротких встреч, но они только доказывали, что наша дружба незримо крепнет.

И главным в его жизни и творчестве всегда была и остаётся поэзия, и мне бы хотелось показать ту нравственную и художественно-эстетическую ценность, которую она представляет.

Что привлекло меня в его стихах, так это, прежде всего, кровная преемственная связь со старшими поколениями отцов и дедов, прошедших великую войну и одержавших великую победу. Красной нитью проходит она через всё творчество Владимира Силкина. И не случайно корень «род» часто встречается в названиях его стихов и в них самих: «Родина», «На Родину», «Родителям».

Его стихотворение «Звезда отца» стало сокровенным обращением к отцу. Начинается оно с космического, можно сказать, вселенского взгляда:

*В небе звёздам нет конца,
Но далёко где-то*

*Светит мне звезда отца
И ведёт по свету.*

Содержание стихотворения становится всё ближе к нам, заземляется, обретает земные смыслы, конкретную предметность, реальные очертания, проникнутые прошлым и настоящим, связанные с тем военным лихолетьем и этой полувоенной-полумирной жизнью.

*На её шагаю свет
В этот век жестокий,
Всё иду за батей вслед
В тот июнь далёкий.*

*А вокруг свистят шмели.
Или, может, пули?
Если б только мы смогли,
То отцов вернули.*

*Чтоб услышать их сердца,
Чтоб наград коснуться...
Светит мне звезда отца,
Не даёт споткнуться.*

Зыбкий мир в наш жестокий век постоянно настраивает поэта на тревожный лад, на внимательный взгляд к каждой детали, каждой примете, в которых видятся ему символы нашего времени.

У поэта Владимира Силкина за каждым словом – затаённый пафос духоподъёмности, он старается обходиться без громких слов, их мощь у него, как река в бетонных берегах. Но скрыть этот пафос мощи крайне трудно, почти невозможно. И в этом, на мой взгляд, кроется неповторимость авторской интонации. Порой даже кажется, поэт умышленно

представляет сложное простым, округлое делает угловатым, яркое – приглушённым, чтобы не навредить искренности и правдивости повествовательной интонации.

И ему удаётся сказать о самом важном без видимых усилий, веришь каждому его слову.

В его стихотворении «Шальная пуля» сильно и точно показано, как судьба человеческая зависит от роковой случайности. Поэтом найдены те самые слова, через которые выражены вся непредсказуемость и вся боль трагедии.

*Две пули встретились и разошлись –
Одна под сердце, другая ввысь.*

*И та, что в небо гулять пошла,
Шальной пулей в степи была.*

*В разгаре лета, в ночном бою
Сыскала пуля мишень свою.*

*Пробила сердце и будь здорова,
И нет солдата из-под Ростова.*

*А там, от сына письмо читая,
Взялась за сердце мать молодая.*

*Кусала губы, встав на колени,
Молясь в тот угол, где бились тени.*

*Сюда вот пуля зашла хозяйкой.
Глядь, кирзачи стоят, висит фуфайка.*

*Присела пуля тихонько рядом,
Кося по дому стыдливым взглядом.*

*Пришла свинцовой, ушла пунцовой
От тётки Тони от Кузнецовой.*

*Рыдая, пуля упала в грязь –
У жизни с пулей прямая связь.*

Пуля персонифицируется в реального живого носителя этой самой роковой случайности, словно бы страдающего от своей предназначенности.

Во многих стихах Силкина слышится дыхание горячих точек. Одной из них, Сирии, посвящены книжки стихов «Авиабаза "Хмеймим"» и «Русская юла». Но, конечно же, всего горячее в стихах его пробивается дыхание Афгана и павших в нём его товарищей. И 15 февраля для него стало священным праздником, как для сотен тысяч живых и мёртвых «афганцев».

*И зябко, и душно в седом феврале.
Сверкают медали,
Но крови за них мы афганской земле
С лихвой передали.*

Богата и обширна география стихов Силкина, связанная непосредственно с его биографией. Здесь не только Москва и Питер, здесь и Таллин, и Сихотэ-Алинь, и станция Дно, где царь Николай II отрёкся от престола, и Владивосток, и Ханкала, и Хмеймим и т.д.

И вся жизнь у него – как путина в океане. Поэт – как человек военный – примеряет её на себя со всеми её трудностями и препятствиями. Он привык к преодолениям, без них жизнь теряет для него смысл.

*...Сходят грузные мужчины,
Океан роня с плеч...
Окончание путины –
Продолженье чьих-то встреч.*

И всё же он, поэт военной темы, счастье своё видит, прежде всего, в мирном небе над головой, в слове, которое

служило бы оберегом от бед, несчастий и войн. Отражая войну, поэт всегда думает о душе, о ключевой чистоте её и родниковой незамутнённости, о любви и счастье, о бес-
смертии и спасении души.

*Незачем счастье испытывать.
Есть оно, вот и держи.
Только старайся подпитывать
И очищать ото лжи.*

Трогательны строки о любви у поэта.

*Устанет ночь от света зрелых звёзд,
В речной воде заледенеют ивы...
Мне до тебя лишь десять тысяч вёрст,
Чтобы понять, каким я был счастливым.*

В стихотворении «Ты спишь»: «Я помолчу, вздыхая горячо, / Я стольким этой женщине обязан! / Когда б не это белое плечо, / Счастливым в жизни не был бы ни разу».

Главное достоинство стихотворений Владимира Силкина – моментальное точное попадание в читательское сердце. Обманчивая простота лучших из его стихотворений помогает проявить самые глубинные, самые сакральные смыслы.

В его стихах за кажущейся незамысловатостью – спружиненный сюжет судьбы:

*Годы летят, пролетают.
Вот и свои проглядел.*

Его сдержанные ёмкие строки свидетельствуют о том, что они выношены, далеки от суетности. Самовыражение поэта ничего общего не имеет с самовосхвалением. Самодостаточность его во внешней скромности и безыскусности.

Владимир Силкин – автор почти шестисот стихотворений, ставших песнями. А песенный стих требует той простоты, которая несёт с собой единственно точные слова. И пускай кому-то кажется, что песенная простота текста – от недостаточной поэтической квалификации автора. Нет уж, слова к настоящим песням требуют подлинности таланта. И здесь очень важно для автора оставаться простым и доступным, и при этом не быть примитивным, не подавить душевность серостью затёртых слов.

Открытость и душевность, присущая автору, не лишают его защищённости благодаря умению найти единственно верные слова:

*Кланяюсь в пояс дороге,
За спину ладя суму,
Вот и выходит, в итоге,
Кланяюсь всем и всему.*

*И не бывает обидно
Чувствам сердечным моим:
Кланяться людям не стыдно,
Стыдно не кланяться им.*

(«Кланяюсь в пояс дороге»)

Простота слога вовсе не означает, что автору не присущ поиск формы, но она никогда не превышает меры своей единственности, своей оптимальности. Немало свежих неожиданных, иногда сложносоставных рифм можно найти в стихах Владимира Силкина: «Крыма я – любимая», «звёзды – завёз ты», «флаги – «Арагви» и др.

Владимиру Силкину присущ жанр иронического стихотворения, а он по-своему диктует рифмы соответственного склада, как, например, в стихотворении «Номенклатурная столовая». В нём девушка-официантка из деревни разносит блюда номенклатурным работникам, и есть такие

рифмы: «завалена – овалных», «вспоена – от пояса», «тщедушному – отдушину», «прилизанной – капризами», «работники – эротики», и где в итоге: «*Благодарят за угощение / Официантку чернобровую, / Ещё не зная о решении / Закреть закрытую столовую*».

В стихотворении «*О́птина пустынь*» необычна, но органична рифма: «*пúстыни – грусти нам*».

*Ветер пронзительный в О́птиной пúстыни,
Листьев оплавленных медь.
Небо, прошу, не подбрасывай грусти нам,
Дай на тебя посмотреть.*

Грустное русское небо для поэта становится, вопреки всему, образом веры, он выкристаллизован умудрённой зрелостью, закалённой испытаниями военной службы и перипетиями судьбы поэта, ставшей частью общей судьбы страны и её народа.

*Русское небо, далёкое, серое
В этом осеннем краю.
Я ещё верую, верую, верую,
Верую в мудрость твою.*

Дорог поэту его край родной, его богатая природа, и он к нему со всей душой – как к живому. Всё живое дорого поэту. И в стихотворении «*Рысий клык*» он сам себя спрашивает в горьком недоумении:

*Убили рысь, убили рысь,
А для чего, убей, не знаю.*

Доброе внимательное отношение к «братьям нашим меньшим» выражено у него особенно в таких стихах, как «*Русская дворняга*» и «*Пёс*».

Первое стихотворение о том, как хозяин напивается и не ценит своего верного пса, но от этого тот не становится менее преданным и, как может, оберегает своего хозяина.

И второе стихотворение о собачьей верности, и завершается оно так:

*Пёс к солдату доверчив от века,
Только глянешь, помчится спасать,
И сказать, что он друг человека,
Ничего про него не сказать.*

У каждого поэта свои голуби, свои они и у Владимира Силкина:

*Ох, как сладко воркует сизарь,
Посвящённый на небе во что-то,
И смеются, искрятся глаза,
Потрясённые счастьем полёта.*

И воробьи свои. Это видно из стихотворения «Купание воробьёв в Северном Медведково в Москве»: «*В Медведково дожди плясать устали, / Умчались во владения свои, / И в лужи незапачканные встали / Уставшие от зноя воробьи*».

Каждое место, где бывает поэт, он старается освятить своим взглядом, своим песенным словом.

В стихотворении «Усадьба Кусково в августе» поэт «оживляет» статуи античных богов, и вот как это у него осуществляется:

*Под небом промерзающей Москвы,
Как путники, сошедшие с дороги,
Заснут, не опуская головы,
Обветренные греческие боги.*

*Но время есть до первых холодов,
И возле статуй созревает чувство,*

*Что боги после праведных трудов
Задумались о тонкостях искусства.*

Когда-то в советском детстве мы узнали о концлагере Саласпилс в Латвии из песни, прозвучавшей тогда в исполнении вокально-инструментального ансамбля. Спустя какое-то время и Владимир Силкин посетил мемориальный комплекс в этом лагере и написал небольшое стихотворение «Саласпилс», предварив эпиграфом: «Здесь стонет земля» (Надпись на латышском языке над входом в мемориал), а завершая так: *«Нам гид про лагерь говорит, / Ведёт к гранитным плитам мрачным, / А на руке его горит / Тяжёлый номер шестизначный».*

Лирическая глубина открывается у него через прозрачность слова. И это стало важнейшей приметой его поэтического творчества.

*Надеюсь, что вряд ли надеждой согреюсь,
Но всё же, надеюсь. Живу и надеюсь.*

Владимир Силкин родом из 60-х, из того поколения, к которому принадлежу и я. И его стихи – они своего рода свидетельства того духа и тех реалий, что сформировали наше поколение. И в этом их достоинство не только для меня и наших сверстников – в этом их историческая и художественная ценность для общественного сознания прошлой, настоящей и грядущей России.

Олег ДОРОГАНЬ,
г. Смоленск,
секретарь Союза писателей России,
газета «День литературы», № 9, сентябрь, 2019 г., с. 4.

**«АВИАБАЗА „ХМЕЙМИМ“
ТАК ДАЛЕКО ОТ РЯЗАНИ...»**
(О книге стихов Владимира Силкина
«Авиабазы „Хмеймим“»)

Теме коллективного подвига российских Военно-космических сил, безусловно, суждено войти в боевой арсенал русской поэзии, и одной из первых значимых вех на этом пути уже стала замечательная «сирийская тетрадь» «Авиабазы „Хмеймим“» нашего земляка, поэта Владимира Силкина, вышедшая недавно в Москве.

*Заходит с тыла седина,
Спешат морщины...
Но если где-то есть война,
Там есть мужчины!*

...Когда эти строки из стихотворения Владимира Силкина военкор «Красной звезды» Александр Колотило прочитал командиру вертолётной эскадрильи, повидавшему многие виды за 30 лет службы в Вооружённых силах, а теперь воюющему в Сирии, тот уважительно заметил: «Лучше и не скажешь. Видно, поэт он настоящий. Так может написать только военный человек».

Полковник запаса, уроженец и почётный гражданин города Рязька, Владимир Силкин давно связал свою судьбу с военной литературой. Во многих военных гарнизонах России он известен как начальник Военно-художественной студии писателей ЦДРА имени М.В. Фрунзе Минобороны России, секретарь Союза писателей России, главный редактор военного литературного альманаха «Рать», ответственный секретарь журнала «Московский Вестник». Автор 45 книг стихов. Составитель серии поэтических сборников «Я ещё не вернулся с войны» о событиях на Северном Кавказе, антологии современных поэтов «Звезда отца» об от-

цах-фронтовиках, антологии «Победные армейские страницы...», лауреат Государственной премии России.

Подвижник, главный рулевой и «локомотив» военно-патриотической темы в современной русской поэзии, побывавший во многих горячих точках, в сражающейся Сирии, он стремится правдиво и честно воссоздать образ человека на войне, умеющего сохранять вопреки всему живую душу, сострадательность и милосердие к жертвам войны, непримиримость к врагу, верность воинскому долгу и боевому братству, любовь к Отечеству.

Само заглавие нового небольшого сборника из 26 стихотворений – «Авиабаза „Хмеймим“» – звучит сегодня как пароль для всех, кто воспринимает военные действия в Сирии не только как контртеррористическую операцию наших Вооружённых сил, но и как свершение Россией особой духовной и геополитической миссии. Помочь давнему союзнику, спасти очаг христианства на Ближнем Востоке, примирить сторонников действующей сирийской власти и здравомыслящую часть мусульманской оппозиции, нанести сокрушительный удар по главному монстру международного терроризма – ИГИЛ... А в конечном и главном итоге – защитить от этой страшной угрозы родное Отечество на его дальних рубежах:

*Звучит, наверное, нелепо,
Но кажется, что ты там был.
– Сходите, станция Алеппо,
А дальше – станция ИГИЛ <...>
Листаем свежие страницы,
С небес взираем на войну.
И переходим все границы,
Чтоб сохранить свою страну.
(«Сирия»)*

В стихах Владимира Силкина нет пустозвонной риторики, громозвучного бряцания оружием, воинственных

призывов. Важнее всего для поэта – открыть читателю сердцевину человечности в людях, занятых повседневной военной работой, их непоказное мужество, верность друзьям и любимым, спокойный оптимизм, жизнелюбие, испытанное постоянным соседством со смертью.

*Лечу в «Хмеймим», где блокпосты,
Где вновь сегодня наши дети,
Уже в который раз на «ты»
С войной общаюсь на рассвете.*
(«Отложенная командировка»)

Среди героев сборника «Авиабаза „Хмеймим“» – самые разные, порой неожиданные персонажи. Вот направляется в Сирию на военное служение в далёком «палаточном храме» православный священник:

*Он летел на базу по замене,
Он летел в палаточный свой храм,
Где не раз, вставая на колени,
За солдат молился по утрам.
...Самолёт завис над облаками,
И привыкший к мирному труду,
И крестом священник, и руками
От летящих отводил беду.*
(«Священник»)

А вот другой персонаж из сирийских репортажей – «контрактник, озорной и бравый», пытающийся развлечь и повеселить таких же, как он, молодых ребят-сослуживцев по «сторожевой заставе»:

*Не даёт грустить своим ребятам.
Балабол? Ну, это не скажи!
Он, как Тёркин на войне когда-то,
Верит и в звезду свою, и в жизнь.*

*Верит он Верховному – и точка!
Верит командиру своему.
И простая рэповская строчка
Тоже подчиняется ему.*
(«Солдатский рэп»)

И все-таки близость войны постоянно даёт о себе знать – и горькой памятью «всех тех, кто больше не увидит дома» («Встреча друзей»), и постоянной готовностью в любой момент отразить атаки врага:

*Готовятся к худшему здесь,
Чтоб, если случится такое,
То сбить с неприятеля спесь
И выйти с победой из боя.*
(«Спортплощадка авиабазы»)

Талант настоящего, искреннего поэта сочетается во Владимире Силкине с мужественным характером прирождённого военкора. Журналистская зоркость взгляда, острая репортажность живых, запоминающихся сюжетов, ёмкая лаконичность слога, способность видеть в напряжённой пестроте военных будней главное, что объединяет людей вдали от Родины в нерушимое, спаянное воинским долгом и дружбой боевое братство – всё это отличает творческий почерк поэта-воина. Он умеет превратить факт в символ, связать воедино исторические эпохи преемственной «связью времён». Неслучайно копия Знамени Победы в воинском расположении, увиденная поэтом вдали от России, вызывает в душе именно такие мысли и чувства:

*Конечно, копия, но всё же
Рождает гордость этот стяг.
На блокпосту оно похоже
На то, что взмыло на рейхстаг.
Стоим под ним, стихи читаем,
Слова в поддержку говорим.*

*И мы историю листаем,
И мы историю творим.
Оно потом всплывёт на сцене,
Напомнит Родину бойцам,
И подвиг прошлых поколений
Пройдёт волною по сердцам.*
(«Копия Знамени Победы»)

Мастер военного бытописания, В. Силкин умеет подмечать посреди суровых фронтовых будней согревающие душу неожиданные, трогательные сюжеты:

*Смешной щенок, как и хозяин, курский...
Приученный к единственным рукам,
Он даже не облаял нас по-русски,
А ткнулся в ноги русским мужикам.
И на привет ответить не умея,
На привязи уставший до тоски,
Он проскулил, что рядом ходят змеи,
Вы тут поосторожней, мужики.
И снова в будку от жары палящей,
От нашей ласки и от наших ног,
Такой родимый, русский, настоящий,
Ещё на зло не лаявший щенок.*
(«На блокпосту»)

Лейтмотив многих фронтовых стихов Владимира Силкина, уроженца Рязанщины – чувство малой и большой Родины, переживаемое там, далеко от родной земли, особенно остро:

*Молча в курилке дымим,
Ждём указаний.
Авиабазы «Хмеймим»
Так далеко от Рязани...*
(«Авиабазы „Хмеймим“»)

Проявляется это чувство неразрывной связи с родимой землей по-разному: для кого-то – в очищающей радости и свежести русской бани, устроенной совсем не по Уставу («Баня морпехов»), для кого-то – в новостях из долгожданной «Красной звезды», доставленной на авиабазу («Пункт психологической разгрузки»), для кого-то – в мыслях о любимых и силе их спасительных молитв («Встречи»), для кого-то, уже собирающегося лететь в Россию «по замене», – в мечтах о доме:

*От солнца копчёные лица,
И руки от солнца черны.
И ждёт возвращения столица
Любимых мальчишек с войны <...>
Их ждут беспокойные мамы,
Их ждёт на параде страна.
Но не отпускает упрямо
Чужая и наша война.*

(«Ротация»)

Писательские вахты в горячих точках давно уже стали для В. Силкина суровой обыденностью, жизненной и творческой необходимостью, возможностью ощутить себя нужным там, где всего труднее:

*Идёт концерт, и хлопают солдаты
Писателям, стоящим на плацу,
И мысленно уносятся куда-то,
И что-то растирают по лицу.
Наверно, в точку попадает слово,
Наверно, надо больше важных слов.
Тогда и будет нация здорова,
Тогда не надо будет докторов.
И я, о счастье, вновь стихи читаю,
О том, что важно Родину хранить.
И с лётчиками к счастью улетаю,
Чтоб ни себе, ни им не изменить.*

*Из облаков приходят самолёты,
И на минуту оглушает гром.
Счастливой вам, товарищи, работы
Сегодня, завтра, много лет потом.*
(«Концерт на авиабазе»)

Кажется, будто слова, которые обращены к его боевым товарищам, поэт-воин Владимир Силкин относит и к самому себе:

*Глядишь на дверь и снова ждёшь приказа,
И, как солдат, всегда на всё готов...*
(«Встреча друзей»)

Ольга ВОРОНОВА,
доктор филологических наук,
профессор РГУ имени С.А. Есенина,
член Союза писателей России,
член Комиссии по культуре
Общественной палаты Российской Федерации,
газета «Московский литератор», № 4, февраль-март,
2017 г., с. 4.

РУССКИЙ ВИТЯЗЬ С НЕЖНОЙ ДУШОЙ

К 65-летию поэта Владимира Силкина

Обращаясь к поэзии Владимира Силкина, нашего замечательного и неповторимого русского, лирического, военного, гражданского и, особенно хочется подчеркнуть, – всесоюзного поэта, поскольку корни его творчества лежат в стране, которой больше нет на карте, и их оттуда никакими силами всем анти-Силкиным не вырвать, мне видится в нём былинный богатырь, вроде Ильи Муромца. Он и внешне такой – мощный, победитель вражьих полчищ, поганых либеральных колдунов, злобствующих на Россию ведьм и скоморошных карликов-графоманов, пытающихся слагать стихи, как пазлы из букв, и играть в поэзию ради «минуты славы». А у него всё подлинное. Выстраданное, честное, наболевшее. Он предельно искренен в своём творчестве. Откровенен с любимым другом-читателем, даже когда ему самому печально и грустно.

*...Муза моя! Одолей расстояния,
В сердце войди, не встречайся с тоской.
Может быть, от твоего состояния
В мире безумном зависит покой...*

У него много разных наград и регалий, я их перечислять не стану. Думаю только, что одна из самых дорогих его сердцу – это почётный гражданин города Рязска, где его малая родина и где одна из улиц названа его именем.

*Чем к родине ближе, тем дали светлей,
Тем больше тепла и свободы,
Всё явственней слышишь средь сонных полей
Своё отшумевшие годы...*

Это действительно многого стоит: возвратиться как витязь на таком же под стать богатырском коне туда, где ты

родился и рос. И где живительные соки земли с детства питали твою душу, наполняли её поэтической силой, а тело здоровьем и крепостью. Вернуться своим творчеством, книгами, стихами, заслуженным почётом и славой.

*Вы у нас, случайно, не бывали?
Очень жаль, что вам не довелось!
В Рязске даже осенью едва ли
Вам для скуки место бы нашлось...*

Вместо наград я переберу его душевные качества, неотъемлемые черты характера. И, прежде всего, – это доброта, честность, открытость, порядочность. Откровенность, скромность, верность данному слову и ответственность за свои дела. Нежность, природное остроумие, бережливость к людям, даже незнакомым, забота о них, любовь к ним. Лиризм, романтика.

*Красота, куда ни гляну.
Зарумянился восток.
Перед входом на поляну
Раздают берёзы сок...*

Об этих его качествах все его друзья и почитатели таланта знают, но порой не замечают или принимают их как само собой разумеющееся, данное с рождением поэта. Словно только таким он и должен быть, а иной портрет будет не похож. Да, это так. Но всё же, как совместить образ сказочного богатыря, а в реале воина, полковника, ветерана боевых действий, более тридцати лет прослужившего в Вооруженных силах СССР и России, с трогательной романтикой и лиризмом его стихов? Как сочетать воинскую силу и крепость духа с какой-то душевной кротостью и беззащитной доверчивостью к лжецам и обманщикам, бесребренность и чистоту сердца с открытостью всем ветрам,

даже штормам и бурям? Это сложно. Но это неизменно с ним и в нём.

*...Опять дожди просеивают грусть,
На стылых реках лист последний стынет.
И то, что я никак не изменюсь,
Любимая, прошу тебя, прости мне...*

Почти невозможно быть одновременно богатырём и поэтом. Таковых в русской классической литературе вообще мало встретишь. Поэт и воин, да. Лермонтов, Денис Давыдов, Гумилёв... Но сказочный богатырь, витязь и одновременно нежный, лирический поэт? Не припомню. Думаю даже, к врагам своим он не питает сильного гнева и ненависти. Так, лают какие-то моськи, муравьи на ногу забрались. Он просто назидательно предупреждает их:

*Столетия ложь ведёт во тьму,
Ведёт упрямо.
Не роите яму никому,
Не роите яму...*

Не то будет вам уже плохо, ответите по полной, если ещё раз обидите меня или моих друзей:

*В сердце своё забытьё не впускаю,
Давнюю дружбу храню в кулаке,
Помню, как нож подарил мне Паркаев
В городе Павлово, что на Оке...*

А вот врагов России и Божьих он разит словом и делом беспощадно, по-богатырски, как и положено чудо-воину. Монаху Пересвету или Ослябе. Он ведь очень православный поэт, наш Владимир Силкин, он отмечен церковью орденами святого благоверного князя Даниила Московского и препод-

добного Серафима Саровского. Да плюс ко всему поэт-песенник. Заслушаешься!

*Как далеко ты, посох Пересвета!
Но зорок ты, глядишь через века.
В отшельнической келье тёмной этой
Крепчает богатырская рука...*

Россия в воинской доблести и славе, укоренённое в самое сердце Православие, а еще, конечно, Поэзия, стихи, творчество с истоков и навсегда, до исхода – вот чему он служит всю жизнь, вот его триединый образ жизни. А не нечто далёкое, эфемерное, туманное или плакатное, нарочитое. Это, можно сказать, его судьба. Сакральный, предназначенный с горних высей путь. Такой вот метафизический портрет постарался я сложить к 65-летию своего друга и великого скромного человека.

*... Даже кочки родные,
И река, и жнивья.
Нет без Рязска России,
Нет меня без неё.*

Александр ТРАПЕЗНИКОВ,
сайт газеты «День литературы», 7 октября 2019 г.

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ В РЕСПУБЛИКЕ КОМИ В 2012 ГОДУ

Хочется от всей души поздравить с выходом в свет в 2012 году в издательско-полиграфическом объединении «У Никитских ворот» в серии «Московские поэты» книги стихов замечательного русского поэта, большого друга коми литературы и нашего литературного альманаха «Сыктывкар» Владимира Силкина. Сборник он назвал – «Осень в Рязске». Открывается эта книга стихотворением «На родине». Вот его заключительные строки:

*Рассвет над деревнею брезжит
В прозрачном просторе небес.
Как грустно быть гостем заезжим
Когда-то рождённому здесь.
Смолёные лодки и снасти,
Осенняя свежесть реки...
Какое же всё-таки счастье
Пожатье отцовской руки.*

Владимир Александрович Силкин родился в городе Рязске Рязанской области. Он секретарь Правления, председатель Комиссии по военно-художественной литературе Союза писателей России, начальник Военно-художественной студии писателей Культурного центра Вооружённых сил Российской Федерации имени М.В. Фрунзе. Лауреат Государственной премии России. Заслуженный работник культуры РФ, кавалер ордена Почёта, ордена Русской православной церкви святого благоверного князя Даниила Московского. В. Силкин автор более тридцати пяти книг стихотворений, в том числе детских, эссе и песен. А ещё и просто русский поэт, который может так написать:

*Тихий голос, светлый локон,
Пальцы, клеящие нить...
Ты ушла в своё далёко,
И тебя не возвратить.
Из-за леса, из-за моря,
Из-за вросших в небо гор...
Только ворон на заборе
От прохожих прячет взор.
Никого он не боится!
Кто же тронет старика?!
Что ж ты взгляд отводишь, птица,
Что глядишь издалека?*

(«Баба Груня»)

Книга стихов «Осень в Ряжске» получилась очень светлой тем самым светом любви к малой родине, которая исконно свойственна традиционной русской литературе, и глубокой той глубиной пристрастного взгляда на нашу нынешнюю жизнь истинного патриота своей страны, отдавшего служению ей три десятилетия своей войсковой жизни. Мотаясь по гарнизонам и заставам, поэт не растерял своей горячей любви к малой родине:

*Где приветливый месяц усталый
Воду синюю пьёт из рожка –
Из реки моей родины малой,
Без которой на сердце тоска.
Я обжиться никак не умею
В суете городских площадей.
Кружат в небе бумажные змеи,
Отзываясь на крик лебедей.*

(«Ямской луг»)

Сборник тематически многогранен. Есть в нём строки, посвящённые любви к женщине, есть посвящённые любви к

среднерусской природе. Лирический герой Владимира Силкина – это заядлый рыбак и грибник, только к охоте у него отношение скорее негативное, чем понимающее сие истинно мужское занятие:

*И выстрелы по рекам и озёрам
Окрасят воду розовой бедой,
И смолкнут эти выстрелы нескоро
Над хмурою октябрьскою водой.
До октября осталось меньше суток,
И крики уток будят города.
Но некому окликнуть диких уток,
Чтоб не летели к людям никогда.*
(«Утки»)

Нередко главными героями в стихах поэта становятся не только дикие утки, но и серые цапли, кошка, синицы, снегири, сом, сизый голубь, волк, гадюка, лошади... Представители животного мира в его строчках выступают проводниками правды и простоты жизни, вестниками её нескончаемости и постоянного развития, в их описании появляются мотивы олицетворения человеческих страстей и переживаний. Так в стихотворении «Бабочка» поэт пишет:

*Холодно и темно,
Тускло мерцает лампочка.
Бабочка бьётся в окно,
Бабочка.
А на дворе апрель,
А над кроватью рамочка.
Стынет твоя постель...
Мамочка!
Скажете, ерунда,
Спит в это время бабочка.
Только вот не всегда...
Мамочка!*

Поэта в его творчестве искренне беспокоит с каждым годом ухудшающаяся экологическая обстановка, вымирание редких растений, таких как вероника Жакена, венерин башмачок, касатик, дрок, пупочник голубой и др. В умирании этих редких трав Владимир Силкин как бы видит неизбежное умирание старорусской культуры, уход из деревенского быта той исконной чистоты и наивности и замену традиции на новомодные веяния западной массовой культуры:

*Они себя слезами обливают,
Они уносят таинство с собой.
Свой век в полях рязанских доживают
Касатик, дрок, пупочник голубой.*

*Уходит из России это чудо,
Сжав лепестки, как пальцы, в кулачок.
Боюсь, и я когда-нибудь забуду
Венерин настоящий башмачок.
Уже и рябчик русский исчезает,
И скабиозы грусть не передать.
Вот потому и сердце замерзает,
Что света больше в поле не видеть.*

Обилие географических названий населённых пунктов родной Рязанщины и посвящённые этим местам стихи, обилие образов простых русских людей, его земляков, выведенных поэтом на страницы поэтического сборника, подкупают читателя своей близостью и его душе и его любви к своей малой родине, к своим близким людям. Читая книгу, словно проходишь по улицам Ряжска, Рязани, Большой Алешни, Божьих Вод, Захупты, Телешовки, знакомишься с местными достопримечательностями, ценность которых в деревенской простоте быта, строений, уклада местных жителей... Но что-то некрасовское слышится в словах поэта Владимира Силкина, тоска по не-

сбыточному крестьянскому счастью не даёт его лирическому герою покоя:

*Сёла Берёзово, Совка, Незнаново,
Жаркая, Туговка, Красный Гудок...
Реки Алёшинка, Хупта и Ранова,
Не обошедшие мой городок.
Сёла Мизинец... Да мало ль их около!
Столько названий душевных, не счесть!
Вот уже тиной болото зацокало,
Значит, болота, и те у нас есть.
Есть перелески с полями и взгорками,
Рожь и пшеница, заря и рассвет,
Только безрадостно что-то и горько нам,
Полного счастья чего-то всё нет.*
(«Названия»)

Не обошёл поэт в своих стихах и Константиново, родину Сергея Есенина, по-есенински звучат его строки:

*Вдруг растаяли за тучею,
Растворились за дождём,
Душу криками не мучая
Над болотом и прудом.
Золотой порой осеннею
Будто вымерли вдали...
С «малой родины» Есенина
Улетели журавли.*

Очень много жизненных переживаний связано у лирического героя Владимира Силкина с водой, с малыми реками его малой родины, такими как Ранова и Хупта. Их воды словно бы омывают душу поэта, придают ему сил жить вдали от малой родины в «далёких городах»:

*Всей длины-то Лапоток – с ноготок.
Никакой ему не нужен мосток.*

*...А всего-то только прочих родней,
А всего-то лишь водою бедней.
Но искони на Руси беднота
Добродушина, горделива, чиста.*
(«Речка Лапоток»)

Именно такой, как его речка Лапоток, и получилась книга стихов известного русского поэта Владимира Силкина «Осень в Ряжске». Прочитал её буквально за несколько ночных часов и на душе стало светлей, может быть, в этом и есть смысл настоящей поэзии.

Андрей КАНЕВ,
литературный альманах «Сыктывкар», 2013 г., с. 210–213.

ВООДУШЕВЛЁННЫЙ РОДИНОЙ

Поэт, прозаик, журналист, переводчик, заслуженный работник культуры России Владимир Силкин родился в 1954 году в городе Рязске, в одном из красивейших маленьких городков на родине Есенина – в Рязанской области. Здесь он вырос, окончил школу. Именно тогда осуществил первые поэтические опыты. И чем дальше, тем они становились серьёзней. И в один из прекрасных дней строчки поэта появились на страницах районной газеты «Авангард». Они были замечены и рядовыми читателями, и специалистами литературного мира. Это и определило дальнейшую судьбу и литературный путь молодого парня. Однако этот путь отличается от многих других писателей в сугубо литературном творческом плане. Призванный в Вооружённые силы, молодой человек, имеющий серьёзные поэтические устремления, пройдя срочную военную службу, дальнейшую свою судьбу решает связать с армией. И его жизнь проходит в двух, кажется, несовместимых областях. Армейская служба, строгая походная жизнь и литературно-творческая работа. Нетрудно представить, сколько человеческой энергии, труда, терпения, преданности и верности любимому делу необходимо иметь одновременно, чтобы быть образцовым офицером русской армии и достойным представителем русской поэзии. Владимиру Силкину это удаётся в полной мере.

Сорок лет из своей 60-летней жизни он посвятил советской и её наследнице – российской армии, пройдя путь от рядового до полковника. За время пребывания на ответственных должностях удостоен многих благодарностей и наград. Он и сейчас является полковником запаса, начальником Военно-художественной студии писателей Культурного центра Вооружённых сил Российской Федерации.

Одновременно Владимир Силкин прошёл путь от молодого поэта до зрелого мастера, занял своё место в русской поэзии. Сегодня он один из самых признанных писа-

телей, кавалер ряда престижных литературных премий, а в 2009 году Указом Президента России удостоен звания лауреата Государственной премии России.

Для поэта родной Ряжск – один из красивейших и заветных уголков мира, основа государственности, и без него для Владимира Силкина России нет. Неслучайно недавно вышел его новый сборник «Осень в Ряжске» – о городе, который является малой родиной поэта. Его неповторимая природа, неотделимые от него люди и просты, и непосредственны.

*Спасибо, Ряжск, за дружбу и за встречи,
За то, что ты состариться не смог!
А что ещё, как дружба, душу лечит,
А что ещё спасает от тревог?!*

*Конечно, ты и старше, и мудрее,
Всегда поймёшь и добрый дашь совет.
А душу мне неостудимо греет
Твой васильковый, твой небесный свет.*

(«Спасибо, Ряжск!»)

Необозримо глубока преданность В. Силкина родным местам, и, безусловно, приятно, что эта любовь взаимна. Библиотека номер два города носит его имя, он удостоился звания почётного гражданина города Ряжска. Он всегда здесь желанный гость.

Русский читатель знает Силкина как яркого и самобытного поэта, который на протяжении многих лет неустанно ткёт свои тонкие душевные поэтические полотна. Настоящий мастер, он умело использует и яркие, и печальные цвета.

У писателя фактически не было бесплодных лет, им написано более 35 книг, и он не останавливается на достигнутом, размышляет над жизнью, пишет, в том числе, и для детей. Им опубликованы многочисленные статьи, эссе. И

это закономерно, ему есть что сказать людям, поскольку поэт является одним из ведущих авторов России, работающих в такой серьёзной – военной теме.

К этому хочу добавить, что он и автор текстов к более чем 500 песням, которые украшают репертуар многих певцов, ансамблей и групп.

Глубокие мысли, яркие образы, напевность – вот основные черты поэзии Владимира Силкина. Поэт усвоил лучшие традиции отечественной поэзии XIX–XX веков, которые чудесно проявляются в его произведениях, посвящённых малой родине, России, лирических и любовных стихах.

Как редактор этой книги, я с большим удовольствием рекомендую данный сборник армянской читательской аудитории. К тому же эту книгу перевёл один из любимых поэтов и переводчиков современной Армении – Левон Блбулян. Он, на мой взгляд, сумел сохранить творческие особенности и тонкости автора, оставаясь верным его стилю и духу. Читатель воспринимает Россию через яркое и впечатляющее слово, завораживается глубокими поэтическими переживаниями и устремлениями, раздумьями.

Я убеждён, ценителей поэзии ожидает приятная встреча с талантливым и самобытным русским поэтом Владимиром Силкиным, который прежде всего воспекает добро и любовь.

Альберт ОГАНЯН,
профессор, секретарь Союза писателей России.
Предисловие к книге «Русский ветер»,
вышедшей в ереванском издательстве «Астхикгаратун»
(«Дом литературы») в 2013 году.

НЕ ТОЛЬКО О ПЕРЕВОДАХ...

Большинство сознательных граждан нашей страны – это люди, рождённые в СССР. И при любом удобном случае они сравнивают сегодняшнюю жизнь, современные проблемы с такими же, подобными – случавшимися в той, прошлой жизни. Это происходит, в основном, не тогда, когда они пользуются всеми благами и свободами, предоставленными им в современных российских условиях, а при обсуждении проблем, связанных с образованием, ЖКХ, культурой... И очень часто такие сравнения получаются в пользу страны, которой больше нет. В одном ряду с такими проблемами находится и литература: и та, которую дети изучают в школе, и та, что выходит из-под пера современных писателей, не говоря уже об изменившемся в худшую сторону отношении государства (читай: госчиновников всех мастей и уровней, имеющих отношение и влияние на состояние современной литературы) к самим писателям.

Именно об этом подумалось мне, когда в руки попала недавно вышедшая из печати книга «Ночной дождь» современного русского поэта Владимира Силкина, в которой он выступает в непривычной для многих, даже тех, кто знаком с его творчеством, роли переводчика девятнадцати авторов с одиннадцати языков на русский. Имя Силкина сегодня на слуху. Он действительно находится сейчас в обойме востребованных сегодняшним временем и читателями поэтов России. Я специально употребил военный термин «обойма», потому что полковник запаса, лауреат Государственной премии России, дипломант первой премии Министерства обороны РФ в области литературы и искусства, заслуженный работник культуры России, начальник Военно-художественной студии писателей ЦДРА имени М.В. Фрунзе Владимир Силкин стоит на переднем рубеже военно-патриотического воспитания молодёжи, отражает в своём творчестве будни современной Российской армии (одна подборка «Из сирийской тетради», воплощённая со-

всем недавно в сборник «Русская юла», чего стоит!) и всеми способами пытается сохранить звучащее поэтическое слово, возродить его как в воинских гарнизонах и коллективах, так и среди любителей литературы всех возрастов.

В советское время одним из постулатов, на котором держалась внутренняя политика государства, было понятие «дружба народов», составляющей частью которой было пристальное внимание к печатному слову, литературе не только в союзных республиках на официальных языках, но и к литературе малых народов, национальностей, автономных и не очень автономных краёв и областей, где разговаривали в общей сложности более чем на 120 языках.

А так как языком межнационального общения в многонациональной стране был русский язык, то, соответственно, многие произведения в прозе и поэзии с других языков переводились на русский язык и наоборот. Ещё в 1934 году на Первом Всесоюзном съезде советских писателей Максим Горький подчеркнул: «Необходимо начать взаимное и широкое ознакомление с культурами братских республик... необходимо издавать на русском языке сборники текущей прозы и поэзии национальных республик и областей в хороших переводах». Если бы такой целенаправленной переводческой работы в рамках государственной политики в стране не проводилось, а всё это было пущено на самотёк, как происходит сегодня, то мы (русскоязычное население страны) никогда бы не узнали и не познакомились с произведениями грузина Шота Руставели, белоруса Янки Купалы, украинцев Ивана Франко и Леси Украинки, азербайджанца Низами, узбека Навои, латыша Я. Райниса и т. д. То же самое можно сказать и о творчестве лауреата Государственной премии СССР Расула Цадаса. Благодаря переводам его произведений с аварского языка на русский мы не только узнали, что где-то в Дагестане, кроме, собственно, дагестанцев, живут и авары, разговаривающие на своём родном аварском языке, но стали читать и слушать его стихи, песни

на его слова, в том числе и самую знаменитую – «Журавли» (перевод Наума Гребнева). Юноша из далёкого горного селения, с трудом говоривший на русском языке, прочно вошёл в советскую литературу под именем Расула Гамзатова. (Свой литературный псевдоним он взял от имени своего отца, которого звали Гамзат).

Да и с творчеством зарубежных классиков мы бы никогда не познакомились без соответствующих трудов большой группы переводчиков советского времени. Ни с «Божественной комедией» Данте, ни с комедиями и трагедиями Шекспира и Лопе де Веги, ни с лирикой Гейне и Гёте и т.д.

Но вернёмся к сборнику «Ночной дождь» Владимира Силкина. Поражает количество языков, с которыми поработал В. Силкин, среди них – болгарский, черногорский, китайский, персидский, осетинский, ингушский, калмыцкий, украинский, тувинский, хакасский и даже язык непали. Тематика у авторов, включённых в сборник, соответственно, разнообразная. Но это именно то, что сегодня волнует людей на огромных просторах как внутри России, так и далеко за её пределами.

Но о чём бы ни писал поэт, каких бы тем ни касался в своём творчестве, рано или поздно перед ним встаёт вопрос о собственном предназначении, о том, для кого и, главное, зачем он пишет, какой след оставит на земле. А так как универсального ответа на данный вопрос не существует, то каждый по-своему отвечает на этот, не такой уж риторический вопрос. Посмотрим, как на него отвечают отдельные авторы в переводах В. Силкина:

Пламен Григоров в стихотворении «Поэт», переведённом с болгарского языка, утверждает:

*Слово моё – гильотина,
Там мне без страха висеть,
Духу святому и Сыну,
Богу о вечности петь.*

Николай Куулар в стихотворении «Дождь», переведённом В. Силкиным с тувинского языка, пишет:

*Родина, ты в тиши
Снова встречаешь утро.
Стали б дождём для души
Строки мои кому-то.*

А вот что пишет Нугзар Бакаев в стихотворении «О, если бы» в переводе с осетинского языка:

*Но я боюсь, что не оставлю следа.
Любя людей, седею всё сильней.
Суметь бы мне добыть в пути победу
Для тех, кто мне дороже и родней.*

И он же в следующем стихотворении добавляет:

*Стою в саду своих мечтаний,
Следы считаю юных лет,
В моих стихах не перестанет
Горячих слёз струиться свет.*

Такое разнообразное, даже можно сказать разнонаправленное отношение различных поэтов к заданному выше вопросу, и является ответом на мысли отдельных читателей, знакомых с творчеством самого Владимира Силкина, которые могут сказать: «Да ему (Силкину) дай любую тему, задай основную мысль, и он её выразит точной поэтической строкой!»

В данном случае, в данном сборнике переводчик Владимир Силкин не сам пишет стихи, он занимается поэтическим переводом.

Понятно, что произведения в прозе переводить значительно проще, так как не надо следить за ритмом, подбирать рифмы, не искажая смысл произведений, авторские мысли и

чувства. И с этой сложной задачей поэтического перевода Владимир Силкин справляется в полной мере.

Возможно, во всяком случае, я надеюсь, что авторы, чьи произведения включены в данный сборник, тоже, как, например, Расул Гамзатов и другие, станут известны широкому кругу русскоязычных читателей. Конечно, гарантировать этого никто не может, но при всех раскладах качество их поэзии (в переводах В. Силкина) находится на достаточно высоком уровне поэтического мастерства.

После знакомства с книгой «Ночной дождь» мне ясно и понятно одно: она будет востребована читателями и займёт своё достойное место среди удачных и точных переводов.

Александр ВЫРВИЧ,
газета «Московский литератор», № 21,
ноябрь, 2017 г., с. 3.

МОСКОВСКАЯ ОСЕНЬ В СТИХАХ ВЛАДИМИРА СИЛКИНА

Осень... Когда за плечами – целая жизнь, как-то по-особому воспринимаешь это время года. Осень сродни мудрости и зрелости. Это время сбора урожая, время подготовки к седой зиме с её холодами и снежным покоем. А ещё осень – это буйство красок, это пламенный взрыв поэтических настроений и умиротворённость от рождающихся задушевных лирических ноток. Мне особенно мила и дорога эта пора. Осень всегда дарила мне вдохновение и очень живые образы.

И вот осень 2015 года я встречаю в Москве. Подарок этой осени – незабываемые встречи с поэтами и писателями столицы, которые прошли в рамках презентации книги писателей Донбасса «Строки мужества и боли». Знакомство с Владимиром Силкиным, известным российским поэтом, заслуженным работником культуры РФ, секретарём Союза писателей России, главным редактором военного литературного альманаха «Рать», стало для меня новым литературным открытием. Владимир Александрович подарил мне два своих сборника стихов: «Здравствуй, любимая!» и «Песня осенних птиц», и моя осенняя московская пора наполнилась новой поэтической мелодией из строк и образов В. Силкина.

Как прекрасно и сказочно купаться в тепле бабьего лета! Владимир Силкин с особой страстью отмечает: «Я люблю это время шальное» и кистью художника слова выводит:

*Вновь сентябрь рассыпает монету,
Заставляя звенеть синеву,
И мгновения бабьего лета
Наполняют дыханьем Москву.*

Картины осени у поэта живописны, зримы и наполнены звуками:

*Какая стынь! И лист неслышно
Листу о чём-то говорит.
И разодевшаяся пышно
Рябина горькая горит.*

Эти строки из стихотворения «Мещёра». Мещёрские заповедные места Подмосковья так же дороги автору, как и певцу русской природы К. Паустовскому, о котором он с любовью пишет:

*Но замечательно чертовски
Гулять и думать, неспроста
Любил заехать Паустовский
В мои мещёрские леса.*

В стихотворении «Молитва осенних птиц» дождливая осень слушает «безутешные голоса» птиц, а автор с вершины своей осенней мудрости размышляет:

*Птицы, видимо, молятся Богу
На закате осеннего дня,
Чтобы завтра пуститься в дорогу
И на зиму оставить меня...*

Через осеннюю канву стихотворений В. Силкина ненавязчиво, буквально в нескольких штрихах проступает образ лирического героя, которому хочется верить, к человечности, честности и принципиальности которого проникаешься пониманием и уважением:

*В реке осенней рыжая вода,
Деревья молча созерцают осень.
Я жёстким был. Жестоким никогда,
И жёстким-то, наверное, не очень.*

Из биографических материалов знаю, что Владимир Александрович – полковник запаса, 32 года прослу-

жил в Вооружённых силах СССР и России. Языком военных я бы сказал: «С таким человеком я бы пошёл в разведку!» Но ещё приятнее чувствовать творческое родство душ, погружаться в мир осенних метафор В. Силкина. Вот я смотрю глазами поэта на вечную тайну неба:

*Над Рязанью небо хмурит брови,
Бронзовые стонут облака...*

И далее поэт размышляет о том, что волнует каждого в осенний период жизни:

*Как пройти сквозь вечные леса,
Где в итоге принимает небо
И приют готовят небеса?!*

Но пока душа молода, а сердце по-прежнему жаждет любви, звенит голос художника слова:

*Небо, прошу, не подбрасывай грусти нам,
Дай на тебя посмотреть.
Дай посмотреть и открыто, и весело,
Как ты из лужицы пьёшь.
Что же ты тучи сушиться развесило,
Птицам летать не даёшь?*

*Русское небо, далёкое, серое,
В этом осеннем краю.
Я ещё верую, верую, верую.
Верую в мудрость твою.*

*Верую в солнце, к берёзам летящее.
Верую в новый рассвет...*

Я искренне хочу пожелать Владимиру Александровичу Силкину ещё много-много новых рассветов и творческих

взлётов. Пусть его НЕБО будет высоким и чистым. В своём стихотворении «Гадание на жёлтых листьях» В. Силкин просит:

*Осень, огненная птица,
Нагадай мне счастье вдруг.*

Я верю, что так оно и будет. Непременно будет у Владимира Силкина счастье и творческое, и просто человеческое!

Виктор МОСТОВОЙ,
член Международного сообщества писательских союзов,
Донбасс, Луганская Народная Республика.

ПРОСТАЯ ПРАВДА ВЛАДИМИРА СИЛКИНА

О книге Владимира Силкина «Зимние яблоки»

Книга вышла из печати в июне 2019 года ко дню открытия международного фестиваля поэзии и искусства имени Александра Сергеевича Пушкина. Этот день совпал со временем проведения в Москве международного фестиваля поэзии «Шёлковый путь» между Китайской Народной Республикой и Россией, на котором, к слову сказать, поэт Владимир Силкин Союзом писателей КНР был награждён золотой медалью за выдающийся вклад в развитие культурного обмена между Китаем и Россией. Многие участники форума увезли с собой эту книгу, только что вышедшую из печати, с автографом автора. В их числе оказался и я.

Книга имеет авторский подзаголовок «Стихи разных лет». К этому замечанию можно относиться по-разному: может это тематический сборник, а может, автор обозначил таким образом некие предварительные итоги? Книга содержит пространную аннотацию и подробное предисловие Олега Дорогана. Вроде, и добавить-то нечего. Но после прочтения возникшие ассоциации заставили меня посмотреть на отобранные автором стихи более пристальным взглядом.

Поэзия либо есть, либо нет. Стихи бывают разные, но в любом случае язык стиха должен быть понятен читателю. Ведь подлинная поэзия не появляется на голом месте, она возникает из языка русской народной поэзии, которая давно заняла достойное место в мировой литературе. Создать что-то новое из ничего не получится. В основе любого начинания должно лежать то лучшее, что создала русская литература за века своего существования. Всякий большой поэт – новатор, но в своих произведениях он должен задумываться о связности текста, последовательности и логичности изложения. Каждое литературное произведение должно быть изложено простыми словами, понятными любому читателю. И особенно это относится к по-

эзии, потому что настоящая поэзия – не просто гармония и красота, это всегда новая, небывалая гармония и красота.

Как говорил Иван Тургенев в своём стихотворении в прозе «Простота»: «Простота! Простота! Тебя зовут святою...» Той же мысли придерживался и Новиков-Прибой, когда говорил: «Писать надо просто. Не люблю тех, кто в погоне за красотами пишет вычурным языком. Язык писателя должен быть прозрачным, как хорошо промытое стекло». Ему же принадлежат пророческие слова: «Всё великое просто, но оно даётся большим трудом. Простота пушкинских стихов, кажется, достигнута поэтом без усилия. В действительности простота в нашем деле труднейшее искусство. Для неё изнуряешь себя до последней степени». Как высшую степень изумления не могу не привести слова кажется всё знавшего и всё умевшего А. Блока: «Перед Пушкиным открыта вся душа – начало и конец душевного движения. Все до ужаса ясно, как линии на руке под микроскопом. Не таинственно как будто, зато по-другому, по-самоубийственному таинственно». Я не зря вынес в заголовок статьи слово «простая». Мне кажется, для поэта почти неизбежен путь от «сложности» к «простоте», от преобразования мира вещей к преобразованию «мира души». Эта последняя простота – итог величайшей сложности, формальное совершенство которой даётся и большим поэтическим опытом, и огромной духовной напряжённостью. Простота, в этом смысле, приходит к поэту, но научиться ей невозможно. И тогда вместо простоты оказывается пустота.

Главной особенностью современной поэзии является её огромное многообразие. Она подобна мозаичному полотну, в котором каждая деталь самобытна, имеет свой цвет и форму, но, только соединяясь с другими, мелкие фрагменты мозаики создают уникальную картину. Ни об одном из поэтических направлений нельзя сказать, что оно является ведущим и формирует генеральную линию литературы, ни одну поэтическую школу нельзя считать основной. Они разнообразны и не похожи, но у каждой из них есть свои

заинтересованные читатели. При всех изменениях, широко затрагивающих поэтический процесс, Владимир Силкин остаётся верен классическому русскому стилю, бережно сохраняя вековые традиции стихосложения и трепетно храня традиции русского народного языка. Поэтому совершенно естественно, что он воспринимает человека как часть природы и соотносит личность и мирозданье, что придаёт его поэзии философский характер. В сочетании с простотой изложения это требует от автора большого искусства. Простота изложения, ясность мысли, чёткая рельефность изображения – вот к чему стремились лучшие поэты России во все времена. Очевидно, что это один из критериев творчества Владимира Силкина.

Что особенно запоминается при прочтении книги, что отличает творчество Владимира Силкина – это обострённое до предела чувство мгновения, особенно мгновения, уходящего навсегда... Мгновенное расставание – это разлука навеки, видимо, большая жизнь оставила в душе поэта незаживающие зарубки. И второе – символы, спутники всей человеческой культуры, и они имеют свою историю. Каждое новое литературное направление имеет свои символы и по-своему к ним относится. У поэта Владимира Силкина два любимых символа: осень и дождь. Все самые животрепещущие моменты его жизни и творчества или напрямую связаны с ними, либо проходят на их фоне. Да он и не скрывает этого от читателя в стихотворении «Я – человек дождя»:

*Места не находя,
Я ухожу из сада.
Я – человек дождя,
Спелого листопада...*

И чтобы ни у кого не оставалось сомнения, добавляет в стихотворении «Бабье лето в Москве»:

*...Я люблю это время шальное,
Время встреч и последних разлук,*

*Когда бисерный дождик – стеною,
И сердце обезумевших стук.*

И хотя из стихов Владимира Силкина совершенно очевидно, что по характеру он не снедаемый постоянной грустью человек, не поддающийся унынию ни в каких жизненных ситуациях, но, видимо, наилучшим образом ему подходит именно такое состояние природы, с которой у него истинно человеческие, братские отношения, о которых читатель узнаёт из стихотворения «И дай-то Бог!»:

*Наверно, я с природою на «ты»,
Я вижу всё, я понимаю много:
Над чем смеются дикие цветы,
Куда зовёт раскисшая дорога.*

*И дай-то Бог, чтоб дальше было так,
Чтоб знал, зачем взлетает эта птица,
Всё остальное на земле – пустяк,
И ничего назад не возвратится.*

И искренне жалеет людей, которым язык природы не понятен и не доступен: «Лес подставляет спину небосводу, / Луга пьтает талая вода... / А кто смотрит сквозь пальцы на природу, / Другому не поможет никогда». Какая уверенность, граничащая с категоричностью! Может быть, такие размышления и позволяют поэту создавать прекрасные стихи элегического содержания. Не могу не привести полностью стихотворение «Дожди»:

*Дожди повисли над Москвой,
И светлый город в целлофане.
Век доживает бабий свой
Берёза в жёлтом сарафане.*

*О чём-то шепчутся грачи,
Прижавшись на ветвях друг к другу.
И ветер северный кричит,
Как чумовой, на всю округу.*

*Какая хмурая пора!
Какие горестные дали!
И всё короче вечера,
И всё длинней у них печали.*

Сколько стихотворений в русской литературе написано о Родине, о родной земле, о малой родине. Но тема эта волнует каждого автора, и как же трудно сказать своё слово, не повториться. Как любящий сын знает привычки своей матери, так и Владимир Силкин в совершенно простом стихотворении «Золотая рыбка» (даже название настраивает читателя на нужный лад) всё сказал самыми простыми и понятными каждому русскому человеку словами:

*Не верю неподвижным поплавкам,
Сижу на речке без толку с рассвета,
Ведь рыбы, если верить рыбакам,
Давным-давно в родимой Хупте нету.*

*О чём-то спорят на лугу грачи,
Кузнечик что-то мастерит на зиму,
А я себе валяюсь на печи,
И жизнь, как скорый, пролетает мимо.*

*О Русь моя, ну что ты за страна!
Играешься до старости в игрушки...
И верю я, что именно у нас
Иван-дурак женился на лягушке.*

Поражает аскетическая простота этих строк. Ни одного эпитета, ни единой метафоры, никакого красноречия. Но в

этом отсутствии всяких эффектов и заключается сильнейший эффект: чем кажется непритязательнее форма этих стихов, тем вернее они доходят до сердца. Именно этим и поразили меня эти стихи: я понял, что для такой безыскусственности требуется большое искусство, что в этой предельной простоте – подлинная красота. И это не случайно. Вот ещё строки из стихотворения «Чтоб тянуло в духмяные сени...»: *«В Константинове песни и пляски, / Облака отдыхают в Оке... / Ах, какие красивые сказки / Носит русский мужик в кулаке»*. И стихотворений на эту тему, такую важную для поэта, предостаточно в каждой из книг Владимира Силкина. Он сам в стихотворении «Даль зовущая» признаётся, что тема эта – одна из главнейших в его творчестве: *«Я раньше грустил, а сегодня тоска / Всё зримей по отчему краю, / И камень свой я, как Сизиф, сквозь века / К родному порогу толкаю»*. И как корнями вросший в русскую землю, человек военной судьбы, Владимир Силкин хорошо понимает на своём многолетнем опыте, в чём опора и надежда России. Сказал так, что проще не скажешь. Его стихотворение «Мужики» – это кредо умудрённого жизнью человека:

*От зари и до зари
Поливают землю потом,
И в руках у них горит
Их извечная работа:*

*Пашут зябь и сеют рожь,
Всё трудом соизмеряют
И на прочность молодёжь
В трудном деле проверяют.*

*Сколько лет и сколько зим
Не гибнут от хвори.
Низко кланяюсь я им,
Людям русского подворья.*

*Держат солнце на руках
И не стонут от бессилья,
И на них, на мужиках,
И стоит моя Россия.*

Давайте обратимся к глубоко лирическому стихотворению и посмотрим, как в этом случае меняется лексикон автора:

*Любимая, желанная, ты спишь,
Резвятся сны на сомкнутых ресницах,
И в эту ночь, рождающую тишь,
Мне б угадать, чего тебе приснится?*

*Окно открыто, в комнате покой,
Лишь только полночь штору раскачала.
Хочу, чтоб жизнь ни с болью, ни с тоской
Тебя на миг во снах не повенчала.*

*Родная, спи, я рядом помолчу,
Храня твои счастливые виденья,
Чтобы, подобно первому лучу,
Наполнить светом радость пробужденья.*
(«Ты спишь»)

Автор остаётся верен себе. И вновь минимум эффектов. Предельная искренность чувства, правдивость поэтической интонации, поразительная простота и мелодичность захватывают читателя. Да, истинное достоинство стихов измеряется отнюдь не навороченностью разными метафорами и аллюзиями и не претензиями на сомнительное глубокомыслие, а напротив – доступностью содержания и простотой формы, т. е. той самой лёгкостью чтения и восприятия, которую в народе метко называют «складностью». Это сочетание предельной искренности и образности, простоты и мелодичности позволяет Владимиру Силкину подниматься к

вершинам высокой лирики, когда рождаются стихи, редкие по красоте и с глубоким философским подтекстом. Это сказывается в фонетическом облике и звуковой сочетаемости слов, во внутренней форме слова, в синонимии языка, в синтаксически-интонационной организации речи. Это позволяет автору, по словам Н. Асеева, находить ту «неожиданность выразительности слов, которая заменяет собой всякий способ описания событий». Примером сказанному может служить стихотворение «Полынья»:

*Взирает женщина в пургу.
Она отчаялась увидеть
Того, кто по уши в снегу
Идёт к ней и никак не выйдет.*

*Идёт который год подряд
Из давней дали невозвратной
Прижать к груди своих ребят,
Расцеловать их многократно.*

*Но на реке бездушный лёд,
Мороз сковал судьбу и реку,
И он добраться не даёт
К своей любимой человеку.*

Есть такие стихотворения, которые, на первый взгляд, не содержат никакой значительной и глубокой темы, но поэтам хорошо известно, что именно в них заключается что-то притягательное. Вспомните знаменитое стихотворение А. Блока «Ночь, улица, фонарь, аптека...» Многие, гораздо более пространные стихи со временем забываются, а эти, неказистые на первый взгляд, проживают долгие годы, а может быть, и приживаются в антологиях:

*Серых птиц в саду навалом,
Сколько всякой щебетни.*

*Но поют уже устало
Поздней осенью они.*

*Не поют, кричат беспечно
И не смолкнут никогда,
Так и будет в мире вечно –
Осень, птицы, холода.*

Тонкий художественный вкус, творческое отношение к родному слову позволили поэту выбрать из большого языкового арсенала слова самые простые и прозрачные. Как говорил А. Твардовский: «Вот стихи, а всё понятно, / Всё на русском языке». Можно ещё добавить слова непререкаемого авторитета, гения русской словесности Льва Николаевича Толстого: «Необходимое условие и самый верный признак истины – это простота и ясность. Ложь всегда сложна, вычурна и многословна. Все мысли, которые имеют огромные последствия, всегда просты. Величайшие истины – самые простые».

Многие авторы, да порой и критики, часто смешивают понятия простоты и штампа. Предложения, составленные из простых, часто применяющихся в поэзии слов, кажутся им банальными и вторичными. Но если внимательно присмотреться к понятию вторичности, то можно с уверенностью сказать: в этом мире всё вторично. Нет тем, о которых бы никто не писал, нет явления, которое бы не происходило. Нет словосочетаний, которые не применялись бы ранее. Всё уже было. Так что же остаётся делать современным авторам? А выход есть. В литературе, особенно в поэзии, каждое слово должно находиться в таком окружении, которое бы подчёркивало его значимость, высвечивало грани, которые раньше не освещал никто. И тогда строка, строфа, да и всё стихотворение высветится внутренним светом и заживёт своей особенной, неповторимой жизнью. Такое стихотворение будет жить несмотря на простоту и кажущуюся банальность слов, его составляющих.

Что ни говори, а в настоящее время в поэзии, да и в литературе в целом наступили смутные времена. Казалось бы, что должна была бы усилиться роль критики, а вот она-то, к великому сожалению, в совершеннейшем упадке. Назначение всякой критики – быть санитаром «литературного леса» и путеводителем по нему для читателей (да и для самих стихотворцев). Лес чудовищно разросся, и с этой ролью немногочисленные критики физически не справляются. И в таких условиях, для анализа и введения в курс будущего читателя, чрезвычайно важно отмечать произведения, достойные внимания настоящих любителей русской поэзии. Думаю, что я в своём выборе не ошибся. В подтверждение своих слов приведу в пример только одно стихотворение «Дождь седьмого ноября», которое мог написать человек с юмором, богатой поэтической фантазией, великолепным чувством ритма, не расставаясь с простотой, но не забывающий о красавице эвфонии:

*Дождь седьмого ноября.
Лужи.
Между нами говоря,
Я давно тебе не нужен.*

*Ветер воеет у окна
Мокрый.
Я тебя понять, жена,
При любом раскладе мог бы.*

*Ты не веришь? Ну и зря.
Тужишь?
Дождь седьмого ноября.
Отвратительные лужи.*

*Ветка просится в окно.
Было!
Как же всё-таки давно
Ты одна меня любила.*

Поэт Владимир Силкин неоднократно бывал в горячих точках, ветеран боевых действий. В 2005 году в звании полковника уволен в запас, и с этого года возглавляет Военно-художественную студию писателей Центрального Дома Российской Армии имени М. В. Фрунзе Минобороны России. Такой человек просто не мог не коснуться военной тематики, но в этой книге я обнаружил только два стихотворения: одно «Птаха», с которым поэт живёт постоянно, со строфой: *«Я красуюсь перед птицей. / Но задумалась она: / Сколько лет ещё продлится / Та Афганская война?»* И второе, из которого мы узнаём, что для Владимира Силкина и в мирное время война продолжается, иначе бы не родилось это пронзительное стихотворение «Телефонный разговор»:

*...Как служу? Ты знаешь, всяко...
Сним не сним, встаём чуть свет...
Вот закончилась атака –
И живых со мною нет...*

*Два часа нас с горки били...
Это мой последний бой...
Если бы не твой мобильник,
Не простился бы с тобой.*

*...Ну, какая телеграмма?!
Ладно...Если отобьюсь...
Всё, прощай! До встречи, мама!
Умираю! Не сдаюсь...*

Эти стихи не просто трогают, а рвут душу на части. Чтобы так писать, надо не только чувствовать – надо видеть! В том, что на поверхности представляется безмятежной, незатруднённой простотой, заключён философский смысл, исполненный трагизма. Для Владимира Силкина, даже в таком сложном диалоговом стихотворении, ритм – нерв поэзии, его строки берегут лёгкое дыхание, волнение, чёткость

взгляда, жизненную и человеческую трагедийность, его стихи – автобиография души и дневники поэтического дара, точные по форме и богатые по содержанию. Ритмика Владимира Силкина звучит, создавая напевную фразовую интонацию в чтении стихов. Неспешное течение мысли, размеренная поэтическая речь поэта приближают к жизни, где преобладают элегические интонации, обнажая суть времени, в котором живёт не только поэт, но и мы – его читатели.

Современная поэзия очень разная (не будем касаться интернетовских самиздатов). У неё разные принципы и разные критерии. Каждый читатель и сочинитель вправе их оспаривать. Не потеряла своей актуальности и поэзия на все времена, которую абсурдно поверять каким бы то ни было «шумом времени». По большому счёту, поэзия и должна быть такой. Минимум современности, максимум вечности. Воплощать что-то из этих принципов каждому приходится по-своему. Поэзия сильна не теорией, а практикой; не правилами, а неожиданными исключениями из правил. Тут и ирония, и самоирония, и добрая улыбка творческого человека, пытающегося взлететь над суетностью бытия современного нездорового общества, и глубокое знание человеческой души.

В заключение отмечу: в стихах Владимира Силкина – праздник русского языка. Не из-за того, что он выбрал себе в учителя преимущественно чистейших поэтов Золотого и Серебряного века, а наверно, в силу той душевной щепетильности и поклонения великой простоте и строгой красоте, которая в его стихах чувствует себя как-то по-хозяйски и по-домашнему уютно.

Юрий РЫЧЕНКОВ,
г. Москва,
поэт, литературный критик.

О КНИГЕ ВЛАДИМИРА СИЛКИНА «ПОСОХ ПЕРЕСВЕТА»

1. Выдвижение великих поэтов

К концу XX века, начиная с 80-х годов и в первые 15 лет XXI века, наблюдается общий спад и снижение интереса к поэзии. В эти годы нам пишут и говорят, что стихами интересуется 1% читателей, хорошие книги поэзии становятся редкостью, тиражи их мизерные. Не говорится только прямо, что русская поэзия переживает серьёзный кризис. А то, что публикуется, в большинстве своём произведения по исполнению, отстают далеко от подлинного искусства.

Но и через этот большой туман, похожий на поэзию, нет-нет, да и прорываются отдельные книги поэзии и, конечно же, имена их авторов, претендующие на поэзию подлинную и в какой-то мере вершинную для данного времени. Это следует отметить по вышедшим книгам.

К таким я отношу книги поэзии Николая Тряпкина «Избранное», 1984 г., 600 стр.; Михаила Дудина «Окно», 1981 г., 678 стр.; Николая Рубцова «Россия, Русь! Храни себя», 1992 г., 380 стр.; Леонида Мартынова «Избранные произведения» в 2-х томах, поэзия, 50 тыс. экз., более 400 стр. каждый; Василия Фёдорова «Второй огонь», стихотворения и поэмы, 1965 г., 25 тыс. экз., 576 стр.; «Наше время такое...» («О поэтах и поэзии», статьи, 1973 г., 50 тыс. экз.); Юрия Кузнецова «Избранное», стихотворения и поэмы. М., 1990 г., 25 тыс. экз., 400 стр.; Владимира Фирсова «Отечество», стихи и поэмы. М., 1988 г., тираж 15 тыс. экз., 430 стр.; Егора Исаева, поэмы «Суд памяти», «Даль памяти»; Владимира Гордейчева «Пора Черёмух», стихи разных лет. М., 1971 г., тираж 20 тыс. экз., 150 стр.; Анатолия Жигулина «Стихотворения». М., 2000 г., 3 тыс. экз., 420 стр.

В этом списке я не пишу о больших поэтах-современниках, таких как Евгений Евтушенко, Роберт Рождест-

венский, Андрей Вознесенский, Владимир Соколов, Валентин Сорокин, Глеб Горбовский, Белла Ахмадулина, Юлия Друнина, Людмила Татьяничева, Лариса Васильева и многих других, широко известных именах, составляющих ныне славу и гордость России. В их числе немало национальных поэтов народов России, таких как, например, Расул Гамзатов, Кайсын Кулиев, Давид Кугультинов... Всё это уважаемые и любимые у нас в России поэты.

Но вот коль уж я назвал здесь и воронежца Анатолия Жигулина, то на некоторых именах своих земляков я остановлюсь несколько подробнее, потому и статья моя предназначается, прежде всего, моим землякам. А мы поэтов родного края должны знать полнее и глубже. И это никакое не местничество, а мой принцип: знать литературу родного края глубоко и основательно, так как мы сами растём на этой же почве и требования к себе следует предъявлять, уже опираясь на достигнутое нашими земляками.

И в этом мне поможет Виктор Михайлович Акаткин, литературный критик, литературовед, доктор филологических наук, профессор, с которым я лично знаком, и мы однажды даже вместе выступали на встрече со студентами ВГУ 19 марта 1999 года, где он подарил мне две свои замечательные книги «Живые письма» (о поэтах и поэзии), учебное пособие для студентов (Воронеж, 1996) и «Река времени» (Воронеж, 1998). Они о поэтах и поэзии, но с более широким кругом авторов России и не только воронежских. Обе книги дополняют друг друга и развивают важные творческие вопросы и проблемы поэзии XX века, с учётом произошедших перемен в России в новых рыночных отношениях.

В своей книге «Живые письма» он пишет: «Воронежская поэзия вливается во всероссийскую многими ручейками. И самые крупные из них, на которых уже обратили внимание, обозначены именами А. Жигулина, В. Гордейчева, А. Прасолова, Л. Коськова. Их книги – не только крупницы

общего стихотворного потока. Они несут в себе признаки Таланта, поэтической индивидуальности.

Главная мера и ценность искусства – талант, его значение не замыкается в прошлом и настоящем, но распространяется и на будущее.

Не исчезает ли эта категория в наших общих и частных дискуссиях, в итогах и прогнозах?..»

Здесь В.М. Акаткин затронул очень важную и, может быть, главную качественную характеристику поэта – меру его таланта. Потому дадим ему завершить свою главную мысль о поэтическом таланте, так как и я, собственно, веду речь о том же.

«Талант проявит себя во всём, к чему ни прикоснётся. В одно мгновение уловишь его почерк, без напряжения отличишь его голос».

И невольно отдаёшься во власть настроений и образов, за которыми – живой человек. Таким талантом обладал и А. Прасолов. Он пронёс его по жизни горделиво и честно, не разменивая на мелочную монету каждодневных успехов, а тем более выгод. На первый взгляд, талант его рос и развивался сам в себе, без видимых контактов с происходящим. Однако это не помешало ему стать эхом времени, по-своему выразить «подземные гулы» наших дней.

«Талант неизъясним», – говорил Пушкин. В самом деле, почему из многотысячной армии поэтов лишь немногие переживают эфемерность газетно-журнального существования и навсегда становятся нужными людям? Кое-как приблизительно объяснить это можно, но все обсуждения неизбежно приведут к одному: *причина* – в глубине и подлинности таланта. Никакими окололитературными знаниями талант ни умалить, ни укрупнить...

<...> Прасолов вошёл в мир со словами удивления и откровения, могуче прозвучавшими словно под гулким и просторным куполом храма:

*И так с рождения пошло –
Мир в ощущении расколот:
От тела матери – тепло,
От рук отца – бездомный холод.*

Ко всяким испытаниям, ко всяким ударам судьбы был готов человек, сказавший эти слова. И действительно, жизнь его прошла в непрерывных духовных изысканиях среди полюсов расколотого мира. Нет, он не был неприкаемым – он был беспокойным, но не хотел жить тускло и вяло, довольствуясь скудным набором удобств. Судьба дала ему талант, а талант – это вечный поиск, вечное добровольное невольничество в плену Истины, Чести, Добра и Красоты («Живые письма», стр. 162–163). Так ярко, вдумчиво и точно сказал о Прасолове наш критик, литературовед и профессор из ВГУ Виктор Акаткин, посвятив поэту основательную, глубокую и ёмкую статью «Жестокие глаголы».

Одно жаль, что путь свой он закончил в петле, в своей же квартире, последний порыв его был к петле, что в нашей жизни не ново. И он в этом был не первый и не последний в среде русских поэтов, чему следовать я никому не желаю. Жизнь нам даёт Бог. Живи так на земле, чтобы вся твоя жизнь и все твои дарования и талант в полной мере реализовались в постоянном труде и заботе о роде человеческом и земной природе.

При этом не могу не заметить, что Виктор Михайлович, называя воронежскими ручейками названных им поэтов – А. Жигулина, В. Гордейчева, А. Прасолова и Л. Коськова, возможно, поскромничал и почему-то умолчал о довольно известных поэтах воронежского края, современниках Прасолова, и значительно переживших его и внёсших не меньший литературный вклад. Это Егор Исаев, Михаил Касаткин (ветеран войны), Олег Шевченко, Александр Голубев, Станислав Никулин. По числу своих писателей Воронежская область уже с послевоенного времени идёт вслед за Москвой и Ленинградом. Да и сейчас в Воронеже работают четыре

союза писателей, а всего на территории области действуют тридцать шесть поименованных литературных объединений. Хорошо это или плохо? Это хорошо. А плоды нынешние подсчитаем к середине века. Вспомним слова Г.Р. Державина, отца русских поэтов:

*Заслуги в гробе созревают,
Герои в вечности сияют...*

Только надо обо всём смело говорить при жизни, а не ожидать, когда заслуги автора созреют или дозреют «в гробе».

Я извиняюсь за столь пространное отступление во вступительной части статьи. Но это нам всё пригодится и потом, при разговоре о поэзии другого крупного поэта, но обещающего, по моему убеждению, стать великим поэтом России Владимира Силкина. Дай Бог ему пройти свой путь, не меня направления.

Есть у нас в Воронеже ещё один литературный факт, который я не могу обойти. В 2005 году по заказу Москвы ФГУП «Издательско-полиграфическая фирма «Воронеж» выпустила в свет книгу поэта Владимира Павловича Шувалева «20 век в стихах», 320 стр., тираж 5000 экз. Об авторе этой книги уместно сказать также особо. Он принадлежит к тем авторам, кто без шума и рекламы всю жизнь писал одну свою Главную книгу и успел, к счастью, создать и увидеть её и даже лично подарить тем, с кем успел встретиться. И слава Богу, что мы имеем в самом содержании книги отзывы о ней Председателя Совета Федерации России Сергея Миронова, известного кинорежиссёра Никиты Михалкова, Митрополита Мефодия (Н.И. Немцова), писателя Вячеслава Дёгтева. И все отзывы не только положительные, а восторженные, как о поэте большой величины, идущем во след Николаю Рубцову, Алексею Прасолову, и не только продолжившего их путь и завершившего свой творческий путь XX века, а успевшего войти и в первые годы XXI-го.

Осматривая пройденный путь Россией и человечеством за прошедшее время, воронежский поэт Владимир Шуваев пишет:

*Тихо в огне исчезают поленья.
Ночь холодна от ветров.
Дружно лежат под землёй поколенья –
Ближних и дальних веков.*

*И мне не страшно глядеть в эту бездну
В звёздном мерцании лет.
Мы не погибнем и мы не исчезнем –
Исчезновения – нет!*

Вот так твёрдо и ясно о нашем будущем говорит автор, несмотря на все трагедии, свершаемые на земле.

В сборник избранных стихов Владимира Шуваева вошли почти 500 стихотворений (496), разделённых в едином томе на три книги: «20 век» (книга первая); «Третья Россия» (книга вторая); «Бескрайняя вера» (книга третья); и четвёртая часть краткая, её можно назвать частью общей, заключительной, размещённой на стр. 296–308.

Оценивая литературное творчество Шуваева, следует не только внимательно всмотреться во всё то, что успел в своих стихах отразить поэт (это главное), но и внимательно оценить сказанное другими людьми, прочитавшими эту книгу. Например, писатель Вячеслав Дёгтев из Воронежа (тоже) о Шуваеве пишет: «Если среди духовных негромких, но главных поэтических явлений последних десятилетий мы выделяем по праву имена Рубцова и Прасолова, то сейчас на ваш суд идёт третье полнокровное имя – Владимир Шуваев, как бы замыкающее этот поэтический триптих, который своим иконным сиянием выхватывает из глубины века самые главные его духовные черты...»

Владимир Шуваев – младший, последний, „третий сын“ из этой поэтической семьи, но, на мой взгляд, самый инте-

ресный и пронзительный из них. Ему выпало ещё при жизни подойти к роковой черте XX века и как бы почувствовать его страшные итоги... Эту последнюю поэтическую картину века и выпало дорисовать Владимиру Шуваеву. Читайте эту книгу, и вы найдёте в ней всё: от камня под ногой до божьего Лица в небе. Поэзия Шуваева – явление, восполняющее сегодняшнюю поэтическую пустоту».

Всё это сказано по-дэгтевски масштабно, необычно, и всё это, конечно, нам надо по достоинству, по-человечески и по-Божески, со всей исторической ответственностью взвесить и оценить, дабы не внести смятение в умы идущих за нами поколений.

А для этого я приведу ещё продолжение этого разговора писателя Дёгтева для нас, читателей, испытавших эти перипетии и «ужасы XX века» (я отношусь к детям войны, а среди нас ещё живы и ветераны, и узники, и участники Великой Отечественной и ряда локальных войн и всей напряжённой борьбы больших и малых держав и их коалиций перед угрозой Всемирной испепеляющей ракетно-ядерной войны).

Вот это для нас говорит и пишет Дёгтев, уже несколько спокойнее: «Недавно в Воронеже открылась мемориальная доска гениальному поэту Алексею Прасолову. Я очень высоко ставлю Алексея Прасолова, выше во многом, чем Николая Рубцова. А вот Владимира Шуваева, по некоторым качествам его поэзии, я ставлю выше их обоих.

Каждый, внимательно прочитавший эту книгу, по-человечески поймёт мои непривычно смелые, от сердца идущие слова. Это Поэзия действительно серьёзнее и выше многих общепризнанных и нашумевших явлений конца столетия...» (стр. 306). Далее можно и не цитировать, хотя восклицаний и возвеличиваний не менее того, что уже мной приведено.

Но вот этим дополню, чтобы Дёгтев был виден весь. Свою статью о воронежском поэте Владимире Шуваеве он завершает следующими словами: «Лети, мой друг, пари подобно Божьему Духу, над грешной и прекрасной нашей

Землёй. Мне приятно следить за широкими и мощными твоими кругами – я слежу в восхищении, заломив голову и сняв шапку».

Ну что ж, мы тоже из Воронежа, а не какие-то пришельцы из других краёв и миров, и выросли на этой же земле. И родились не в 1946 году, а в 1937 году, тоже по-своему историческом, ибо в этом году отмечалось 100-летие гибели Пушкина, а в СССР отмечалась победа социализма и 1937 год знаменовал начало новых сталинских репрессий уже внутри государственного и партийного аппарата, а также в Вооружённых силах, по сути-то перед Великой Отечественной войной, да и о финской войне не надо забывать, которую тоже успел полной мерой вкусить мой отец, как и Великую Отечественную.

А сколько у нас было замечательных поэтов и прозаиков, вступивших в войну и вынесших на своих плечах её нечеловеческие тяготы... Так что „пустоты”, о которой говорит писатель В. Дёгтев, у нас никогда не было. Везде были и трудились люди и с достаточно трезвым умом и своим талантом.

А к советам Дёгтева: внимательно почитать поэзию Шуваева – отнесёмся серьёзно и постараемся оценить её по достоинству.

Я только пишу об этом обо всём ещё и потому, что передо мной появилась ещё одна крупная и значительная книга известного более, чем Шуваев, русского поэта, родившегося в рязанской земле (недалеко от родины С. Есенина), поэта, ныне проживающего и работающего в Москве и занимающего более важные и ответственные посты, чем Шуваев. Но, правильно, мы судим о поэтах не по их поступкам и их орденам и премиям, а по их произведениям. И в этом суть. А ещё и потому, как выступал он со своими стихами в печати и перед людьми. Когда это особенно было нужно людям в их жизни и борьбе за правое дело. А если он всю жизнь молчал, что-то писал в стол, портфель, сундук или ящик в сарае, а потом издал перед смертью – это не дело настоящего поэта.

В этом случае мягко говорят: его стихи неплохие и даже есть очень хорошие, но они в своё время не стали фактом литературы. Так что позднее восхищение не всегда уместно и тем более гениально. На всякий литературный факт надо смотреть не однобоко, а со всех сторон.

В своём разговоре я обронил фразу о некоторых поэтах, писавших или пишущих в стол. Приведу один пример. Есть в России такой поэт Алексей Яковлевич Марков. Есть в моей библиотеке и книга его стихов с названием «Стихи из стола». Она вышла в свет в 1990 году в издательстве «Советский писатель». Это книга стихотворений и поэм объёмом в 320 страниц, вышла она тиражом 18 тысяч экземпляров.

Выходу книги в свет предшествовало заседание Совета по вопросам издательств. Председательствовал секретарь правления СП Юрий Грибов. Заседание началось с 11 часов утра. Собралось множество людей: писатели, журналисты, издатели, деятели науки и культуры. А. Марков читал свои стихи, которые нигде не публиковались в «застойные годы». Материалы, собранные в папках, могли составить два-три тома. На обсуждении выступило более 20 человек. Разговор о творчестве поэта шёл около 4 часов. И мог бы продолжаться, но надо было подводить черту.

Выступавшие отметили высокую гражданственность лирики Маркова. Острую публицистичность постановки им актуальных проблем наших дней, хотя некоторые стихи были написаны 20, а то и 30 лет назад. И вот в 1990 году вышла его книга. Конечно, с претензией признания автора поэтом Великим. Опять же я сужу об этом не по наитию, а по нынешним литературным измерениям. В подтверждение этой мысли скажу: у нас в России только в этом году завершён выход целой серии более 100 книг «Великие русские поэты», в их числе Пушкин, Лермонтов, Кольцов, Некрасов, Никитин и другие поэты до наших дней, включая Степана Щипачёва, Роберта Рождественского и Ольгу Берггольц. За последовательность изданий издательства «Комсомольская правда» (обложки), ООО «НексМедиа» (Москва) можно

критиковать. Почему, например, А. Кольцов – третий гениальный поэт России после Пушкина и Лермонтова (причём по оценке самого Белинского), а издан под порядковым номером 78? А Иван Никитин – под номером 75? А Михаил Исаковский – под номером 80? А Роберт Рождественский – под номером 37?

Это вопрос не праздный, а принципиальный. Издатели! Вы определитесь, в какой последовательности издавать. Скорее всего печатали по готовности. Волю диктовали рынок и деньги.

Но, скажем, Бог им судья. Готовились книги к изданию у нас в Москве, а печатались в Латвии (т.е. за рубежом)? Тоже вопрос. А Россия, что бессильна издать своих поэтов? Великих поэтов? Но это уже другая тема, а мы говорим о наших ныне живущих или недавно умерших поэтах, в этом свете претендующих на роль Великих поэтов России.

В моей библиотеке хранится книга стихов Бориса Алексеевича Чичибабина (Полушин), вышедшая в Москве в 1991 году с названием необычным «Колокол», 327 стр., тираж 20 тыс. экз. Это «Колокол» по погибшим людям и пострадавшим в сталинско-бериевских лагерях и тюрьмах, порой и без вины виноватых. Сам Чичибабин, это его псевдоним, тоже отсидел в лагерях срок немалый (при своём выступлении срок не назвал, а спрашивать у него я не счёл тактичным). Но стихи он читал в Доме офицеров во Львове, приезжал к нам, насколько мне помнится, из Харькова, в числе гостей вечера свою книгу подарил и мне с надписью: «Михаилу Романовичу Лесникову на долгую память. Борис Чичибабин. 6.02.1992». Память и о нём, как русском человеке, горячо и преданно любившем Россию и её трудовой народ, я с почтением берегу. Царство ему небесное! Уже переехав на жительство в Воронеж, я услышал по радио, что поэт Борис Чичибабин скончался. И читались его стихи о России. Такова судьба поэтов.

Говоря о поэзии в её широком смысле и общественном значении, я хотел бы здесь привести высказывание извест-

ного в России поэта Сергея Викулова, сказанное им в предисловии к своей книге стихов и поэм «Родовое древо».

«Работа над фольклором показала мне, что народу никогда не была чужда поэзия, что желание сказать „метко” (образно) и притом – „складно” (в рифму), в равной степени всерьёз и в шутку, живёт в нём с тех пор, как он стал помнить себя. Не только песни – даже пословицы и поговорки, даже загадки у него, смотришь, то и дело рифмуются. Да ещё как!..

И ещё я понял: все художественные тропы, применяемые народом-поэтом, служат не затемнению смысла, а наоборот, – подчёркиванию его! Эту же веру, как я узнал потом, исповедовали все наши великие поэты...

Моё кредо: если у тебя есть что сказать, говори ясно, так, чтобы тебя поняли. Слова, даже зарифмованные и ритмически организованные, существуют не для того, чтобы сотрясать воздух, а для того, чтобы передавать мысль. Мысль – главное в поэзии. Причём мысль не шаблонная, не затасканная, а новая, глубокая, общественно значимая, отражающая твоё мировоззрение, без которого вообще поэта быть не может». («Родовое древо», стр. 6).

Эти слова убеждают нас в том, что народ наш в сущности своей и мыслитель, и художник, и мастер, и защитник Отечества. И всё он понимает, и во всё вникает: и в жизнь, и в природу, и в красоту искусства. И подлинное искусство он всегда ценит. И чтобы наши книги читались, создавать их надо такими, чтобы они были потребны уму и сердцу читателя. Хорошая книга найдёт читателя.

Завершу эту тему разговора «поэт и книга» крупнейшими современными поэтами Воронежа, чьи имена уже носят библиотеки города. Это уже названные мною Анатолий Жигулин и Алексей Прасолов и неназванные Владимир Гордейчев и Егор Исаев. Это тоже великие поэты, в чём-то до конца ещё не оценённые, но время каждому определит своё место. Есть у нас и другие десятки значительных и подающих надежды поэтов, о которых я писал в своей книге

«Воронежские родники русской поэзии», где немало сказал о воронежских поэтах от Алексея Кольцова до поэтов наших дней.

Народ всегда хотел иметь в своих рядах великих и истинных поэтов, слагавших ему и песни для маршей, и песни задушевные, звучащие в горе и радости. Вот к таким поэтам я могу отнести сегодня и Владимира Силкина. Пока не могу сказать, что он гениально талантлив, что он необыкновенно велик, но у него регулярно выходят и книги поэзии, и песни. Об этом я хочу и повести свой главный разговор. А вначале представлю моему читателю этого уважаемого поэта, кстати, в этом году вошедшего достойно в число поэтов России в общий сборник «День поэзии» 2014 года, посвящённый 200-летию М.Ю. Лермонтова. Но и это не главное. Главным всё же у каждого поэта остаётся ответ на вопрос: что ты дал, поэт, своему народу в его жизни и борьбе за светлую долю? Чем согрел и укрепил душу его? Чем озарил и обогатил ему душу и разум? Звучал ли голос твой, «как колокол на башне вечевой во дни торжеств и бед народных?» А если звучал, тот как? Был ли услышан?

Вот вопросы, которые должен ставить перед собой настоящий поэт и стремиться к достойному ответу.

Несколько строк из биографии поэта Владимира Силкина.

Владимир Александрович Силкин – поэт, лауреат Государственной премии России, начальник Военно-художественной студии писателей Культурного центра Вооружённых сил РФ имени М.В. Фрунзе, секретарь Союза писателей России. Заместитель председателя – статс-секретарь Московской городской организации Союза писателей России, заслуженный работник культуры России, кандидат педагогических наук, академик и профессор ряда российских академий, главный редактор военного литературного альманаха «Рать», ответственный редактор журнала «Московский Вестник».

Такая общественная нагрузка поэта в реальной жизни не может не вызывать глубокого человеческого уважения. Возглавляет и Союз писателей баталистов и маринистов.

Родился 14 октября 1954 года в городе Рязске Рязанской области. Окончил дорожный техникум, ушёл в армию. Потом были Новосибирское высшее военно-политическое общевойсковое училище, редакторское отделение военно-педагогического факультета Военно-политической академии.

Служил в Приморье, в Белоруссии, в Венгрии. С 1988 года по 2000 год – в Главном управлении кадров Министерства обороны СССР и РФ. Поэтическое мастерство шлифовал в различных объединениях и на семинарах военных литераторов. Участвовал в 8-м Всесоюзном совещании молодых писателей.

Стихи публиковал во многих коллективных сборниках и альманахах, а также в центральных журналах Москвы.

В течение 12 лет поддерживает тесную связь и сотрудничество с нашей Воронежской студией писателей имени М.Ю. Лермонтова, ставшей с октября 2014 года Союзом писателей имени М.Ю. Лермонтова, является его почётным членом. Периодически публикуется в нашем альманахе «Отечество». Поэтому имя поэта Владимира Силкина не является для нас новым и неожиданным, но его новую книгу поэзии «Посох Пересвета» мы восприняли с большой радостью за несомненный творческий успех нашего большого друга и товарища из рядов военных писателей. Отсюда и столь внимательное прочтение его новой серьёзной книги «Посох Пересвета». Уже само название этой книги обращает на себя внимание читателей России, потому что это имя героя Куликовской битвы стало для всех граждан Отечества героическим и святым. Необычно и оформление этой книги, исполненное ИПО «У Никитских ворот» (г. Москва). На её лицевой части твёрдого светлого переплёта изображён в

воинских доспехах всадник Пересвет на вздыбленном коне и наносящий удар копьём своему противнику в поединке перед битвой.

Это большой и многозначный символ. Как посох русского православного монаха, ставшего воином, преобразовался в разящее копьё, так и военное оружие русского офицера превратилось в свой особый посох, книгу стихов поэта-воина, укрепляющего дух граждан России в наше сложное и полное опасностей время.

И «Посох Пересвета» нам сегодня не только нужен, но и жизненно необходим.

На обратной стороне обложки книги изображён скромный, но впечатляющий портрет автора Владимира Силкина, с внимательным и спокойным взглядом, в военной рубашке с погонами полковника и в чёрно-белом цвете.

А под портретом только одно многозначное четверостишие:

*Незачем счастье испытывать,
Есть оно, вот и держи.
Только старайся подпитывать
И очищать ото лжи.*

Я думаю, что с этими словами поэта не может не согласиться каждый, кто своим словом служит Отечеству.

А теперь поведём разговор о содержании книги. Зададимся сразу вопросом: почему автор назвал эту книгу «Посох Пересвета»? Ответ на этот вопрос даёт стихотворение автора с таким же названием, помещённое в разделе втором с названием «Шальная пуля» на стр. 157.

Поскольку это стихотворение заглавное, а значит, и служит определённым ключом к осознанию всей книги, то я приведу его полностью, чтобы читатель статьи мог её верно осмыслить. Благо и то, что оно включает в себя всего 20 строк:

Посох Пересвета¹ *Сергею Филимонову*

*Как далеко ты, посох Пересвета!
Но зорок ты, глядишь через века.
В отшельнической келье тёмной этой
Крепчает богатырская рука.*

*Она уже вовек не ослабевет,
Бог не оставит в грозный час её,
И полетит в предплечье Челубея
За Русь святую бранное копье.*

*Он сам падёт, но и собьёт ордынца,
И в памяти останется людской.
Но вздрогнет от падения столица
И всё живое стихнет за Окой.*

*И Сергей молча преклонит колени,
И сердце так заохлодит тоска,
Как будто наяву увидит тени,
Что пали на лицо ученика.*

*...Как далеко ты, посох Пересвета!
Но зорок ты, глядишь через века.
Не дай-то Бог, чтоб новый старец где-то
На бой благословлял ученика.*

2014

¹ Перед битвой Пересвет, ученик Сергия Радонежского, молился в келье отшельника при часовне святого воина Дмитрия Салунского, где впоследствии был основан мужской Дмитриевский Рязжский монастырь. Это в 7 км от г. Скопина Рязанской области. Помолившись, Пересвет оставил здесь свой яблоневый посох.

Примечание это написал автор, и это правильно. Но надо бы было сказать одним предложением здесь о Сергее Филимонове, кто он, если ему посвящается это столь значимое произведение.

Теперь читателю становится яснее то, почему автор так назвал свою книгу – «Посох Пересвета». А значит, и сама книга должна являть собой историческую мудрость, мужество и верность идеалам Отечества его сегодняшнего защитника.

2. Владимир Силкин. “Посох Пересвета”

Книга В. Силкина открывается большим и полновесным циклом стихотворений «Голуби». Согласитесь, вполне мирным, благожелательным и красивым названием. 107 стихотворений, это, считай, 107 разных голубей, добрая мирная стая, призванная представить мирную жизнь граждан России в настоящее время. Потому обратимся к стихам. Если их поделить по моему мнению как читателя, то в числе лучших я бы выделил более 20 стихотворений, в числе хороших – до 50, остальные как не «проходные», а достойные для включения в сборник. Они тоже дают своё дополнительное содержание для книги, укрепляют её основательность. Поэтому речь вести я думаю о всех стихах каждого раздела отдельно, а потом и о всей книге в целом. Это сложно, трудно, но необходимо. Ибо перед нами автор не рязанский или московский, хотя жил и живёт и там, и там, а автор России, более четверти века посвятивший силы свои делу служения Отечеству и непосредственно трудясь повседневно в рядах Вооружённых сил от рядового до полковника, проходившего службу на её завершающем этапе в Главном управлении кадров Министерства обороны СССР и РФ. Он член Союза писателей с 1991 год, автор ряда известных в России книг поэзии, в том числе таких, как «Спелые ветры», «Блокпост», «Кавказский крест», «Избранное», всего сорока четырёх книг стихотворений, в том числе детских. На его произведения написано несколько сотен песен композиторами России и зарубежья. Имеет ряд

почётных званий и наград. Но я о них писать не буду, а лучше поговорим о стихах.

Из большого цикла, раздела стихов «Голуби», как лучшие стихотворения я отмечаю «В родном краю», «Памяти матери», «Российская глубинка», «Журавинка», «Мужики», «Деревня», «Знахарка», «Братья», «Не пролетайте мимо, журавли», «Телега», «Балалайка», «Скворец», «Аисты», «Пожары», «Русская дворняга», «Над Рязанью небо хмурит брови», «Малое Петрино». Эти стихотворения, хотя и выражают основные мотивы раздела книги, но далеко не исчерпывают содержания всех стихотворений раздела, а их всего более ста. Но обо всём сразу не скажешь, потому вначале мы выскажем главное о названных уже стихах.

Любой большой поэт начинается с родного края, со своей малой родины. Есть такая земля и у Владимира Силкина. И это всем известная родина Сергея Есенина – Рязанщина. Помните?

*Как бы ни был красив Шираз,
Он не лучше рязанских раздолей...*

К этим сёлам, лесам и полям, синим, в росных туманах, рекам и обращает свои думы-голуби и поэт Владимир Силкин, более трёх десятков лет прослуживший в рядах Вооружённых сил и своим сердцем ощутивший, что это значит годы и годы не побывать в краю своего детства, у порога родительского дома.

Поэтому с таким нежным и тёплым чувством откликается он в своих стихах на зов родного края.

Всего в 24 строках стихотворения «В родном краю» он выплеснул столько чувств и размышлений, что их хватило бы на целый рассказ или очерк.

*Восемь изб, за ними – поле,
Тишина рязанских чащ.
Свет родимого раздолья
То спокоен, то манящ.*

*Кто меня теперь узнает
И кого узнаю я,
Сторона моя родная,
Голосистая моя!*

*Здравствуй, речка говорунья!
Здравствуй, пруд без карасей!
Здравствуй, здравствуй, баба Груня,
Мать погибших сыновей!*

*Сколько света подарила
Мне твоя простая речь!
Вот с того во мне и сила –
Есть на свете что беречь.*

Любовь к родному краю, его людям, его природе и «пруду без карасей» и радость встречи с «бабой Груней, матерью погибших сыновей» – всё это волнует и радует душу поэта, и рождает в нём, как защитнике Родины, новые духовные силы от сознания того, что «есть на свете что беречь».

И вот такие небольшие стихи строка за строкой, строфа за строфой питают своим эмоциональным зарядом душу воина.

Стихи просты и понятны, по-русски эмоциональны и не нуждаются в дополнительных пояснениях.

Стихотворение «Памяти матери» – краткое, всего шестнадцать строк и в своём содержании не отличается от многих посвящений поэтов своим матерям. Вначале автор перечисляет то, что помнится ему о родном доме и о матери. Но вся сила стихотворения сосредоточена в двух последних строках стихотворения:

*Заберу на память свет,
Что в окне твоём маячил...
Как мы поздно мамам вслед
На могильных плитах плачем.*

В стихотворении «Российская глубинка» автор, возвращаясь в родную деревеньку в глубинке России, сожалеет о забытом, а когда-то живом селении. А теперь бредём по нему, чтобы посетить лишь родное кладбище, где похоронены родители, кто равнодушно, а кто с болью в сердце вспоминая былую здесь жизнь.

*Текут золотые мгновенья,
Оглянешься, что за спиной?
Ни леса, ни стихотворенья
О светлой сторонке родной.*

*А можно ведь было увидеть
Церквушку, наличник резной,
Понять, что природа в обиде,
На тех, кто спешит стороной.*

*Увидеть, как солнце лучилось,
Как гнёздышко вил соловей,
Ну что же, скажите, случилось
С российской глубинкой моей?*

Всё видит поэт в этой забытой деревушке. Всё есть, как было, до резных наличников и колодцев, только нет здесь людей. Что случилось с тобою, глубинка, а ответа не даёт, потому что всем и так ясно, почему в последние четверть века люди уезжали жить на любых условиях в город, потому что эти далёкие посёлки никому стали не нужны, объявленные на государственном уровне бесперспективными. И таких селений ещё в начале века уже насчитывалось по России более 30 тысяч. Нашу русскую деревню, бывшую основой и кормилицей России, давшей основную массу защитников Отечества в годы Великой Отечественной, после войны сначала выжили как колхозы и совхозы, а затем с уходом молодёжи в города деревни начали пустеть, а потом в них жизнь и совсем замерла. Где-то они ещё сохранились как дачные посёлки на летнее время.

Вопрос о возрождении русского села остаётся серьёзной проблемой страны и будет ли он когда-либо решаться – об этом уже не говорят. Теперь и в городах, переполненных людьми и машинами, возникли небывалые проблемы автомобильных пробок, дорог, снабжения и безработицы. А тут ещё периодические финансовые и экономические кризисы, в последнее время принявшие глобальный характер. Так что в стихах эта проблема только затронута и поставлена.

Она затрагивается и в ряде последующих стихотворений, в том числе и таком, как «Журавинка», уже ставшем давно одной из известных песен автора.

*Журавинка, Журавинка...
В ней, как в зеркале видна
Не российская глубинка,
А России глубина.*

*Здесь издревле в каждом доме
Чистым словом дорожат,
Здесь, в родном Нечерноземье,
Корни Родины лежат.*

*И с того тут песни звонки,
Что восходят от земли,
Что вот тут, в родной сторонке,
По наследству перешили.*

*Вдалеке от центров шумных,
Вдалеке от вольных рек
Поселился, видно, умный
Добрый русский человек.*

Но недаром же сказано, что из песни и слова не выкинешь. А тут ещё три строфы, или три куплета, но меж собою по смыслу тесно связаны. И потому пропоём эту песню до конца:

*И букашка, и травинка –
Всё здесь радовало глаз.*

*И, конечно, Журавинка
Не случайно родилась.*

*Родилась под вечер синий.
Что ложится на поля.
Потому что нет России,
Нет земли без журавля.*

*Тут, как встари, тянут ношу,
Сеют рожь, растят солдат
И на мир, такой хороший,
По-хорошему глядят.*

1986

Тут я не случайно поставил и год написания стихотворения (1986). Это ещё была Советская власть, и был СССР. И ещё оставалось более пяти лет до ГКЧП и расстрела Верховного Совета и четверть века жизни после разрушения СССР. И наш глобальный мир серьёзно изменился и продолжает резко меняться на глазах. Прогремели страшные региональные войны и горячие точки, мир весь почти неузнаваемо изменился. В соседней с нами Украине мы видим (и пока ничего не можем с этим поделаться) разгул подлинного фашизма на базе украинских националистов. Война гремит непосредственно у границы России, а снаряды, случается, рвутся даже на территории Ростовской области.

И уж сегодня мы никак не можем сказать, что наши люди, тем более в глубинке, «на мир такой хороший, по-хорошему глядят».

Мир стал очень опасен. Я бы даже сказал: «В шаге от большой войны». Ведь никто не может предсказать, где и что может сдетонировать от разрывов снарядов, ракет и бомб в Донбассе. Я об этом вынужденно пишу, потому что наш мир очень хрупок, и он порой резко меняется, сея напряжённость и неуверенность в завтрашнем дне. Во всяком разе не располагает к благодушию. О чём я вынужден заметить специально.

Но ведь и другие стихи после «Журавинки» – «Мужики», «Деревня», «Знахарка», «Братья», «Телега», «Скворец», «Пожары», «Русская дворняга» – все они по сути о нашей умирающей деревне. Они как бы развивают и дополняют друг друга, а потому освобождают от повторов в рассмотрении мотивов русского села. Ясно ведь, как божий день, что сёла, особенно их районные центры, надо возрождать и развивать как важнейшее направление нашего народного хозяйства, где постоянно проживает большая доля населения страны, и люди села должны чувствовать себя не людьми обречённой на отсталость глубинки, а достойными и равноправными гражданами своего Отечества, с доступными для всех средствами цивилизации. Тут нужна и специальная социально-экономическая политика развития наших сёл и моногородов.

Вот мне думается, что эти же идеи вынашивает поэт Владимир Силкин, когда говорит о мужиках, настоящих рабочих наших сёл в стихотворении «Мужики».

*От зари и до зари
Поливают землю потом,
И в руках у них горит
Их извечная работа:*

*Пашут зябь и сеют рожь,
Всё трудом соизмеряют
И на прочность молодёжь
В трудном деле проверяют.*

*Сколько лет и сколько зим
Не сгибаются от хвори.
Низко кланяюсь я им,
Людям русского подворья.*

*Держат солнце на руках
И не стонут от бессилья,*

*И на них, на мужиках,
И стоит моя Россия.*

Возникает вопрос: «А разве не так?» Но если на этих наших мужиках и стоит наша Россия, то государственным органам тоже надо видеть: а в чём нуждается наш мужик, какую помощь и поддержку следует ему оказать? А как поддерживают такого же мужика в успешных западных странах?

А при чём тут посох Пересвета? А может для того и нужен, чтобы поглядеть на наши деревни да донести о ней правду для тех, кто давно не бывал в деревне и забыл о ней. А она как раз очень нуждается в помощи.

У Пушкина есть стихотворение с названием «Деревня». И что же увидел он в своей «Деревне»?

*Но мысль ужасная
здесь душу омрачает.
Среди цветущих нив и гор
Друг человечества
печально замечает
везде Невежества убийственный Позор...*

«Деревню» Пушкина мы знаем. Но после её написания (1819) прошло почти 200 лет. Какая она, нынешняя деревня, написанная в 1987 году?

*Умирают цветы и деревья,
Исчезают породы зверей,
А теперь вот уходят деревни,
Отмирая от древних корней.*

*Пустота и не радуют слуха
Голоса позабытых берёз.
И антоновка падает глухо
В травы, полные утренних слёз.*

*Я сюда выбирался не часто
И не знал о её новостях.
Вышло с прошлым своим повстречаться
Мне у мёртвой деревни в гостях.*

*Что же с нами случилось, скажите,
Если в сердце, как в поле, жнивьё,
Если на неуют общежитий
Променяли наследство своё?*

*Не дожить бы до страшного мига –
И увидеть последний плетень
И лощёную Красную книгу
Отживающих век деревень.*

1987

Здесь тоже всё верно сказано, как и у Пушкина. Только время другое и жизнь другая. А деревня в итоге не только страдает, а по-настоящему вымирает. А тысячи их безвозвратно вымерли. Большую часть продукции сельского хозяйства мы покупали за рубежом. Хлеба у нас убирается пока достаточно, даже сами продаём за рубеж, но ведь и покупаем немало. А могли бы и сами производить и значительную часть молочных продуктов, мясных и рыбных, фруктовых и других.

Сейчас, когда против нас Запад применил санкции на поставку продуктов, мы пытаемся сами производить ввозимые ранее товары. Но ведь безопаснее иметь всё своё, к чему мы теперь стремимся.

Но это вовсе не означает, что в деревне нашей все проблемы решены. Ещё немало надо работать и работать. А главное – нужны крупные финансовые вложения, которых пока у нас не хватает, хотя прибыли у миллиардеров растут.

Тут нужны крупные и смелые государственные решения и внедрения передового опыта. Болезнь указана, а лечить

её – дело специалистов и руководителей. Плохо, когда все болезни села оставляют лечить селу же или его знахарям.

*Спасибо, добрый человек,
За душу светлую спасибо,
Что доживаешь долгий век
Хоть незаметно, но красиво.*

*Врачуй, судьбе своей назло,
Лучи натруженные чресла,
Пока ты есть, твоё село
С районной карты не исчезло.*

(«Знахарка», 1987)

Но вот ещё одно стихотворение тоже по своей-то сути о деревне, о людях села. Оно большое, но приведу отдельные строфы:

*Шла метель по глубокому следу.
Я стоял, коченя в снегу,
И стонал в полушаге от бреда:
– Люди добрые! Я не могу!*

*Кто-нибудь! Отворите ворота! –
Я молил, не дойдя до ворот.
Всё надеялся, выглянет кто-то,
В избу зимнюю дверь отпрёт.*

.....

*И меня увидали и – разом:
– Ты чего тут, сердешный, застрял?
– Да метель подкузьмила, зараза,
Заблудился, – я им повторял.*

*Дали варежки, термос достали,
Взяли на руки, в сени снесли.*

*Воры так суетиться б не стали...
Боже мой! Да меня же спасли!*

*Чаем с мятой согревшись немного,
Я чего-то проямлил про дом.
Помолчали, сказали нестрого:
– Ты не думай, мужик, не крадём!*

*Это наше подворье, отцово.
На чужое вовек не войдём.
Так что можешь поверить на слово...
И опять: – Мы, мужик, не крадём!*

*Стало стыдно за мысли некстати
И неловко за глупый вопрос.
И сказал я: «Спасибо вам, братья,
Не поспей вы, наверно б замёрз!»
(«Братья», 1991)*

Вот вам и деревня, и случай, и люди, и их характеры и сама русская речь!

Обратило моё внимание и стихотворение «Не пролетайте мимо, журавли», в котором с любовью говорится о вожаке стаи:

*Он вытрет кровь, залечит грязью раны,
Поднимет клин, не спящий, на заре
И полетит в Россию через страны,
Которые не принял в сентябре.*

*Как хорошо, что есть у стаи воля
И место есть среди большой земли.
Не забывают и о русском поле,
Не пролетайте мимо, журавли.*

2003

Русское поле, русское небо, русские люди, русские птицы и вся русская природа тепло и правдиво отображаются в стихотворениях Владимира Силкина. Стихи его о родном крае, словно мирные голуби выются и кружат над человеком (читателем), облагораживая его душу. Такая поэзия нам нужна.

Когда мы рассматриваем стихи поэта, то необходимо учитывать то, что стихи воздействуют на читателя не только полным содержанием и композицией, и каждым словом, и даже слогом в строке, всей гармонией стиха, но и отдельными сильными строками, и даже отдельной строкой, поражающей своей новизной, ёмкостью мысли, или афористичностью. Такие строки легко запоминаются, их хочется повторить, и читатель это делает.

Много таких строф и строк и в рассматриваемых мной стихотворениях Владимира Силкина. Это тоже желательно учитывать при оценке вышедшей в свет книги.

Для примера я приведу ряд таких выписок из стихотворений, которые я не рассматривал, не касался, но они есть. Обратимся и к таким местам и строкам:

*Дожди, дожди... На сотни вёрст они.
Как будто кто на сад накинул сети.
И яблоки качаются одни,
Не падая на землю на рассвете.*
(«В садах Алешни»)

*Вот и отпуск мой истёк.
Рейс Москва – Владивосток.
Всё на свете провались,
Если дома заждались.*
(«От Москвы до Уссурийска»)

*Перелётным, возможно, попроще,
Позабыв про тепло и про тишь,*

*Улететь от ручья и от рощи...
Но от Родины не улетишь.*

(«Родина»)

*Такая тишь... Окликнуть некого.
Один лишь Млечный путь давно
Пролёт к разъезду Дубосеково
И дальше – до Бородино.*

*И в тишине подлунной слышится
Дыхание земли родной,
И так легко и просто дышится
Берёзовую тишиной.*

(«Поля российские»)

А вот стихотворение «О России». Подумал выписать из него одну строфу, а захотелось переписать его целиком, и не только потому, что оно краткое, а потому что оно единое, целое и большой силы.

*Не могу быть залётною птахой,
О России свистеть соловьём
И отчаянно охать и ахать
При каком-то несчастье своём.*

*Если мир задыхается гарью,
Если снова кричит вороньё,
Если гибнут хорошие парни
За короткое счастье своё.*

*Не могу без рябиновых песен,
Без кипящих на солнце берёз,
Без солдатской отваги и чести,
Что мой дед по Европе пронёс.*

*Если мирно живёт по соседству
Из оглохшей пехоты солдат,*

*Если вишни, отцово наследство,
Сколько лет в тишине шелестят.
1979*

В этом стихотворении каждая строка и каждое слово стоят на своём месте и в общем хоре мужественно поют о патриотах Отечества, России.

И какие тут из него делать выписки?

А вот это стихотворение я взял из сборника поэта «Блокпост» 2003 года издания. И взял из-за одной строки. А какой, вы сейчас догадаетесь.

*Мне в схватке быть не довелось.
И, вероятно, слава Богу,
Что не срывал на людях злость,
Да и меня никто не трогал.*

*Но доведётся, то в бою,
Как предок на реке Каяла,
Я за Россию постою...
Она б за русских постояла.*

«Она б за русских постояла...» – не случайно говорит поэт. Это было особенно актуально в начале 90-х годов, когда разделили Россию на национальные республики и 20 миллионов русских в «одночасье» оказались за рубежом.

И многим тогда русским нелегко было вернуться на Родину или, оставаясь за рубежом, сохранить русские корни и русскую речь.

Ну, а можно ли пройти равнодушно мимо таких строк из стихотворения «Прости, берёза»:

*Склонись ко мне, берёза, и прости,
Прости за то, что столько зим промчалю,
За то, что ты не раз меня встречала,
А я не мог сыскать к тебе пути.
Склонись ко мне, берёза, и прости.*

И так вот везде разбросаны щедро какие-то перлы поэзии и не собрать их все, то больно от них, то радостно. И волнуют до слёз.

Ну, например, вот такая строфа, которую записываю с влажными глазами и щемящим сердцем.

*Здесь мама, выйдя на крыльцо,
Всё ждёт отца, забыть не смеет,
И обручальное кольцо
На пальце мамином тускнеет.*

(«Вишнёвый свет»)

Вот! А мы говорим, кричим, что поэзия иссякла, поэты настоящие перевелись. Есть у нас настоящие русские поэты! Только их надо читать с открытым сердцем и видеть и глазами, и душой.

И один из них – это Владимир Силкин. Разгрузить бы его от всякой посторонней каждодневной суеты, о которой я знаю и представляю её себе, да заняться бы ему поэзией целиком и пошли бы у него не только лирические миниатюры, а поэмы и повести в стихах.

Может оно ещё так и будет. А пока я продолжу своё прочтение других разделов книги.

Но выскажу и ещё одну мысль. Когда мы будем размышлять о крупных поэтах начала XXI века, не следует упускать из поэтов первого ряда данного времени Владимира Силкина. Его поэзия заслуживает этого. И далее мы убедимся в этом.

Второй большой раздел книги «Посох Пересвета» автором назван так – «Шальная пуля». Почему именно «Шальная пуля»? Я на это ответить не могу. На мой взгляд, шальная пуля не может быть главным действующим моментом в разделе, где сосредоточена военная поэзия. Если говорить о войне как общественном и историческом явлении, то в нём без особой натяжки мы скажем, что главной фигурой в войне был и остаётся солдат, всесторонне подго-

товленный, хорошо вооружённый и идейно закалённый, преданный Отечеству и воинскому долгу. Так было всегда. А для России это было и остаётся неизменно. И уж тем более никакая «Шальная пуля» не делает погоды и не может стать доминантой в рассмотрении предстоящего раздела стихов. Но обратимся к содержанию.

Этот «военный» раздел поэзии автор открывает победой князя Дмитрия на Воже, под Рязанью.

*Снова ордынцы в набеge...
Непобедим и хитёр
С войском карательным Бегич
Двигает к Воже шатёр.*

.....
*Только, хвастливый и хитрый,
Бегич не верит глазам,
Что его коннице Дмитрий
Дверь затворил на Рязань.*

*Бегич падёт в этой сече,
Войско спасётся едва.
Иноплеменные речи
Вновь не услышит Москва.*

*С памятной битвы на Воже
Дмитрий придёт со щитом,
И свою славу умножит
Он в Куликовской потом.*

Второе стихотворение этого раздела посвящено историческому преданию, по которому хан Батый после разорения Рязани в 1237 году пришёл в Пошупово, где был приведён в ужас грозным явлением монастыря Иоанна Богослова и, не тронув его, отступил. Этому событию В. Силкин посвятил стихотворение «Пошуповский святой источник».

*А Пощупово он не тронул,
Не затоптал его конём.
Глядел Батый с коня, как с трона,
И не тянулся за копьём.*

.....
*Ушли отсюда без полона,
Не тронув утвари церквей.
Глядели вслед врагам со склона
Платки рязанских матерей.*

Какая прекрасная и мудрая находка автора в последних двух строках!

*Глядели вслед врагам со склона
Платки рязанских матерей.*

Кто говорит, что мы, поэты, разучились писать стихи? Предложите тому прочитать стихи В. Силкина, отмеченные мной... Пусть убедится, что высокая героическая русская поэзия живёт и развивается!

Я приведу ещё одну завершающую строфу этого стихотворения:

*Бог вечность никому не прочит,
Всему на свете есть предел,
Но сколько лет святой источник
Не отставляет он от дел.*

2014

В этом выражена глубокая философская мысль поэта. Он смотрит в прошлое через прошедшие века, когда возник родник, и на века в будущее, потому что уверен, что этому источнику жить и жить по божьей воле. Автор В. Силкин не ограничивает ни себя, ни природу в явлении философии. У него скорое – быстротечно, а вечное – вечно, тем более – дела Божьи.

На природу и религию он смотрит и по-сыновьи, и по-державински. А почему бы и нет? Да потому что Державин был и остаётся отцом всех русских поэтов. Кто этого не понял, тот ещё не усвоил основ русской поэзии. Хотя нам, поэтам, следует постоянно учиться до смертного часа, как этому, между прочим, следовал и Державин, идя за Ломоносовым и преодолевая достигнутые им в поэзии пределы. Не думаю, что и Владимир Силкин остановится на достигнутом. Скорее, что и рассматриваемая мной книга станет лишь новой базовой площадкой поэта для новых прорывов в творческих дерзаниях наступившего века.

Уверенность в это вселяют его стихи из данной книги. Его лучшие стихи, избранные из ранее изданных книг и собранные вместе, усиливают друг друга как лучи света в фокусе стеклянной линзы и обжигают равнодушное сердце. К таким стихам я отношу «На Воже», «Посох Пересвета», «Пощуповский святой источник», «Скобелев», «Приказ», «Брестская крепость», «Звезда отца», «Голоса», «Эшелон», «Однофамилец», «Инвалидная коляска», «Домой», «Размышления у монумента...», «Вывод», «Другу», «Блокпост», «Шальная пуля», «Бронежилет», «Война», «Госпиталь», «Телефонный разговор», «Путь», «Сержант», «Пока», «Вишни»...

И какое бы стихотворение из этих мы ни взяли, все они о войне, Великой Отечественной или Афганской, или о горячих точках, где отважно сражались наши солдаты, сержанты и офицеры, несли потери, умирали, получали ранения, лечились в госпиталях и медсанбатах. И всё это нашло художественное отражение в стихах. В. Силкину удаётся по-современному отобразить беды, которые несёт война. Книга многому учит, а главное – понять и осознать современную войну и роль в ней человека. Вместе с тем он показывает и то, какие беды несёт людям война и говорит о том, что не дай Бог, чтобы современная война заговорила всей мощью накопленного оружия. («Посох Пересвета», «Шальная пуля» и другие стихи).

Я уже писал о стихотворении «Посох Пересвета», давшего название всей этой книге. Приведу ещё раз заключительную строфу из него:

*...Как далеко ты, посох Пересвета:
Но зорок ты, глядишь через века.
Не дай-то Бог, чтоб новый старец где-то
На бой благословлял ученика.*

Здесь следует заметить, что не посох тут зорок сам по себе, а прозорливо смотрит автор стихотворения на будущую войну, которую могут начать безумные головы против нынешней России. Ибо Россия будет защищать себя и своих друзей всеми имеющимися у неё средствами, а это война глобальная, которую вряд ли выдержит не только человечество Земли, но и сама планета Земля. Потому столь строгое и категоричное предостережение автора:

*Не дай-то Бог, чтоб новый старец где-то
На бой благословлял ученика.*

Уж кто-кто, а Владимир Силкин очень даже хорошо представляет, какую угрозу всему человечеству таит в себе новая мировая война, если её не удастся предотвратить мировому сообществу, которое, будучи разделённым в себе, оказывается порой не способным обуздать зарвавшегося агрессора. Но сегодня немало тех, кто выступает в роли подстрекателей, подталкивающих к безрассудным действиям, как это мы наблюдаем в событиях на Украине.

В. Силкин спокойно и образно в одном из своих стихотворений «Шальная пуля», давшего название всему второму разделу книги, показывает, какую огромную беду несёт в себе даже одна «шальная пуля».

Не прицельная, именно шальная пуля:

*В разгаре лета, в ночном бою
Сыскала пуля мишень свою.*

*Пробила сердце и будь здорова,
И нет солдата из-под Ростова.*

*А там, от сына письмо читая,
Взялась за сердце мать молодая...*

И вот пуля заходит хозяйкой в этот печальный дом,
чтобы понять, что тут случилось...

*Присела пуля тихонько рядом,
Кося по дому стыдливым взглядом.
Пришла свинцовой, ушла пунцовой
От тётки Тони от Кузнецовой.
Рыдая, пуля упала в грязь –
У жизни с пулей прямая связь.*

Но пули могут становиться пунцовыми от стыда и рыдать только в стихах поэта или в рассказе писателя. В жизни всё совершается иначе (грубо, цинично, по-разбойничьи). Сбили пассажирский самолёт под Донецком – и 298 человек рухнули на землю вместе с обломками самолёта, смешавшись с землёй, травой и пеплом. И никто не покраснел от стыда, и виновных нет, а три сотни жизней положили на кон в позорной военной игре на Украине, не найдя виновных, хотя они есть. Кому не ясно, насколько опасна такая преступная игра?

С развитием преступных событий на Украине по вине, прежде всего, правительства Киева, незаконно захватившего власть в стране с помощью и при непосредственном участии заокеанских и европейских покровителей, международная обстановка резко обострилась и настоятельно требует от нас принятия адекватных мер к повышению боеготовности войск.

И тут уж к защите Отечества готовиться надо не одному новому Пересвету, а каждому гражданину и всей стране, о чём говорит книга стихов В. Силкина «Посох Пересвета».

А издана она пока мизерным тиражом для России. Я рекомендовал бы, прежде всего, работникам культуры Министерства обороны РФ взять из книги хотя бы этот один раздел «Шальная пуля» да издать необходимым тиражом для всех родов войск и флота России, чтобы воины наши учились и по стихам современного поэта, как надо Родину защищать от врагов и исполнять свой святой воинский долг перед Отечеством. Мои слова – это публицистика, об этом говорят и командиры и все воспитатели, а вот художественное слово поэзии, которое нередко приравнивается к слову Божьему, для воина очень много значит. Но разве будут мои слова услышаны? А можно и другой вариант: взять 10–20 лучших современных армейских поэтов и издать лучшие их стихи и песни под общим названием «Сердце солдата». А открыть этот сборник лучшими стихами русской классики о войне и солдате, командире, как у Лермонтова в «Бородино». Вот и будет приобщение солдатской души к русской поэзии на всю жизнь. Затраты любые этого стоят! У поэта В. Силкина тематика и мотивы стихов в разделе о войне (свыше 100 стихотворений) охватывают исторический период от победы русских на Воже и поединка Пересвета и Челубея в Куликовской битве до Афганской войны и конфликтов на Ближнем Востоке и в горячих точках бывшего СССР. Все они очень поучительны.

Я уже привёл в своём разговоре ряд стихотворений В. Силкина. Но вот ещё одно – «Приказ», о сдаче Москвы. Привожу его полностью, без всяких сокращений:

*Дежурный генерал Паусий Сергеевич
Кайсаров и старший адъютант Кутузова
Иван Никитич Скобелев готовили приказ
о сдаче Москвы по итогам военного совета в Филях.*

*Вошёл Кайсаров, бел, как мел,
Кутузова оставив свите.*

*И не сказал, а прохрипел:
«Светлейший ждёт приказ... Пишите...*

*Секретно...» Скобелев писал,
Рука дрожала на бумаге,
Не верил, что Кутузов сдал,
Лишившись сердца и отваги,*

*Москву. В глазах было черно –
Москва поставлена на карту,
И отдают Бородино
Уже без боя Бонапарту!*

*И что напрасно кровь текла
И сожжены французом сёла?..
Россия подвига ждала,
Но подвиг вышел невесёлым.*

Здесь, мне думается, надо перевести дыхание. Подумать, вспомнить, что писал Лермонтов в своём стихотворении «Бородино».

*Вам не видать таких сражений!
Носились знамена, как тени,
В дыму огонь блестел.
Звучал булат, картечь визжала.
Рука бойцов колоть устала
И ядрам пролететь мешала
Гора кровавых тел.*

*Изведал враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый,
Наш рукопашный бой!*

И вот... Москву сдают Наполеону!.. Готовится приказ (О, Боже!) о сдаче Москвы..

*Шептал Кайсаров: «Сдать Москву...»
А Скобелев не верит фразе.
Не верит он, что наяву
Она появится в приказе.*

*Непобеждённые полки
В рассветном мареве тонули.
Суворовские старики
Вперяли взгляды в них, как пули.*

*Приказ – на то он и приказ,
Что выполнять солдату надо,
Но слёзы капали из глаз
У тех, кто одолел преграды.*

*Россия выживет, пока
Идут войска, сверяя карты.
И знают, больше для броска
Не будет сил у Бонапарта.*

2012

Стихотворение-то – о сдаче Москвы, о подготовке ещё проекта приказа. И приказ остаётся проектом, пока он не подписан. Но какой драматизм ситуации, не менее, чем у лермонтовского «Бородино» непосредственно перед сражением и в самом сражении. Но и там, в сражении, и здесь в ходе подготовки приказа о сдаче Москвы, да и там, на Совете в Филях, непосредственно, где обсуждался этот вопрос, везде была Вера в нашу Победу над Наполеоном. Вспомним, что сказал Михаил Кутузов в конце обсуждения этого вопроса на военном Совете. «С потерей Москвы не потеряна Россия. Приказываю отступить!..» За точность слов не ругаюсь, но смысл верный. А что сказал Наполеон о Бородинском сражении?

«Из всех моих сражений самое ужасное то, которое я дал под Москвою. Французы в нём показали себя достойными одержать победу, а русские стяжали право быть непобедимыми». (БСЭ, т. 3, стр. 580).

Отдадим должное и Наполеону. Умел точно выражать мысли и сказать правду.

Отметим здесь и высокие достоинства стихотворения поэта Владимира Силкина. Я тут в его стихах вижу лермонтовскую мощь выражения мысли и думаю, что у него могла бы получиться и своя поэма в связи с Бородинским сражением. Прошло 200 лет после Бородинского сражения, а никто из русских поэтов после Лермонтова не дерзнул взяться за широкое, полное и яркое полотно о Бородинском сражении. Хотя потребность в этом уже есть.

Есть у поэта Владимира Силкина и какой-то есенинский лирический степной размах в музыке отдельных стихов. Давайте вслушаемся в гармонию его краткого, но масштабного стихотворения «Русичи»:

*В тихом поле тяжелеет колос,
И закат и девственен и тих.
Если только вслушаешься, голос
Различишь прапрадедов своих.*

*На миру себя не возносили,
Хоть и были силою горды!
Золотые купола России
Сберегли от Золотой орды.*

*Может, в чём-то были и неправы,
Нелегко судьбу предугадать.
Но в наследство честь свою и славу
Нам они сумели передать.*

*В бранных сечах не давали спуску,
Поклонялись брэнному труду,*

*Чтоб молчала грозная Царь-пушка
И не бил Царь-колокол беду.*

1991

И всё сильно и верно сказано. И можно перейти к разбору и композиции стихотворения, его ритмики и рифмы. Но зачем? Зачем об этом говорить, если само стихотворение заряжает нас новой энергией, энергией стихов, в которых прерывают своё вековое молчание и говорят с нами и Царь-пушка, и Царь-колокол. Ведь это же самое главное в композиции.

В военной тематике для нас самая главная война была и есть Великая Отечественная. И самые лучшие стихи, и самые лучшие песни – стихи и песни Великой Отечественной войны. На них и у них мы учимся мужеству, верности долгу, патриотизму, солдатской дружбе, любви к Отечеству и родному дому, верности своим жёнам и любимым подругам. И всё в них есть. От «синенького скромного платочка» и подмосковной «землянки» до «Вставай, страна огромная...» и «Ехал я из Берлина». Поэзия Великой Отечественной была и остаётся лучшей поэзией в русской поэзии XX века. И ни один русский поэт, который хотя бы в детстве своём пережил эту войну или родился далеко позже войны, не может не сказать о войне своё слово или не сложить стихи сердечной благодарности солдатам, ветеранам войны, грудью защитившим наше родное Отечество. Много таких стихов и у поэта Владимира Силкина. Одно из лучших таких стихотворений он посвятил своему отцу. С названием «Звезда отца».

*В небе звёздам нет конца.
Но далёко где-то
Светит мне звезда отца
И ведёт по свету.*

*Горяча иль холодна.
Знать того не знаю.*

*Много лет горит она,
Нас соединяя.*

*На её шагаю свет
В этот век жестокий,
Всё иду за батей вслед
В тот июнь далёкий.*

*А вокруг свистят шмели.
Или, может, пули?
Если б только мы могли,
То отцов вернули.*

*Чтоб услышать их сердца.
Чтоб наград коснуться...
Светит мне звезда отца,
Не даёт споткнуться.*

1984

Как говорил В. Белинский: «Ни убавить, ни прибавить...»

Какой лиризм! Какая искренняя сыновья любовь к отцу и желание полностью оправдать надежды отца и не споткнуться на своём жизненном пути. Кстати, поэт Владимир Силкин прошёл путь военной службы от рядового до полковника, офицера Главного управления кадров Министерства обороны СССР и РФ. Ветеран военной службы.

А теперь ещё и крупный, видный поэт России. Надо отметить и то, что Владимир Силкин, хотя и следует лучшим традициям в поэзии русской классики, у него нет подражательных стихов, он обрёл свой голос и свою манеру письма. Его стихи отличаются краткостью, афористичностью и я бы сказал даже лапидарностью, т.е. такой краткостью, как надпись на камне.

Его стихотворение «Брестская крепость» составляет всего двенадцать строк, три строфы. Давайте обратимся к ним:

*В четыре часа просыпается Брестская крепость.
Во всех казематах в бинтах и повязках народ.
Быть может сегодня звучит это даже нелепо,
Но кто-то незримый командует:
«Крепость, вперёд!»*

*Но кто-то крылатый возносит
над крепостью знамя,
Но кто-то безногий бессвязно в атаку зовёт!
Я – крепость, ушедшая в вечность!
Я с вами!
Я – крепость! Стою день и ночь напролёт!*

*Хоть смерть каждый миг
Смотрит мне в изголовье.
Я пули залётной в рассветную рань не боюсь.
Пишу и пишу на груди,
истекающей кровью,
Что я умираю, но я просто так не сдаюсь!*

Здесь не повествуется, не сообщается о том, как борется, сражается крепость, а непосредственно развёртывается само действие, сама картина сражения, где даже безногий зовёт в атаку своих товарищей, где и сам автор, преображаясь в защитника крепости, смертельно раненый, не сдаётся, а пишет на груди своей собственной кровью, что он не сдаётся. Это и есть подлинный героизм!

И это творческое, образное решение поэта.

А вот ещё одна масштабная картина в стихах «Перед сражением» на Курской дуге:

*На Орловско-Курском направлении
Всё без изменения пока.
Пребывают в грустном настроении
Наши и немецкие войска.*

*Вгрызлись в буераки и пригорки,
Растворились в травы и стога.
Ждут команд «Вперёд!»
«тридцатьчетвёрки»,
Чтоб свой гнев обрушить на врага!*

*На войне бывают тоже игры,
Тут уж кто кого перехитрит.
Скоро вспыхнут факелами «тигры».
Кто-то будет ранен, кто убит.*

*На Орловско-Курском направлении
Встали две армады, два врага.
И звенит в преддверье наступления
Курская железная дуга.*

1998

Тут хорошо подана картина и состояние напряжения войск непосредственно перед сражением и всё это уложилось в четыре строфы.

Хорошо сказано о наших танках:

*Ждут команд «Вперёд!»
«тридцатьчетвёрки»,
Чтоб свой гнев обрушить на врага!*

Это во второй строфе. А в четвёртой строфе я бы рекомендовал несколько изменить вторую строку:

«Встали две армады, два врага»...

«Две армады» – выражение, допустимое с точки зрения количественной оценки сил, а вот «два врага» – это, мне думается, не совсем удачно и уместно с качественной стороны. Враг тут, несомненно, один – армада фашистская. И всё ясно, но выражение «два врага» я считаю здесь оши-

бочным. А стихотворение нужное. Я бы даже так записал эти две сомнительные строки:

*На Орловско-Курском направлении
Сокрушим мы грозного врага...*

Хотя из истории войны мы знаем, что на Курской дуге мы окончательно сломали хребет немецко-фашистским захватчикам, но и в стихах порой нужна абсолютная точность. И в военной поэзии, как на войне, каждое слово должно быть метким, как выстрел. Владимир Силкин это соблюдает. Такие «сбои» у него встречаются, но очень редко. Да и книга-то ведь в 560 страниц. Стихов о Великой Отечественной у него немало.

Наиболее значительными у него можно отметить ещё «Голоса», «Эшелон», «Память», «Однофамилец», «Размышления у монумента „Родина-мать“ в Волгограде», «Медаль „За отвагу“» и др.

Его стихи о Великой Отечественной я завершу стихотворением «Эшелон». Оно тематически и по содержанию как бы завершает Великую Отечественную, хотя мы знаем, что с объявленной Победой 9 мая 1945 года, 70-летие которой мы отмечаем в текущем 2015 году, она для многих и многих ещё не закончилась. Ещё предстояли сложные и упорные бои по разгрому миллионной японской армии на Востоке.

Но с западных рубежей уже в русские просторы шли эшелоны с воинами, одержавшими Великую Победу в Берлине и ряде других стран и столиц Европы.

Стихотворение «Эшелон» легко, радостно и в то же время с большой печалью и «слезами на глазах» отзывается в душе всеми строками и картинами памяти о войне, о героях сражений, о возвращающихся с Победой, о раненых и покалеченных и о тех двадцати миллионах, не вернувшихся с войны. А стихотворение звучит легко, ясно и близко к душе, как стихи самого Твардовского. Только принадлежат они

Владимиру Силкину, нашему современнику, который ныне живёт и работает в Москве.

Оно не малое. Но в нём ясно видно, как и в чём здесь проявляется поэтический талант Владимира Силкина. Приведу его здесь с некоторым сокращением:

*В эшелоне песни пели,
Пили горькое вино,
Даже те, кто не умели,
Подпевали всё равно.*

*Эшелон, оставив запад,
Торопливо шёл домой.
И витал в теплушках запахах,
Запах Родины самой.*

*И, охрипшая немножко,
Не смолкая ни на миг,
Всё тревожила гармошка
Соплеменников своих.*

*Тихо звякали медали
И сходились кружки в круг.
Столько дней Победу ждали,
Да пришла она не вдруг.*

*Нет, не вдруг, четыре года
Был запущен чернозём.
Сколько нашего народа
Полегло навечно в нём!*

.....
*В эшелоне было тесно,
И когда вставал состав,
Обрывалась сразу песня,
Веселиться перестав.*

*И, касаясь костылями
Милой выжженной земли,
Шли к жене солдаты, к маме
И крепились, как могли.*

.....
*Эшелон дрожал и трогал,
Тормозил то тут, то там,
И трудна была дорога
К милым дедовским местам.*

*И казалось, право слово,
Опершись на костыли,
Это ратники Донского
От реки Неправды шли.*

*Шли среди лугов зелёных,
По дорогам шли в пыли,
Только двадцать миллионов
С ними рядом не могли.*

*Где-то дети голосили,
Всё пугаясь близких гроз.
Но Победа шла в Россию,
Солона от вдовьих слёз.*

Пусть извинит меня Михаил Исаковский, выразивший в своей песне «Враги сожгли родную хату...» трагедию солдата, пришедшего с войны на могилу своей жены Прасковьи и погубленной всей его семьи врагами Отечества. Горе солдата действительно безмерно... «*И пил солдат из медной кружки / Вино с печалью пополам...*». Но здесь-то великая печаль и трагедия всей страны, потерявшей на войне 27 миллионов человек. Миллионов!!! А сколько миллионов детей не смогли родиться за годы войны? Такой ущерб от войны могло нанести себе только человечество, сошедшее с ума. А беда ещё и в том, что значительная часть его ещё и

теперь не поумнела, если на Земле сделаны и совершаются приготовления для массового истребления людей неслышанным даже оружием.

Чтобы не быть голословным, позволю себе только назвать разрабатываемые новые виды оружия, сведения о которых попадают в печать: это акустическое, электромагнитное, лучевое, скалярное, радиологическое, термическое, биологическое, химическое новейшего поколения.

Кроме этих видов, есть ещё кибернетическое оружие. В США в 2010 году закончилось формирование кибернетических войск, в штате которых, как сообщалось в печати, около 14 тысяч высококвалифицированных военных и гражданских специалистов.

В России таких войск до поры не было. Но в мае 2014 года Генштаб приступил к созданию полноценных кибервойск (Журнал «Наука и религия», № 12, 2014 г.).

Изощёренная и извращённая человеческая мысль уже полвека работает над созданием и практической отработкой геосферного оружия – оружия, в котором объектом и средством воздействия является окружающая природная среда и околоземное космическое пространство.

Казалось бы, а при чём тут поэзия? А притом, что всё это готовится на случай глобальной войны против человека. А писатели, поэты не могут жить, словно с завязанными глазами. С этим ещё предстоит борьба, и упорная.

Владимир Силкин, как поэт-новатор, проявляется больше в стихах о войнах и военных конфликтах нового времени: в Афганистане, на Кавказе и других точках, где наши воины также и погибали, и получали ранения, но проявляли настоящий героизм и отвагу и другие лучшие качества защитника России.

В новых современных стихах у него уже меняются акценты, появляются новые ритмы и новая лексика, которая свойственна современности.

К таким новым словам в современной поэзии на военную тематику относятся слова «афганец», «моджахед»,

«Герат», «Кабул», «Гиндукуш», «блокпост», «бронезилет», «растяжка», «камуфляж» и др.

Я давно знаком с творчеством Владимира Силкина и меня всегда особо привлекали его военные стихи нашего времени.

Почти в любом его стихотворении я всегда находил отдельные строки, а то и строфы, написанные им в какой-то своей манере, своей речью, окрашенной своими чувствами. И это не оставляет, если так можно сказать, равнодушным. Вот краткое стихотворение «Домой».

*Я в места родные еду,
Форма новая к лицу,
Я спешу на День Победы,
На свидание к отцу.*

*Вот и дом под новой крышей.
– Где ты, батя? Будь здоров!
Горько мне, что он не слышит
Ни шагов моих, ни слов.*

*Постою, в окно не стукну,
Помолчу, слезу смахну.
Протяни мне, батя, руку
Через страшную войну.*

Всего двенадцать строк... А сколько дум. Чувств, переживаний! Какое это неодолимое желание увидеть родного отца возле дома, да ещё после такой большой разлуки.

И как небесная гроза из ниоткуда звучат слова неосуществимого желания:

*Протяни мне, батя, руку
Через страшную войну.*

Но дальше – тишина...

Не потому ли у поэта появляются в его душе предупредительные слова: «Не надо, не надо!..»

*Не шейте победных знамён,
Чтоб с ними в Европу... Не надо!
Чтоб столько немецких имён
Оставить у стен Сталинграда!*

*Не надо ходить на Москву,
Не пробуйте вновь Ленинграда.
Пока я на свете живу,
Не надо, не надо, не надо!*

(«Не надо!»)

У нас, видимо, редко кто из военных людей не побывал у монумента «Родина-мать» в Волгограде. Поэт В. Силкин тоже побывал. Но как он выразил в своих стихах впечатление от увиденного?

*Распрямилась она над курганом,
Повела для замаха плечом,
Не призывно, как кто-то наганом,
А защитно, как Невский, мечом.*

*Смотрят в завтра солдатские лица,
И сердца на излёте стучат.
Из обугленных ртовobelисков
Губы каменно что-то кричат.*

.....
*Каждый дом бы представить к награде,
Кочку каждую, каждую пядь...
Даже камни кричат в Волгограде,
В Сталинград возвращаясь опять.*

Но даже такие памятники не для всех живых являются серьёзным предостережением и потому снова и снова появ-

ляются в божьем мире и на людских дорогах «коляски». «Коляски» – так названо одно из стихотворений В. Силкина.

*Я думал, колясок не будет
В каком-нибудь близком году,
Но залпы афганских орудий
Нам снова пробили беду.*

*И вот, опираясь о стенку,
В десантных тельняшках идут
Со всех коридоров Бурденко
Ребята к коляскам в саду.*

.....
*Тревожен уют госпитальный,
От стонов палаты дрожат,
Чужие и наши медали
С конфетами рядом лежат.*

*А где-то по сёлам России,
От Кушки до самых Карпат,
От горестных слёз обессилев,
Солдатские мамы не спят.*

Вот так широко и сразу война постучалась во все дома тогдашнего Советского Союза. И о войне, как таковой, даже не говорили, а говорили о вводе «ограниченного контингента» наших войск в Афганистан как выполнении интернационального долга... Но войну не спрячешь. Письма и похоронки, а то и цинковые гробы приходили в наши города и сёла, как памятный для афганцев «Груз-200». Под этим грифом везли домой наших братьев-«афганцев», среди наших пенсионеров и сейчас ещё живут бывшие воины-интернационалисты, исполнявшие свой воинский долг в Афганистане, Анголе, Эфиопии, на Кубе, во Вьетнаме и других африканских и азиатских странах.

Афганистан остался мне памятен тем, что в своей служебной командировке я побывал в Кабуле, Герате, Шин-

данте, Кандагаре, Джалалабаде, Баграме и других местах. На подъезде к местечку Адраскан был обстрелян с моими друзьями из засады, из душманского ДШК, но шальные пули, к счастью, миновали. За выполнение задания награждён грамотой. Об Афганистане написано много и разное. Всё зависит от того, кому какая стезя выпала. Но пройдёт время и вся правда будет высвечена. Но стихи и песни, рождённые событиями в Афганистане, уже живут.

Итоговым стихотворением об Афганистане, пожалуй, будет «Вывод (войск)».

Автор отмечает, что в Афганистане погибло более 13 тысяч советских военнослужащих, я слышал и читал – 15 тысяч.

*Отвори, Господь, ворота,
Дай взглянуть за Гиндукуш,
Где идут за ротой рота,
Все тринадцать тысяч душ.*

*Где вползают на высоты,
На которых полегли
Дети доблестной пехоты,
Сыновья моей земли.*

*Пусть посмотрят по-другому
На причины и приказ,
Почему товарищ Громов
Вывел армию без вас.*

*Дай, Господь, взглянуть на вывод
Тою горькою зимой.
Это ты ведь сделал вывод,
Что пора войскам домой.*

Да, вывод войск парадным не был, особенно для тех, кто знал, сколько тысяч наших воинов там полегло и сколько тысяч ранено и покалечено.

Об этом у поэта Владимира Силкина есть ещё одно сильное стихотворение, которое, я считаю, нельзя цитировать, а его только можно и надо прочитывать и прослушивать полностью и только потом осмысливать.

*Тишину раздавили колёсами
На рассвете у пункта Герат,
И восточное солнце раскосое
Заиграло эмалью наград.*

*Но назначенный час возвращения
Превращается в траурный час.
У кого мы попросим прощения
За Отчизну, пославиую нас?*

*Кто сумеет и выскажет истину,
Кто решится упрёки принять?
Мы уходим с душою расхристанной,
На судьбу не отважась пенять.*

*Бээмпэшки грохочут зелёные,
Боевые знамёна кричат.
Мы уходим, войной опалённые,
Чтоб об этом стыдливо молчать.*

*Но за речкой, что кончится митингом,
Станем слёзы украдкой глотать.
И, как некогда гордые викинги,
Не вернувшихся будем считать.*

(«Возвращение»)

Но ныне мы привыкли к тому, что в наш век последней войны не бывает. Одна завершается, где-то начинается новая, а где-то огонь вспыхивает с новой силой, как при лесных пожарах. Потому военным людям надо всегда быть начеку, как учил Суворов.

Может потому наш воин привыкает ко всему. Если ранее лейтенант говорил:

*Дальше Кушки не пошлют,
Меньше взвода не дадут...*

То теперь стали направлять с заданиями и на Ближний Восток, и во Вьетнам, и в Африку, и недалеко, в горячие точки Кавказа или Средней Азии. А вместе с новыми дорогами рождаются и новые стихи. Это нашло отражение и в военных стихах Владимира Силкина.

Смотрите, как меняется тон поэзии у поэта при отражении военной жизни на Кавказе. Вот стихотворение «Блокпост»:

*Птицы выклевали ночь
До последней звёздочки.
Я живой и я не прочь
Выпить стопку водочки.*

*Не возьмёт меня снаряд,
Снайпер не дотянется.
С битым сотню раз подряд
Ничего не станется.*

.....
*Жду замену и не сплю
В тишине за блоками.
Я живой и я люблю
Эту жизнь жестокою.*

*На плечах моих горят
Две весёлых звёздочки.
Потерпи, Зеленоград,
Скоро выпьем водочки.*

Это лёгкое стихотворение не от лёгкой службы на блокпосту, а проявление бодрости, мобильности и уверен-

ности в том служебном деле, которое возложена на лейтенанта.

Василий Тёркин ведь тоже не унывал, но мы-то знаем, что приходилось переживать людям на войне. Не случайно же теперь воин должен носить бронежилет. Об этом тоже пишет В. Силкин. Одно из стихотворений у него так и называется «Бронежилет».

*Я, как предок мой, в броне
Разъезжаю по войне.
В камуфляже, в каске,
Только в страшной сказке.*

*Где от пуль спасенья нет,
Где в цене бронежилет –
Современная кольчуга,
Да спина, да стойкость друга.*

*Лишь бы снайпер, целясь в нас,
Не ударил ниже глаз.
Проживу в бронежилете
Я сто лет на белом свете.*

.....
*– Мой родной, не подведи! –
Сердце молится в груди.
Врос в Кавказ бронежилет.
Знать бы мне, на сколько лет.*

«На сколько лет?» – спрашивает автор. На этот вопрос ныне никто не ответит. А от словоблудия люди просто устали. Устали ожидать, устали говорить, устали слушать и читать, впереди даже не исключается горячая, небывалая мировая и не дай Бог, чтобы она была термоядерной. Хотя сегодня некоторые политологи уже не стесняясь говорят и пишут, что третья мировая война на своей начальной стадии уже идёт. А военно-политическая обстановка в мире не оставляет почвы для благодушия. У В. Силкина есть стихо-

творение «Одиночество». Оно одновременно и о войне, и о мире. А всего-то в нём три строфы:

*Жену схоронил и невестку
И с внуком стал век вековать.
Но внуку прислали повестку,
И внуку пришлось воевать.*

*На счастье надеялся, строил
Беседку в саду и не кис.
Но внук стал посмертно Героем
И жизнь потеряла свой смысл.*

*Он ладит у дома качели,
Едва шелохнётся весна...
А вот и грачи прилетели.
Какая быть может война?!*

И действительно. Какая может быть война, когда нас вот так всех перебьют, перемелют. А мы всё сохраняем бодрость и задор до самой гибели.

Примером тому может быть стихотворение «Телефонный разговор», благо нашей цивилизации:

*– Это я! Ну как там дома?
...Ну, конечно, это я!!!
Нет, я не с аэродрома...
Что ты, милая моя!
.....
Два часа нас с горки били...
Это мой последний бой...
Если бы не твой мобильник,
Не простился бы с тобой.

...Ну, какая телеграмма?!
Ладно... Если отобьюсь...*

*Всё, прощай! До встречи, мама!
Умираю! Не сдаюсь...*

2005

А вот для того, чтобы с честью и отвагой сражаться, надо быть во всеоружии готовым к бою, к войне. Учиться каждодневно солдату и у офицера, и у сержанта, и у старшего по опыту рядового. О чём и говорит стихотворение «Сержант».

*Он легко читает схемы,
Чертит карточки огня.
Суть военной теоремы
Раскрывает для меня.*

*Ведь случись на поле ратном,
Там, где выучка хранит,
Что осталось непонятым
Он уже не объяснит.*

А пока... Пока все учатся. И днём, и ночью. И солдат, и сержант, и офицер, чтобы с честью выполнить поставленную задачу, если завтра война...

И так строка за строкой, стихотворение за стихотворением, как выстрелы, обжигают душу стихи Владимира Силкина о военной службе и войне настоящей, повседневной, не придуманной, как и та война, что разрывами снарядов, бомб и мин сотрясает пограничье Ростовской области, куда тянутся вереницы бегущих от войны стариков, женщин и детей, а иногда и военнослужащих целыми подразделениями. Гремит война. Не придуманная, настоящая, где каждый день ведётся счёт убитым и раненым.

А Владимир Силкин пишет стихи пока не об этой войне, но о такой же, какая есть и какая будет. Чем и как она завершится, ещё неизвестно. Конец войны редко предсказуем.

Но чаще она походит на неукротённого зверя. Укротить войну, обуздать агрессора – задача всех.

А поэту Владимиру Силкину хочется сказать спасибо за его стихи о войне и армии. Они не только передают психологию боя, но и учат воина отважно и умело защищать Отечество, быть патриотом своей державы.

Со своими армейскими стихами симоновской силы он выдвинулся в первый ряд лучших поэтов страны и у меня есть полная уверенность в том, что он в итоге может своими литературными трудами заслужить законное имя Великого Поэта России.

Более чем пятую часть книги (120 стр. из 550) составляет третий её раздел с названием «Веточка лета». О чём ведётся разговор в этом стихотворении, давшем название разделу? О любви. Любви, которая была в юности, но не ответила на её зов. И только через десятилетия вернулась к человеку, любившему её, с надеждой на то, что любовь ещё сохранилась. И всё же возвращение её оказалось слишком поздним.

Сюжет не новый в истории любви, но её возвращение и приход автор сравнил с «веточкой лета».

*Чувства мои отцвели
Липовым цветом.
Что ж вы так поздно пришли,
Веточка лета!*

Вот только само стихотворение напечатано почему-то в разделе «Белобрысый тополь». Но сами стихи этого раздела заслуживают внимания. Они кратки, не многословны, содержанием насыщены серьёзно.

Означенный раздел открывается четверостишием без названия:

*В подлунном мире хватит всем
Нелепых войн, обид, проклятий,*

*Красивых женщин, свежих тем,
И лишь бессмертья всем не хватает.*

1989

Здесь есть о чём и размышлять, и говорить, и спорить, но только, пожалуй, не о «веточке лета».

Всё-таки я стою за то, что название книге, разделу, да и стихотворению следует давать, сообразуясь с содержанием, как это делали наши классики.

А что касается бессмертия, которого на всех не хватает, то оно даётся за подвиги исключительные: боевые, трудовые, научные. Это подвиги Матросова, Гастелло, Маресьева, Ломоносова, Менделеева, Жукова (маршала), Калашникова, Гагарина и многих других.

Все достойные бессмертия – заслуживают его и Родина о них не забывает. Только было бы что помнить. А памяти у Родины и Человечества хватит на всех и каждый подвиг.

«Веточка лета» значительно шире и весомее своего названия. Судя по разнонаправленной тематике стихотворений, сразу понимаешь, что вещи тут гораздо серьёзнее, хотя и есть здесь такие художественные жемчужины, которые светят лучами лета, например, «В поезде»:

*Смешно каблучками стуча,
Несёт проводница вагона
В стакане осколок луча,
Похожий на ломтик лимона.*

*...Спасибо, студентка, за чай,
За то, что в стакане на донце
Звенит, залетев невзначай,
Крупница июньского солнца.*

Хотя здесь сразу вспоминается рифма Маяковского «донца» и «солнца», но «*В стакане осколок луча, / Похожий на ломтик лимона*» – это уже видение Силкина, его образность. А то, что этот осколок луча ещё и «звенит», то вспо-

минается звон чайной ложечки в стакане. И всё это – игра звука и света. Конечно же, изобразительное искусство поэзии в слове. Но мы-то с вами знаем, что главное в поэзии – не лучики отображать, а зажигать и вдохновлять сердца, отображая жизнь и состояние человеческой души.

Если взять да выписать в ряд хотя бы десяток наиболее ярких и удачных стихотворений раздела, то у меня, например, кроме уже названных, в строй встанут и такие, как «Брат», «Жизнь моя», «Волосы женщины», «В день рождения», «По спелым травам женщина бежит...», «Давай, душа, с тобой поговорим», «В Захупте», «Даль зовущая», «Крест», «Моя звезда», «О русском народе», «Перепёлки», «Молитва», «Земля и небо», «Васильки», «Утки», «Хулителям России»...

В этом ряду и большие, и краткие стихи. Но каждое из них много значит. Только каждое надо не бегло прочитать, а прочитать вдумчиво, понимая смысл каждого слова и даже знака, а потом подумать: о чём оно, что тут главное, чему оно учит, от чего предостерегает?

И тогда вы ощутите всю важность того, о чём говорит автор, и почувствуете нужность такой книги и вам, и детям. А значит, и поэзия в той книге – настоящая. Такое ныне встречается нечасто. Всё это говорит о том, что Владимир Силкин, как поэт, вышел ныне уже в первый ряд поэтов, на который молодому пополнению следует равняться. Но я знаю и верю, что у него будут новые книги и новые яркие стихи. И тогда из этой книги они вытеснят может десятки менее значащих стихотворений и у него получится одна его «золотая книга», которая будет «томов премногих тяжелей», как однажды было сказано о книге стихов Фёдора Тютчева.

Но в стихах Силкина видится не только тютчевская лаконичность и философичность, но и пушкинское стремление «чувства добрые в народе пробуждать», а также и лермонтовская «железная» воля, и дух «Бородино». И чего ж тут этому удивляться, если мы по праву и по рождению являемся их наследниками, потомками в русской поэзии.

«Не пролетайте мимо, журавли» – так называется четвёртый раздел стихотворений данной книги, хотя само это стихотворение в первом разделе (стр. 62). Четвёртый раздел – раздел немалый, размещён на 110 страницах книги и объединяет 94 стихотворения.

В принятом мной порядке рассмотрения стихотворений начну с того, что дало название самому разделу.

Стихотворение «Не пролетайте мимо, журавли» уже давно стало песней. В первой же строфе автор говорит о своей печали и осенних страданиях души, когда осенью слышит плач журавлей, улетающих под утро в сумрачную даль.

*Они летят, ломает ветер крылья.
Над сотней светлых речек и долин,
Покрытый плотно нашей русской пылью,
Летит к теплу порвавший крылья клин.*

*И тот вожак, что вырос на Мещёре,
Не будет спать без поля и берёз.
Наверно, всё же лучше жить за морем,
Но это если ни души, ни слёз.*

*Он вытрет кровь, залечит грязью раны,
Поднимет клин, не спящий на заре,
И полетит в Россию через страны,
Которые не принял в сентябре.*

Здесь выражены все труды и страдания птиц, совершающих огромный и опасный путь своих перелётов осенних, когда им не всегда выпадает хорошая погода. Трудно вожаку и стае, но они опять возвращаются в Россию. И автор облегчённо, как бы со вздохом, заключает:

*Как хорошо, что есть у стаи воля
И место есть среди полей земли.*

*Не забывают и о русском поле,
Не пролетайте мимо, журавли.*

Последняя строка звучит как мольба. Но ведь и людям надо любить этих птиц, хранить и беречь их сред обитания и не разорять ни одного гнезда, их законного и обжитого дома.

Если всё это терпят и переживают журавли, то их жизнь сходна во многом с жизнью людей, особенно тех, кому часто приходится менять своё место жительства по России в связи с разной работой и делами по службе. Потому и стихотворение, написанное о журавлях, звучит как и о людских судьбах.

Людские судьбы и в четвёртом разделе выходят на первый план, хотя и здесь ставятся многие жизненные вопросы: охрана окружающей среды для всего живого – и птиц, и рыб, и животных. Но забота о человеке, родных и близких, о друзьях видится главным, и это очень важно.

Это подкрепляется и содержанием таких стихов, как «Мои друзья», «Женщина», «Осенняя элегия», «Просыпаюсь, а матери нет», «Родители», «В жизни всё решает случай», «Баба Груня», «Богиня», «Лунная дорога», «Незачем счастье испытывать» и др. Стихотворения, как правило, краткие, часто не более 16–20 строк. Но в себе несут такую энергию, что после прочтения обязательно в памяти остаётся какая-то зарубка, которая тебя волнует, заставляет задуматься или сравнивать с подобным состоянием тобой когда-то уже пережитом. Но что важно? А то, что такие стихи воспитывают, заставляют думать, учат быть чутким и внимательным ко всему. А это разве не воспитательная функция литературы?

И не потому ли Максим Горький сказал: «Всему хорошему во мне я обязан книгам».

Прочитаем стихотворение «Родители»:

*Улетят перелётные птицы
И разъедутся сотни гостей.*

*Ничего, поглядеть, не случится,
Лишь проводят в столицу детей.*

*Раздадут им соленья-варенья
И, прижавшись друг к другу в ночи,
Будут слушать сверчка и поленья,
Говорящие в белой печи.*

*Снова сядут на хлеб и картошку,
Станут письма весёлые ждать
И глядеть сквозь пургу из окошка,
Где опять ничего не видать.*

2003

В этом стихотворении ясно слышится какая-то есенинская грусть и обнажённая правда. Правда русской жизни и крестьянского быта. А строка «Снова сядут на хлеб и картошку» – ясно говорит о состоянии сельской семьи. Какие тут нужны эпитеты или метафоры?

Эта же мысль подтверждается и другими стихами. Все мы при каждом случае, поздравляя друг друга с наступающим праздником, желаем здоровья и счастья. А какое оно, счастье? У каждого своё?

Поэт Владимир Силкин и на это даёт скромный ответ:

*Незачем счастье испытывать.
Есть оно, вот и держи.
Только старайся подпитывать
И очищать ото лжи.*

*Много вокруг увивается,
Тех, кому счастье, как грех.
Счастье – оно добывается
И не бывает у всех.*

*В счастье порою не верится,
Как в долгожданную весть.*

*Только вот если им делятся,
Значит, оно ещё есть.*

Последние две строки настолько точные, что и говорить больше нечего. Сказано «не в бровь, а в глаз».

А можно ли пройти, пролететь мимо таких строк равнодушно, как вот в этом стихотворении «Женщина»:

*Есть женщины, не броские на вид,
А вот пройдёт и чем-то удивит.
...Чтоб доказать, что женщина всегда –
Неброская, но яркая звезда.*

*Она живёт в уюте и тепле,
Живёт со мною на одной земле.
Поклон тебе, и женщина, и мать,
Что как никто, умеешь понимать.*

И подобных строк немало. Их можно выписывать и выписывать.

В этом же разделе обильно размещены стихи о природе, садах, реках, рыбах, грибах, птицах и животных. Об этом говорят даже сами их названия: «На Покров», «Горбуша», «По грибы», «Боровики», «Ворона», «Соловей», «Бабочка», «Цветы весны», «Венские лошади» и много-много других.

Как будто идёшь с автором по огромной земле и вместе с ним любишься всей этой земной красотой и её богатствами и рождаются в душе думы и тревоги за всё это многообразие природы, которой ныне так угрожает технический прогресс и пожары.

А у автора и об этом душа болит.

Эта же тема продолжается и развивается в заключительном пятом разделе книги, названном «Белобрысый тополь». Этот раздел книги более краткий, но и в нём около 70 стихотворений и в большинстве своём о русской, богатой на краски природе. Тут все времена года, но чаще является осень, со своими дарами, красками, дождями и ветрами.

Да и сами названия стихов уже говорят и об их содержании: «Природа», «Осень», «Ночь на даче», «Лунная дорога», «Осенний натюрморт», «Бабье лето в Москве», «Русское поле», «Дельфины», «Бор». И какое бы стихотворение мы ни взяли для рассматривания, оно говорит о русской природе, её богатом разнообразии, о нашей России.

Так, в стихотворении «Природа» автор стремится душой понять её состояние и как бы поговорить с ней, поведать ей о себе и слиться с её состоянием, давая отдых своей душе.

*Смахну тоску с усталого лица,
Взгляну на небо, лёгкое от сини.
Оно, наверно, тоже без конца,
Как бесконечен жгучий дух полыни.*

*Растает день и в ночь переходя,
Подарит он уже иные звуки
И запахи. И капельки дождя
Опустятся в протянутые руки.*

*Я буду ждать, когда взойдёт звезда,
Пока блаженно не заснёт природа,
Тогда очнусь и побреду туда,
Где суета и шумно от народа.*

Но кто из нас не искал и не находил успокоение и отдохновение душе своей в дачном покое, на лоне природы и на свежем, пахнущем разнотравьем, воздухе. Владимир Силкин с чувством глубокого лиризма пишет о завершении дачного сезона и отдыхе в последнюю в сезоне ночь на даче.

*Ты молчишь, будто знаешь такое,
Что на свете не знает никто.
Только что-то тебя беспокоит,
Беспокоит неведомо что.*

*Всё пройдёт, что порой беспокоит,
Завершится и дачный сезон.
Беспокоиться больше не стоит,
Что с утра завершается он.*

*Что с крыльца безголосая птица
Улетит и не скажет: «Прости!»
Завершается ночь, а не спится,
И нельзя эту ночь обойти.*

(«Ночь на даче»)

Владимир Силкин может так воспеть природу, так зажечь её разными красками, что стихи о природе становятся песней. Такая судьба у стихотворения «Бабье лето в Москве».

Только присмотритесь к краскам природы и прислушайтесь к музыке слов об осени бабьего лета в Москве:

*Вновь сентябрь рассыпает монету,
Заставляя звенеть синеву.
И мгновения бабьего лета
Наполняют дыханьем Москву.*

*Чьи-то мысли над городом кружат,
Как вода из криницы, чисты,
И с опаской по глянцевым лужам
Разноцветные скачут зонты.*

*Я люблю это время шальное,
Время встреч и последних разлук,
Когда бисерный дождик – стеною,
И сердец обезумевших стук...*

Как это всё лирично и пронзительно волнует. О каком бы событии в жизни ни взялся писать Владимир Силкин, во всём он найдёт какие-то особые черты и краски явлений и

предметов, что становится видимым и живым. И радость становится радостью, а грусть – грустью.

Сколько песен и стихов у нас сложено о русском поле. Много. Но Силкин не боится этого и пишет своё стихотворение «Русское поле». И находит к нему свои думы и свои краски, свои размышления об этом.

*Кто-то сглазил тебя, обездолил,
И царевич твой сбился с пути.
Хлеборобное русское поле,
Как же вышло, что ты не в чести?*

*Только лешие бродят по свету,
Только ведьмы по сёлам живут.
Поле-полюшко, долго же нету
Человечьего голоса тут.*

*Кычут сонные совы в низинах,
Над стернёю кричит вороньё
И клюёт у прогневших овинов
Золотистое жито твоё.*

1996

Так может писать об опустевшем русском поле только большой художник, мыслитель и патриот Отечества, видя это запустенье.

Это напоминает стихотворение великого поэта Николая Некрасова «Несжатая полоса». А тут оно и не пахано, и не сеяно. Да, так оно в 90-е лихие годы и было. Мы это сумели поправить, пережить. Но на селе осталось много проблем и одна главная: как возродить наши сёла России, разбросанные и опустевшие в сельских глубинках?

Окончу эти грустные размышления кратким и оптимистическим стихотворением «Бор», которое завершает и этот последний раздел, и всю поэтическую книгу Владимира Силкина:

*Песнь соловьиная в этом бору.
Тишь первозданная здесь поутру.*

*Я полюбил этот солнечный Храм,
Настежь открытый свободным ветрам.*

*И потому я счастливым живу,
Что понимаю и лес и траву.*

1980

Вот так и живёт наш поэт и офицер Владимир Силкин с огромной любовью к России и постоянной болью и переживаниями в своей душе за все беды и несчастья, что случаются в родной державе, и своим трудом и правдивым, искренним словом делает всё, чтобы его великая Родина крепла и цвела в веках.

Не могу обойти замечательные мысли и думы о поэзии Владимира Силкина, высказанные в конце книги литературным критиком Ириной Шевелёвой в её краткой, но ёмкой статье «Россия Владимира Силкина».

Своим чутким женским сердцем она уловила многие тончайшие звуки поэзии В. Силкина и выразила её наиболее мощное и ведущее звучание.

Она пишет: «Главная тема Силкина – война, битва за родное и родимое поле жизни и ныне, и в былом, и, возможно, в грядущем.

Тема народная, решаемая поэтом в народном ключе, притом исключительно лирически, лично пережитая, преобразённая личной памятью, думой, сердцем. И потому сюжетно неистошима...» (стр. 555).

Сказано верно: ни убавить, ни прибавить. Но вот она с ещё большей смелостью и уверенностью отмечает: «Поэт сам, как солнце, смотрит на родную страну. И хотя мир задыхается гарью и павшие вспоминают: „Кто я? Где я? И что вокруг за темнота?“, и невозможно сдержать возглас: „Друзья мои, да что ж все пули в нас...“, и в трагической судьбе

чернобыльских сёл уже заполнены страницы, и оседают на дне потонувшие корабли, разбиваются самолёты, а „я ещё не вернулся с войны, / по горам мои думы блуждают, / по-бандитски меня со спины / волчьи дети ещё поджидают“, и звучит в его лирике щемящий мотив собственной невечности на земле: „Скрипит земля в ночи вращаясь, устав за миллионы лет, и я прощаюсь, я прощаюсь с тем, что навек оставит след“, – Россия неизменно стоит перед взором поэта в торжественной яви, открытости, как вселенский дом, знакомый и выписанный художественной кистью во всех своих чертах. Прочно стоит» (стр. 557). И будет стоять, если каждый человек, кто в ней живёт, будет защищать её своим сердцем и жизнью, работать для неё, не жалея сил своих, думать о её будущем и приближать его.

Не следует забывать и о том, что все мы, русские поэты, выросли от одного ломоносовско-державинского корня. И если Михайло Ломоносов в русской истории явился «отцом русской литературы» по твёрдому убеждению Белинского, то Гавриил Державин – «Отцом русских поэтов». Вот от этой печки и надо начинать плясать, когда мы берёмся размышлять о генезисе наших поэтов и поэзии и её далёких, уходящих в века перспективах.

Три века русской поэзии уже определили направления роста её единого древа и тем более движение её главного ствола.

И на этом мощном стволе русской поэзии поэзия Владимира Силкина не останется ни «веточкой лета», ни веткой «белобрысого тополя», а самодостаточной ветвью военно-патриотического направления, выражающей смысл и дух нашего времени.

Чем дальше вперёд уносит нас время жизни, тем дороже для нас становится память о тех духовных истоках, от которых мы, как русский народ, начали своё литературное и духовное становление. А началось оно с принятия Христианства на Руси, с далёких песен Бояна и памятного всем «Слова о полку Игореве».

Семь веков древней русской литературы тоже нас многому научили, как и литература последних трёх веков. Об этом нам ясно напоминает древнее имя монаха Пересвета, бессмертного русского воина Куликовской битвы, который своим подвигом дал название книге стихов поэта XXI века Владимира Силкина «Посох Пересвета». И это роднит нас с самыми далёкими временами древних русичей. А теперь в 2015 году я листаю тяжёлый красочный альманах русской поэзии, посвящённый 200-летию Михаила Лермонтова, в котором собраны и изданы свыше ста русских поэтов и среди них есть портрет и стихи Владимира Силкина.

Пусть отобраны его не лучшие стихотворения, но достойно его представляющие. Он в большой когорте русских поэтов, таких как Евгений Евтушенко, Станислав Куняев, Владимир Костров, Валентин Сорокин и другие, уже именитые и мало известные, и неизвестные вообще, что для России ныне не удивительно. Я желаю всем поэтам новых открытий и достижений на пути русской поэзии и, главное, чтобы их душевное слово доходило до ума и сердца каждого человека и гражданина нашего Отечества.

Если книги поэзии выходят в свет в наше столь сложное и трудное время, то поэзия будет жить и обновляться в веках грядущих.

15 февраля 2015 г.
г. Воронеж.

3. Заключение

Рассмотрение поэзии Владимира Силкина я сделал на фоне широкого вступления с названием имён и книг великих поэтов и выдвигаемых ныне в великие. Это мне в определённой мере служило той призмой, сквозь которую я глядел на стихи нового, широко и веско заявившего о себе поэта.

Поэтому считаю тут необходимым по рекомендации основоположника русской литературной критики Виссариона Белинского определить творческий пафос поэта, т.е.

то, что он стремится выразить в своей поэзии, что защищает, за что борется, к чему зовёт всей страстью своего сердца и силой разума. Творческий пафос поэта выражается в каждом стихотворении или разделе (цикле) стихов, или отдельной книгой, или всем полным творчеством.

Но я не стану, как школьник, выводить все эти частные пафосы из отдельных частей и сводить их воедино.

Я иду по другому пути. Пафос творчества современного поэта, если он зрелый и настоящий поэт, вытекает из содержания и главных проблем современной поэту эпохи.

Потому, я полагаю, творческий пафос современного поэта должен состоять в том, чтобы убедительно показать всё богатство и величие России, её народа и истории, её среды обитания, включая родной край поэта, не дать России погибнуть ни в настоящем, ни в обозримом будущем времени, обеспечить её надёжную защиту, оборону от всех врагов, надлежащее всестороннее развитие и воспитание молодых поколений людей на боевых и трудовых традициях всех народов страны, в духе дружбы, взаимопомощи, прочно и достойно жить в системе различных государств мира.

Познать весь мир и уберечь его на Земле и в Космосе от всех возможных катаклизмов и случайностей, сохраняя и опираясь на православную веру. Ибо без веры, труда и таланта, стремления к красоте и добру ничто великое не создается.

Потому поэт В. Силкин призывает человека, создателя «угнетать себя до гения», что отвечает данному пафосу поэта, который может в полном объёме и цельно выразить только гениальный поэт.

А уж дорастают до гения только очень одарённые талантом поэты. В этом должен состоять пафос творчества всех писателей России, а уж степень выражения и оправдания его зависит от меры таланта и трудолюбия писателя-художника и творца, его волевых и нравственных особенностей, постижения высот культуры и человеческого духа, целеустремлённости и времени жизни на Земле.

Недаром говорят в народе: кто много жил, тот много видел. Велик и могуч талант Лермонтова, да жаль, что мало пожил.

Лев Толстой, Максим Горький и Михаил Шолохов прожили более долгую жизнь и оставили Отечеству громадное наследие не только по своему объёму, но и по содержанию, красоте и мастерству. Учиться работать надо у великих людей, у гениальных.

И всё это можно найти в половине тысячи стихотворений Владимира Силкина, включённых в данную книгу «Посох Пересвета».

Есть в книге и отдельные слабые стихотворения, выпадающие из общего строя. Их желательно было исключить. Но их едва ли наберётся с десятков, но они есть.

Следовало бы побольше подумать и поработать над последовательностью стихотворений. И уж совсем досадно, что отдельные стихотворения, дающие названия и целому разделу стихов книги, размещены не в своём разделе. Считаю необходимым высказать ещё одно замечание. В книге многие стихотворения посвящены конкретным людям с именем и фамилией, но о них ни в стихах, ни в примечаниях ничего не сказано. А читателю не безразлично, почему именно этому человеку автор посвятил стихотворение. Если в этом есть необходимость, то тогда следует указать в примечании под стихотворением, чем знаменита эта личность, что ей посвящены стихи. А вообще я бы остерегся столь обильных посвящений.

И стихи, и судьба у Владимира Силкина не из лёгких и не из простых. Но он в своём творчестве не сбился на дневниковый характер письма, а к каждому стихотворению относится, как к новому явлению в жизни, которое следует отразить, не пройдя мимо него равнодушно. Об этом говорит и его стихотворение «Жизнь моя», которое характеризует автора как живого участника жизненных событий, а не стороннего наблюдателя. Приведу из него некоторые строки:

*Жизнью топтанный и битый,
Не валился в ноги ей,
А шагал по жизни, сытый
Жизнью пройденной своей.*

*Иногда смотрели косо,
Даже злобно, замечал.
Я на все свои вопросы
Сам себе и отвечал.*

Владимир Силкин широко и философски смотрит на жизнь, с уверенностью заглядывая в будущее:

*Тридцать с лишним... Маловато,
Чтоб итожить и считать.
И, душа моя, права ты,
Что не бросила летать.*

*Над халтурою и ложью,
В серебристых облаках
Ты летишь по бездорожью,
От обиды в синяках.*

*Не привыкшая к муштровке,
Но послушная перу,
Ты летишь без остановки
Прямо к свету и добру...*

Не случайно это стихотворение стало одной из многих песен поэта.

А когда из стихов рождаются песни, это только подтверждает близость этих стихов духу народному.

Таковы некоторые мои наблюдения и впечатления от новой обобщающей творчество поэта книге, книге, нужной сегодня, воспитывающей патриотов и граждан России. А это очень важно. Потому и автор ныне идёт по трудной, но

главной дороге в нашей жизни. Искренне желаю ему новых свершений на этой стезе.

Когда вышла в свет книга Владимира Силкина, о которой я пишу, никто тогда и не думал о том, что на Украине может разгореться гражданская война, но это случилось...

Думаю, и Владимир Силкин ещё скажет своё слово об этой войне, нашей общей боли.

Сплотиться и устоять в борьбе с нашими недругами, а то и открытыми колоннами врагов – наша главная сегодня задача. Будем же верны нашему долгу перед родным Отечеством и словом, и делом!

3 марта 2015 г.

Примечания к сказанному

Статья окончена, но её ещё можно было продолжить. Я сознательно опустил и другие достоинства стихов поэта. Их немало. Но я старался не упустить главное. Что касается вопросов к статье, их может быть много.

Первое. А какое отношение имеет вступительная часть о крупных и известных поэтах России к поэзии Владимира Силкина, если не даётся никаких сравнений с ними?

Я своей статьёй даю понять читателю, к какому ряду поэтов я отношу поэзию Владимира Силкина, поэзию нашего времени. А сравнивать предоставляю возможность читателю. Если он настоящий любитель русской поэзии или, тем паче, если и сам пишет стихи, а таких у нас ныне тысячи, то он и сам найдёт, что с чем сравнить, читая обильно приведённые цитаты и стихи современного русского поэта Владимира Силкина.

Второе. Я полагаю, что меня могут упрекнуть в излишнем цитировании и нередко полном воспроизведении отдельных стихотворений поэта.

Отвечаю: привожу и цитирую стихи ровно настолько, сколько это необходимо для того, чтобы дать более полную и убедительную оценку стихам. Они этого заслуживают. Ти-

раж книги в 1 тыс. экз. даже для одной Москвы очень мал, тем более для России.

Кто, где прочитает эти стихи, если их не привести в самой статье, насколько это возможно?

Я убеждён в том, что каждая строка и каждая мысль относится к делу, за которое я взялся.

Третье. Каково состояние русской поэзии сегодня? Давать ответ на этот вопрос в данной статье – такую задачу я не ставил. Но приведённые имена и книги поэтов, выход в свет ежегодных «Дней поэзии», многих литературно-художественных журналов, «Литературной газеты», книг авторов, в том числе изданных за свой счёт, говорят о том, что поэзия не умерла, она живёт и продолжает добрые традиции русской классики XIX и XX веков. Есть серьёзные проблемы. О них пишут и наши журналы, и «Литературная газета». Там можно получать обстоятельные ответы на многие вопросы. Но некоторые трудности я показал на жизненном и творческом опыте отдельных авторов.

Четвёртое. В статье не затронута техника стихосложения. Почему? Отвечаю. Поэзия – это огромный мир, а у большого поэта – это Вселенная (не побоюсь этого слова). Поэзия создаётся как по общечеловеческим законам и понятиям, так и по своим специфическим правилам поэзии. И тут можно говорить о языке поэзии, о её ритмах, размерах, о рифме и других слагаемых поэтического мастерства.

Но как раз техническая сторона поэзии В. Силкина отличается высокой грамотностью и достаточной гармонией. Сам автор стихов – профессиональный редактор и по образованию, и по должности (он – ответственный редактор журнала московских писателей «Московский Вестник»). Потому я для своего рассмотрения взял содержание поэзии, её направленность, с чем, прежде всего, и сталкивается наш читатель.

Пятое. Во вступительной части статьи названо более двадцати известных авторов поэзии. Относится ли к этому ряду поэтов Владимир Силкин? Он этот ряд продолжает.

Названные авторы в своём большинстве работали и состоялись до 1990 года, что подтверждено и годами выпуска их книг.

Судя по книгам поэзии, а их у В. Силкина более сорока, я полагаю, что начиная с 2000 года, после выхода книг «Спелые ветры», «Блокпост», «Избранное», стало ясно, что автор обрёл свой крепкий голос. Наиболее полным его творчество представлено в книге «Посох Пересвета» (2014).

Ныне Владимир Силкин – один из ведущих поэтов России начала XXI века. Я уверен, что новые книги у него ещё будут.

В альманах «День поэзии. XXI век» (2014) Владимир Силкин вошёл достойно.

Остаётся верить, что русская поэзия через ряд лет займёт в русской и мировой культуре своё достойное место. Будут и новые великие имена.

Что касается литераторов гениальных, то они не выращиваются, а являются в мир литературы, чтобы изменить устаревшее его развитие или застойное и костенеющее его состояние. А это происходит, как правило, в сложной борьбе гения с обстоятельствами современной ему эпохи (Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Достоевский, Лев Толстой, Горький, Маяковский, Шолохов...).

Будут ещё в России гении!..

Михаил ЛЕСНИКОВ,
г. Воронеж.

БЕРЕЗНЯК И ПОЛЫНЬ

«В книгу „Между Хуптой и Рановой“ заслуженного работника культуры РФ, лауреата Государственной премии России, секретаря правления Союза писателей России, секретаря Московской городской организации Союза писателей России Владимира Силкина, вышедшую в Тамбове, вошли стихи, написанные в разные годы, – сказано в аннотации. – Но неизменно в них одно – любовь к родному краю, его трудолюбивым людям, незамутнённой никакими ветрами природе. Тут и память о тех, кого уже нет, кто стал частью истории Ряжского района, удивительная топонимика, оживающая в задушевных поэтических строках».

Владимир Силкин – полковник запаса, почётный гражданин города Ряжска, почётный гражданин Рязанской области. Удостоен диплома престижной премии «Щит и меч Отечества» за сборник стихов «Русская юла», посвящённый российским военнослужащим – участникам военной операции в Сирийской Арабской Республике. Его поэзию всегда отмечала ясно выраженная гражданская позиция и любовь к Отчизне. Вот почему название новой книги кажется странным. Но это только на первый взгляд. Хупта и Ранова – реки Ряжского района Рязанской области, и их дыхание, явь всегда помогали поэту переносить тяготы и лишения, были подспорьем в минуты отдыха.

Именно там Владимир Силкин и родился и всегда при первой же возможности возвращается на малую родину, хотя давно уже живёт в Москве. На берегу Рановы в течение четырёх лет проходит фестиваль друзей «Рановское лето», где и была впервые представлена новая книга поэта. Она выпущена в твердой обложке и приурочена к 65-летию автора.

«В этом году должностные лица городов Ряжска и Рязани Николай Игнатов, Сергей Филимонов, Андрей Насонов, Олег Мокроусов помогли мне издать стихи, посвящённые землякам, населённым пунктам, рекам, растениям моей малой родины, – рассказывал о поездке на фестиваль сам автор.

– Презентацию провёл заместитель начальника управления культуры города Рязани Михаил Тихонский. Много стихов читал и я. Выступили почитатели моего творчества».

Уроженец Рязанщины, поэт сложил немало прекрасных строк о своих родных местах. Читая стихотворения, невольно представляешь окружающие автора пейзажи, ведь стихи его характеризует яркий силкинский стиль – задушевный, очень искренний и полный ярких образов:

*Между Хуптой и Рановой
Березняк и полынь.
Белый цвет и шафрановый
И не спящая синь.*

Непривычные и даже странные названия рек объясняются легко: Рязанская область граничит с Мордовией, и многие географические точки рязанцы переняли оттуда.

В 2019 году отмечалось 74-летие Победы в Великой Отечественной войне, и именно поэтому Владимир Силкин открывает свой сборник стихотворением «Русский рубеж», которое начинается словами:

*Салют в Москве
Берлин затеял рано,
Ведь надо было
Ряжск ещё пройти.
Но танковый кулак Гудериана
Упёрся в неприступные пути.*

Но это, пожалуй, единственное в книге стихотворение о войне. Остальное – лирика, которая читается на одном дыхании, завораживая буквально прозрачностью стиля. И не скажешь, что всю сознательную жизнь Владимир Силкин прослужил в Вооружённых силах СССР и России. На мой взгляд, суровая армейская жизнь самым положительным

образом отразилась на творчестве поэта: научила краткости, философичности, точности в отборе деталей. Это сразу замечаешь, когда углубляешься в строки, понимаешь всю их прелесть:

*На тесную лавочку сяду,
Оглянусь – и заходится дух!
Словно пух лебединый по саду –
Пух вишнёвый, обманчивый пух.*

Читаешь эту вкуснятину и сразу же возникает в голове картинка, которую так умело и изящно нарисовал словами автор. Он умеет радоваться каждому мгновению жизни, ценить самые простые дары любого времени года, которые на деле и оказываются истинными.

С лёгкой иронией поэт передаёт свои впечатления от рыбалки в стихотворении «Сазан»:

*Сазан, ломая плавники,
Не лез в сачок, буравил воду,
И матерились рыбаки,
Что я не смог подсачить сходу.*

Надо подчеркнуть, что многие стихотворения поэта связаны с рекой и рыбалкой: «Лещ», «На рыбалку», «На рыбалке», «Река», «Речке Ранова», «Сом» и др. И это тоже признание в верности от заядлого рыбака Владимира Силкина.

Красной нитью в сборнике проходит тема родного края, красоты провинции и её прошлого. В одном из своих стихотворений «Взгляд» автор даже даёт «историческую справку»: «Город Рязск основан в 1502 году. Ранее назывался Рясском», и тут же мы чувствуем ностальгию по прошлому, гордость за своих предков:

*Я не видел, но было, наверно,
Часовые недалней Москвы,*

*Земляки мои, ряссы, за веру
Не жалели своей головы.
Поднимали усталые руки,
Обнажали карающий меч
За леса, за луга, за излуки,
За невучую русскую речь.*

Практически каждое стихотворение поэта имеет посвящение конкретному человеку – другу. И мы понимаем, что таким образом автор выражает свои чувства и признаётся в любви близким. Например, стихотворение «Дорога к дому» посвящено Виктору Новкину:

*Березняк, березняк, березняк...
Успеваешь подумать о многом
На дорогах, где шалый сквозняк,
На забытых дорогах.
Перепёлка взлетит из-под ног,
Волчий след обозначится в иле...
Как прожить я без этого мог?
Да прожил ли?*

Перечитывая сборник, каждый раз неожиданно улавливаешь новые оттенки и полутона в стихотворениях, каждый раз видишь яркие краски в образах.

Очень удачно сделано оформление книги – небольшого размера, изящный сборник «одет» в обложку с изображением среднерусского пейзажа. Так и представляется, что поэт сидит где-то неподалёку и пишет очередное стихотворение.

Жаль, что тираж сборника невелик – всего 300 экземпляров, и уже стал библиографической редкостью, а ведь Владимира Силкина знают многие. И не только в России, но и за её пределами.

Откладываешь уютный поэтический сборник, а перед глазами – слепящий глаза березняк, щекочущий, горящий

запах весенней полыни. И хочется снова и снова пройтись по поэтическим полям Владимира Силкина, набрать душистый букет строк, заимствованный им у природы.

Ангелина БРЖЕВСКАЯ,
газета «Ветеранские вести», апрель, 2020 г., с. 11.

«КЛАНЯЮСЬ В ПОЯС ДОРОГЕ»

Под таким названием в Витебской областной библиотеке имени В.И. Ленина состоялась творческая встреча с поэтом, лауреатом Государственной премии Российской Федерации, заслуженным работником культуры России, секретарём Правления Союза писателей России Владимиром Силкиным.

Поэзия Владимира Александровича настолько популярна, что его фамилия внесена в книгу «Знаменитые люди Москвы». Более 400 стихотворений поэта положены на музыку, и эти песни – частые «гости» на различных концертных площадках России. Многие композиции закрепились в репертуаре таких артистов, как Александр Маршал, Владимир Трошин, Лариса Трухина и др.

С недавнего времени произведения Владимира Силкина стали звучать на болгарском и черногорском языках. На сегодняшний день известны 35 его поэтических сборников. Мастер пера поделился с витебской аудиторией своими «изобретениями», рассказал различные истории, многие из которых нашли отражение в его стихах. Также он поведал о первых шагах в творческую деятельность, которая началась в литературном объединении при газете «Авангард» в городе детства Рязске (Рязанская область). Неудивительно, что первая его книга «Отсюда Родина видней» посвящена родному краю, ностальгические воспоминания о котором положены в основу сборника. Примечательно, что имя В.А. Силкина носит Рязская библиотека № 2.

С нашей страной поэта связывает служба в учебном подразделении в Минске. Различные занимаемые офицерские должности в последующем не стали преградой для его творчества, а напротив, ещё сильнее развили и укрепили литературный талант. Поэтому произведения Владимира Александровича всегда отличались особой граждан-

ской позицией. Ему не раз доводилось быть в горячих точках, события которых по сей день хранят страницы сборников, «пропитанных» печальными и тревожными мотивами. Следует отметить, что его стихи уже признаны классикой современной военной поэзии.

Помимо всего витебской публике посчастливилось услышать совсем «свежие» произведения Владимира Силкина. Абсолютное чувство ритма, мелодика лирических струн его творений никого не оставили равнодушными. Присутствующие удивлялись, как автору удаётся вмещать в одной строчке такие точные и ёмкие образы.

Владимир Силкин по праву гордится международным орденом «Крылатый лев», многочисленными медалями. Он лауреат различных литературных премий, а за создание студии военных писателей награждён отличительным знаком «Золотое перо Руси» и др. На творческой встрече в столице Придвинья его копилка достижений пополнилась ещё и грамотой за значительный вклад в развитие русской литературы и словесности, содействие интеграционным процессам в рамках Союзного государства России и Беларуси, укрепление и развитие российско-белорусских общественных связей и контактов, которую ему вручил председатель Витебского общественного объединения «Русский Дом» Андрей Геращенко.

Ольга БУЛАВКА,

«Кланяюсь в пояс дороге», газета «Віцебскі рабочы»,
№ 11 (22425), 29 студзеня 2013 г.

ПОЭТ ОТЕЧЕСТВА!

К юбилею Владимира Александровича Силкина

Дорогие читатели, уверена, что только прочитав «визитку» нашего сегодняшнего литературного героя, вы представите себе человека-«глыбу», которому по плечу любые подвиги – и житейские, и литературные... И вы абсолютно правы! Пока на Руси рождаются такие люди – настоящие патриоты Родины, своей Верой и Духом защищающие её границы и расширяющие их своим талантом, в нас вместе с чувством гордости за них и за Россию живёт твёрдая уверенность, что мы сильны и непобедимы...

Поэт, публицист, общественный деятель, журналист, офицер, учёный... Владимир Силкин прошёл сложный жизненный путь. Возводил Ряжский авторемонтный завод, Рязанскую ГРЭС, завод автоматических линий... Позже связал свою жизнь с армией, в которой служил Верой и Правдой нашей Родине, потом ушёл в запас в звании полковника.

Литературная деятельность В.А. Силкина началась в литобъединении при газете «Авангард» (Ряжск). Первую книгу стихов «Отсюда Родина видней» он выпустил в Дальневосточном книжном издательстве (Владивосток, 1983). Стихи и песни поэта публиковались в журналах «Поэзия», «Московский писатель», «Роман-журнал XXI век», «Московский Вестник», «Молодая гвардия», «Аврора», «Знаменосец», «Воин России», «Пограничник», «Дальний Восток», в газетах «Красная звезда», «Литературная Россия», «Московский литератор», «Литературной газете» и др. Поэзия В. Силкина наполнена любовью к малой родине, её людям и природе, тревогами о судьбах нашего соотечественника, оказавшегося на жизненном перепутье и стоящего перед необходимостью делать свой нелёгкий нравственный выбор. Лейтмотив многих произведений Силкина – перипетии воинской службы, региональные конфликты и войны, состояние человека в условиях боевых действий, перед ли-

цом постоянной смертельной опасности. Вы, уважаемые читатели, наверняка знаете и слышали многие из них, возможно, порой не ведая, кто их автор – так как эти песни и стихи попадают прямо «в народ» и звучат, как звучали в своё время стихи К. Симонова, потом – Б. Окуджавы и В. Высоцкого.

В творчестве В. Силкина проявляются и тенденции классического напевного стиха, близкого к русской фольклорной традиции. Однако мягкость и лиризм, идущие от стилистики Кольцова и Есенина, не мешают его стихам оставаться абсолютно современными, а там, где он касается проблем военного времени – мужественными и жёсткими. Несомненно, у каждого из этих поэтов свой поэтический стиль и почерк, но главное, что их объединяет – это народная любовь и признание!

*Этой зябкою порою
Страшно хочется тепла.
В этот раз над Ханкалою
В нас вонзается «Игла».
Вертолёт, десантом полный,
Всем нутром своим хрипит.
Дальше я уже не помню,
Дальше я уже убит...*
(«Посадка»)

Профессиональная принадлежность автора к армейской службе несколько не ограничивает круг его писательских интересов. В предисловии к книге Силкина «Кавказский крест» В. Ганичев отметил: «У Владимира Силкина военная тема не превращает поэта в узкопрофессионального стихосложителя. Он – поэт Отечества, поэт сыновей этого Отечества, поэт ран и боли, поэт нежной любви». Поэт не только мучительно ищет черты сходства и различия между солдатами Великой Отечественной и нынешними воинами, но и осознаёт необходимость писать о современной войне

по-новому. В итоговом сборнике «Блокпост» поэт как бы подводит черту под большим, продуктивным, но тяжёлым периодом своего творчества, который он характеризует фразой: «Я ещё не вернулся с войны...» Верность военной теме сочетается с мелодией лирических струн. Так, в сборнике «Когда на Заречной поют соловьи» поэт даёт волю своему лирическому темпераменту – большинство стихов и песен проникнуты задушевным лиризмом, но читатель всё равно ощущает тревожные нотки: слишком в сложное время существует лирический герой Силкина, чтобы надолго отвлечься от насущных проблем. Даже в ходе мирных поездок внимание поэта приковывает к себе именно момент внутреннего противостояния разнонаправленных сил:

*Привстал на бронзовом коне,
Глядит за зимний Днестр Суворов.
Года не те и мягче норы
В забытой русскими стране.*

*Но просыпается чуть свет
Генералиссимус Суворов.
Неужто вновь в атаку скоро
Через каких-то двести лет?!
(«Основатель Тирасполя»)*

Сам Владимир Александрович так рассказывает о своём поэтическом даре:

– Когда на землю вернулась наша тройка космонавтов, я пошёл к бабушке. Взял школьную тетрадку и написал первые свои стихотворные строки. И с этого момента стал сочинять стихи регулярно. А было мне в ту пору 10 лет. Я не пишу тексты к песням: настоящие... стихи уже сами по себе поют, летят, кружатся, танцуют... На мои стихи написано много песен, исполняемых заслуженными артистами России Александром Маршалом, Леонидом Шумским, Галиной

Шумилкиной, народной артисткой России Ларисой Трухиной...

В конце, дорогие читатели, мне хотелось бы поделиться с вами чем-то очень «личным», но мы ведь долго дружим с вами и надеюсь, что поймёте правильно, почему я испытываю особую ответственность и гордость, рассказывая вам о Владимире Силкине: мой отец – тоже бывший офицер (хотя офицеров бывших не бывает!), он тоже служил на Дальнем Востоке, а я начинала свою студенческую жизнь в Уссурийске... Мне очень дороги эти воспоминания. И, кстати, у меня, как у Владимира Александровича, тоже была бабушка Груша... Поэт посвятил своей бабушке пронзительное стихотворение «Баба Груня».

От вашего и от своего имени сердечно поздравляем юбиляра и ждём от него новых прекрасных строк!

Наталья ЕРМЕНКОВА,
газета «Россия сегодня», 15–23 октября 2014 г., с.11.

У КАЖДОГО ПОЭТА СВОЯ ОСЕНЬ

Мои заметки – не простое изложение стихотворений Владимира Александровича Силкина, а попытка прочувствовать притягательную силу его творений с осенними мотивами и неразрывную любовь к родной земле.

Стихотворения, о которых пойдёт речь, написаны автором в 1994 и 2000 годах, и вошли в сборники «Пригорок» и «Спелые ветры».

Конечно, невозможно быть преданным своей Родине, если не любишь её природу, равнодушен и не живёшь с ней в полной гармонии.

У каждого поэта есть время года, которому он отдаёт предпочтение. Поэты всех веков чувствовали и описывали его по-своему. Кому-то из них оно кажется порой увядания, а кто-то, наоборот, не может налюбоваться кружащим в небесной синеве последним кленовым листом или чуть покрытыми инеем, прихваченными первым морозом, увядающими цветами и травой. Восхищают даже тучи, нависающие над увядающими просторами, а обычный дождь кажется прощальными слезами осени по уходящим тёплым летним дням. Именно в осенней лирике интересно наблюдать, как поэт создаёт образ. Ведь он никогда не скажет прямо, что на улице идёт дождь, а листья падают с деревьев.

*В доме пусто и глухо,
И в глухой тишине
Где-то поздняя муха
Всё жужжит на стене.*

*Стылый ветер неровно,
То слабей, то сильней
Сквозь прогнившие брёвна
Дышит в сумрак сеней.*

*Это осень явилась
В паутине дождей.*

*Как последняя милость
Грусть её лебедей.*

*Осень, осень, послушай,
Я прошу об одном:
Не входила б ты в душу
Как в заброшенный дом.
(«Осень пришла»)*

Эти строки про осень наполнены образными картинками, когда неодушевлённому предмету поэт приписывает свойства живого существа.

А вот ещё несколько строк из другого сочинения:

*Опять дожди просеивают грусть,
На стылых реках лист последний стынет.
И то, что я никак не изменюсь,
Любимая, прошу тебя, прости мне.
Уже отлёт готовят журавли,
Трубят, что осень близится к болотам,
Большие крылья машут у земли,
Как будто птицу обижает кто-то.
(«Опять дожди...»)*

Избирательная наблюдательность, спрятанная грусть и нежность создают неповторимую образность стихотворения. Вот тому подтверждение.

*Ботанического сада
Тишина и благодать.
Долгожданная отрада
На листве себе гадать.*

*Как там будет, что случится,
Не предаст ли лучший друг?*

*Осень, огненная птица,
Нагадай мне счастье вдруг.
(«Гадание на жёлтых листьях»)*

Удивительной силы метафора!.. И сердце сразу очищается от тоски, а в душе просыпаются самые прекрасные чувства, которые только может пробудить эта золотая пора.

Особенное сочетание чувств автора, таких как печаль, красота и скромность пейзажа родных мест, подразумевает под собой пейзаж, отражающий душевный склад русского человека, любящего свою малую родину, свои истоки и корни.

*Клочья скупой синевы.
Проводы бешеной грусти.
Среди лимонной листвы
Чёрные грузди.*

*В этот лесок, что прозяб,
Кучами свалены звёзды,
Вбиты берёзы в октябрь,
Будто бы гвозди.*

*И в синеву, что вросла
В запах созревшей калины,
Чётко впечатал крыла
Клин журавлиный.*

*А за промозглым жнивьём,
Ветрена и терпелива,
Вмёрзла в речной окоём
Мокрая ива.
(«Осенний натюрморт»)*

Простые и понятные всем слова в руках мастера творят чудеса – рвут душу, заставляют смотреть по-иному на без-

голосые и обнажённые ветви берёз, на их упавшие листья, которые как «приметы осени» тонут безжалостно в лужах вдоль дорог.

Поэт и литературный критик Иосиф Бродский сказал:

*Страницу и огонь, зерно и жернова,
Секиры остриё и усечённый волос –
Бог сохраняет всё; особенно – слова
Прощенья и любви, как собственный свой голос.*

Поэзия – это не «лучшие слова в лучшем порядке», это – высшая форма существования языка.

Больших творческих успехов и жизненных сил!

Честь имею!

Юрий ВЛАСЕНКО,
г. Псков.

ПОЭТИЧЕСКИЙ БЛОКПОСТ ВЛАДИМИРА СИЛКИНА

Советский и российский писатель, заслуженный работник культуры Российской Федерации (Википедия) Владимир Александрович Силкин 14 октября отмечает 65-летний юбилей. Будущий лауреат Государственной премии России, кавалер ордена Почёта, почётный гражданин Рязанской области и города Рязька (имя писателя присвоено улице и библиотеке) Владимир Силкин заявил о себе как о поэте в литобъединении газеты «Авангард» (первые публикации стихотворений) в родном Рязьске, где окончил дорожный техникум. Призванный в армию, служил в Минске и в Южной группе войск (Венгрия). Потом были Новосибирское высшее военно-политическое общевойсковое училище, мотострелковая рота в Камень-Рыболове (замполит командира), армейская газета «Боевое знамя» в Уссурийске (корреспондент-организатор, начальник отдела), Военно-политическая академия имени В.И. Ленина и более десятка лет службы в Главном управлении кадров Министерства обороны СССР (РФ) в Москве. Начиная с 2000 года, полковник Силкин – начальник Военно-художественной студии писателей Центрального Дома Российской Армии имени М.В. Фрунзе Минобороны России. Председатель правления Союза писателей баталистов и маринистов, член Президиума Международного сообщества писательских союзов (бывшего Союза писателей СССР). Главный редактор военного литературного альманаха «Рать», ответственный редактор журнала «Московский Вестник», секретарь Правления, председатель Совета по военно-художественной литературе Союза писателей России, заместитель председателя – статс-секретарь и председатель Приёмной комиссии Московской городской организации Союза писателей России – это тоже Владимир Силкин.

А ещё: кандидат педагогических наук, профессор, действительный член Российской академии естественных наук,

Петровской академии наук и искусств, проректор Института управления (город Архангельск), руководитель литобъединения имени Героя Советского Союза писателя Владимира Карпова... Сведения о нём можно найти в «Рязжской энциклопедии», Всероссийском автобиографическом ежегоднике «На пороге XXI века», в энциклопедическом справочнике «Великая Россия. Имена», биобиблиографическом словаре Российской академии наук и Института русской литературы «Русская литература», в книге «Знаменитые люди Москвы», в энциклопедическом словаре-справочнике «Новая Россия: мир литературы»...

В библиографии писателя более шестидесяти книг. Строки поэта венчают Аллею Героев города Рязжска, выбиты на памятнике Герою Советского Союза Андрею Серебрякову, установленном во дворе Рязжского дорожного техникума. Владимир Силкин автор свыше шестисот текстов песен; музыкальных альбомов «Блокпост», «Бронежилет», «Звезда отца», «Белый танец», «Залезай ко мне на печь...», «Живу и надеюсь», «Русская юла» и многих других. Песни на слова поэта-воина, ветерана боевых действий в горячих точках Владимира Силкина звучали на самых разных отечественных и зарубежных сценах, в том числе в Кремлёвском дворце, в исполнении таких известных артистов, как, например, Александр Маршал. Одна из новых работ поэта – песня «Юнармия России» (композитор Алексей Тихонов), которую многие уже называют юнармейским гимном.

Творческая и организаторская работа писателя отмечена девятью десятками (!) орденов, медалей, почётных и лауреатских званий. О многообразии интересов и признании литературных заслуг Владимира Силкина свидетельствуют награды – премии: Международная «Чернобыльская звезда», Национальная Петра Великого, «Имперская культура», имени Владимира Даля; диплом международной премии им. С.В. Михалкова «Облака»; медали: «За заслуги в увековечении памяти погибших защитников Отечества» (Министерства обороны РФ), «За верность десантному братст-

ву», «За укрепление Государства Российского», «Начало космической эры», Союза ветеранов Госбезопасности В. Ф. Тимофеева, «Золотое перо границы» (ФСБ), юбилейная медаль «Навеки вместе» (Республика Калмыкия); ордена: «Звезда ветерана спецназа», Русской Православной Церкви преподобного Серафима Саровского, Русской Православной Церкви святого благоверного князя Даниила Московского III ст., высший орден общественного признания «Почётный гражданин России»; почётный знак «За заслуги» от начальника Центра подготовки космонавтов имени Ю.А. Гагарина...

В офицерской и писательской биографии Владимира Силкина своё место занимает Приморский край. В начале 1980-х годов старший лейтенант из Уссурийска Владимир Силкин становится членом Литературного объединения «Творчество» (ЛОТ) имени Александра Фадеева во Владивостоке. В составе приморской делегации участвует в XII Всесоюзном фестивале молодых поэтов братских республик на Украине, едет в Москву на VIII Всесоюзное совещание молодых писателей Советского Союза. Владивосток – родина первого поэтического сборника молодого поэта «Отсюда Родина видней». В приморской столице, в литобъединении ЛОТ, Силкин подружится (как покажет жизнь – навсегда) с такими же, как он, неизвестными тогда поэтами Вячеславом Протасовым и Владимиром Тыцких. Лет через двадцать Виталий Хрипченко, бывший в 1980-е годы заместителем заведующего отделом пропаганды и культурно-массовой работы Приморского краевого комитета ВЛКСМ, под патронажем которого работало краевое литературное объединение, напишет: «Актив ЛОТа составляли несколько десятков молодых литераторов. Среди них было немало одарённых людей, с творчеством которых мы связывали большие надежды, связывали, без преувеличения, будущее приморской литературы. В этом ряду особенно выделялись поэты: работавший в порту Вячеслав Протасов, офицер Советской Армии Владимир Силкин и флотский

журналист, в недавнем прошлом подводник, Владимир Тыцких. Их творчество уже тогда получило высокую оценку – все они стали лауреатами премии Приморского комсомола. Конечно, кто-то считал эту оценку преждевременной: у Протасова и Силкина только-только вышли первые тоненькие книжки, а Тыцких вообще получил лауреатское звание за публикации в периодике. Но вот прошло время, и стало очевидно: ошибки не было. Наши лауреаты заняли своё, заметное и достойное, место в дальневосточной поэзии. Впрочем, не только в дальневосточной».

Утверждение Виталия Хрипченко, что названные друзья-поэты принадлежат не только дальневосточной литературе, по отношению к Владимиру Силкину справедливо на все сто. Московским писателем называют его москвичи, рязанским с полным основанием считают земляки-рязанцы. Он – член Координационного совета земляков при губернаторе Рязанской области, член правления Рязанского землячества в Москве. Его можно назвать и так: космически-кругосветный поэт. И не только потому, что у него много друзей среди военных моряков и писателей-маринистов, что он свой для лётчиков-космонавтов, среди которых есть его земляки. Экземпляр поэтического сборника Владимира Силкина, Вячеслава Протасова, Владимира Тыцких «Три имени» вместе с книгой Силкина «Золотое кольцо» обошёл вокруг света на парусных судах «Надежда» и «Крузенштерн». Книга песен на слова Силкина «Журавника» сопровождала в полёте экипаж 10-й международной космической экспедиции на орбитальном комплексе «Союз ТМА – 5».

Но, пожалуй, главное в творчестве нашего юбиляра наряду с его разноплановой лирикой – поэзия военная, представленная в таких сборниках, как «Чувство долга», «Кавказский крест», «Контрольно-следовая полоса», «Авиабазы “Хмеймим”», «Сирень Победы», «От Москвы до Уссурийска и обратно», «Блокпост»...

Стихи поэта, тексты его песен опубликованы в антологиях: «От Полтавской битвы до чеченской войны», «Аты-баты, шли солдаты», «Московские зори», «Москва... как много в этом звуке», «О родине большой и малой», «О Великой Отечественной войне», «Поэты Москвы о России и хлебе насущном», «Поэты Москвы и России в лучших своих строках», «За горами, за долами», «Молитвы русских поэтов XX–XXI» и многих других.

Приморцы, дальневосточники вправе гордиться: первые публикации Владимира Силкина в антологических изданиях состоялись в сборниках «100 лет поэзии Приморья» и «Дальний Восток в поэзии современников».

В чём секрет поэта? Едва ли на этот вопрос сыщется исчерпывающий ответ. Однако это не значит, что его не стоит искать. Один из исследователей творчества поэта Юрий Рыченков пишет: «Сколько стихотворений в русской литературе написано о Родине, о родной земле, о малой родине. Но тема эта волнует каждого автора, и как же трудно сказать своё слово, не повториться. Как любящий сын знает привычки своей матери, так и Владимир Силкин в совершенно простом стихотворении «Золотая рыбка» (даже название настраивает читателя на нужный лад) всё сказал самыми простыми и понятными каждому русскому человеку словами:

*Не верю неподвижным поплавам,
Сижу на речке без толку с рассвета,
Ведь рыбы, если верить рыбакам,
Давным-давно в родимой Хупте нету.
О чём-то спорят на лугу грачи,
Кузнечик что-то мастерит на зиму,
А я себе валяюсь на печи,
И жизнь, как скорый, пролетает мимо.
О Русь моя, ну что ты за страна!
Играешься до старости в игрушки...*

*И верю я, что именно у нас
Иван-дурак женился на лягушке.*

Поражает аскетическая простота этих строк. Ни одного эпитета, ни единой метафоры, никакого красноречия, но в этом отсутствии всяких эффектов и заключается сильнейший эффект: чем кажется непритязательнее форма этих стихов, тем вернее они доходят до сердца. Именно этим и поразили меня эти стихи: я понял, что для такой безыскусственности требуется большое искусство, что в этой предельной простоте – подлинная красота. И это не случайно. Вот ещё строки из стихотворения «Чтоб тянуло в духмяные сени...»: *«В Константинове песни и пляски, / Облака отдыхают в Оке.../ Ах, какие красивые сказки / Носит русский мужик в кулаке»*. И стихотворений на эту тему, такую важную для поэта, предостаточно в каждой из книг Владимира Силкина. Он сам в стихотворении «Даль зовущая» признаётся, что тема эта – одна из главнейших в его творчестве: *«Я раньше грустил, а сегодня тоска / Всё зримей по отчему краю, / И камень свой я, как Сизиф, сквозь века / К родному порогу толкаю»*. И, как корнями вросший в русскую землю, человек военной судьбы Владимир Силкин хорошо понимает на своём многолетнем опыте, в чём опора и надежда России. Сказал так, что проще не скажешь. Его стихотворение «Мужики» – это кредо умудрённого жизнью человека:

*От зари и до зари
Поливают землю потом,
И в руках у них горит
Их извечная работа:
Пашут зябь и сеют рожь,
Всё трудом соизмеряют
И на прочность молодёжь
В трудном деле проверяют.*

*Сколько лет и сколько зим
Не сгибаются от хвори.
Низко кланяюсь я им,
Людям русского подворья.
Держат солнце на руках
И не стонут от бессилья,
И на них, на мужиках,
И стоит моя Россия.*

...Тонкий художественный вкус, творческое отношение к родному слову позволили поэту выбрать из большого языкового арсенала слова самые простые и прозрачные. Как говорил А. Твардовский: «*Вот стихи, а всё понятно, / Всё на русском языке*». Можно ещё добавить слова непререкаемого авторитета, гения русской словесности Льва Николаевича Толстого: «Необходимое условие и самый верный признак истины – это простота и ясность. Ложь всегда сложна, вычурна и многословна. Все мысли, которые имеют огромные последствия, всегда просты. Величайшие истины – самые простые».

Владимир ТЫЦКИХ,
газета «Утро России», г. Владивосток,
№ 5435, 12 октября 2019 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Виктор Мостовой. «Наверно, я с природою на „ты“». О поэзии Владимира Силкина.....	3
Никола Иванов. Поэзия естества	8
Ангелина Бржевская. «Муза моя! Мне в плохое не верится...»	11
Станислав Пенев. Близость родной земли.....	15
Юрий Рыченков. Поэзия русской души... Дорога Владимира Силкина	17
Сергей Казначеев. Арсенал полковника Силкина	27
Кришна Пракаш Шрестха. Поэтическое путешествие в Непал.....	29
Нина Попова. «Не роите яму никому...»	33
Олег Дорогань. На крыльях песенной судьбы. О поэзии Владимира Силкина	40
Ольга Воронова. «Авиабаза „Хмеймим“ так далеко от Рязани...». О книге стихов Владимира Силкина «Авиабаза „Хмеймим“».....	50
Александр Трапезников. Русский витязь с нежной душой. К 65-летию поэта Владимира Силкина	57
Андрей Канев. Поэзия и проза на русском языке в Республике Коми в 2012 году	61
Альберт Оганян. Воодушевлённый родиной.....	67
Александр Вырвич. Не только о переводах... ..	70
Виктор Мостовой. Московская осень в стихах Владимира Силкина	75
Юрий Рыченков. Простая правда Владимира Силкина. О книге Владимира Силкина «Зимние яблоки»	79
Михаил Лесников. О книге Владимира Силкина «Посох Пересвета».....	91

Ангелина Бржевская. Березняк и полынь	166
Ольга Булавка. «Кланяюсь в пояс дороге»	171
Наталья Ерменкова. Поэт Отечества! К юбилею Владимира Александровича Силкина	173
Юрий Власенко. У каждого поэта своя осень.....	177
Владимир Тыцких. Поэтический блокпост Владимира Силкина.....	181

ПОЭЗИЯ РУССКОЙ ДУШИ

О творчестве поэта
Владимира Силкина

Редактор – А.В. Кавылин.
Технический редактор – В.В. Кавылин.
Дизайн, вёрстка – Д.А. Плешивцев.
Корректор – Э.Ю. Пашкова.

Подписано в печать 23.09.2020 г.
Формат 60x90 1/16. Объем 11,1 усл. п. л.
Гарнитура Times. Печать офсетная.
Бумага офсетная 80 г/м².
Тираж 500 экз. Заказ 2309.

Издательство «ЗЕБРА» –
г. Белгород, ул. Победы, 165.
Отпечатано в типографии ООО «ЗЕБРА» –
г. Белгород, ул. Победы, 165, тел. (4722) 78-37-36.

ISBN 978-5-6044824-1-4

9 785604 482414